

№ 3(9). 2015

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

Цитата номера

И кукушка у дальнего бора всё что-то пророчит.
Огурцы под студёным туманом поникли плетьюми.
Ничего-то от нас этот мир и не ждёт, и не хочет,
Разве только, чтоб мы оглянулись и стали людьми.

Евгений Юшин

Июнь 2015 № 3 (9)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко

Телефон: +7 9118630467

E-mail: dovidenko_L@mail.ru

<http://www.dovydenko.ru>

Редакционная коллегия:

Дмитрий Воронин — заместитель главного редактора, раздел «Проза»,

E-mail: pimin00@rambler.ru

Виктор Геманов — член Союза писателей России

Игорь Ерофеев — член Союза писателей России

Николай Иванов — сопредседатель Правления Союза писателей России

Александр Казинцев — секретарь Правления Союза писателей России,

заместитель главного редактора журнала «Наш современник»

Юрий Крупенич — член Союза писателей России

Валентин Курбатов — член Союза писателей России, член Совета

по культуре при Президенте РФ

Александр Николашин — заместитель главного редактора, ответственный

редактор

Андрей Растворцев — член Союза писателей России

Светлана Супрунова — заместитель главного редактора по разделу «Поэзия»,

E-mail: suprunova60@rambler.ru

Владимир Шемшученко — член Союза писателей России

Григорий Блехман — член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован

Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014

Дата выхода номера в свет: 3 июня 2015 года

Тираж: 1000 экз.

Адрес редакции, издателя: 236010, Калининград, ул. Белинского, 44-58

Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна, адрес:

236010, Калининград, ул. Белинского, д. 44, кв. 58

Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки — Анна Степанова

Фото на обложке Валентины Архиповской

Вёрстка — Елена Балантаева

Отпечатано в типографии ООО «График Артс»

г. Калининград, проспект Мира, 5, тел. 92-14-90, e-mail: 921490@mail.ru

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.

Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи должны быть сохранены документом Word (шрифт — Roman, кегль 14, межстрочный интервал — 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста — краткие сведения об авторе. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Берега Памяти. К 70-летию Великой Победы

Александр Ковалев. Пять баллад о Великой войне. <i>Стихи</i>	4
Олег Куимов. Дедова медаль. <i>Рассказ</i>	7
Сергей Кириллов. Рассказ деда	12
Лидия Довыденко. Памяти ветерана. <i>Очерк</i>	17
Дмитрий Ридегер. История одного памятного места	21

Проза

Юрий Серб. Топот, хохот и тьма. <i>Роман. (Начало. Завершение в следующем номере)</i>	38
Елена Тулушева. В хорошие руки. <i>Рассказы</i>	92

Вологодские берега

Ольга Фокина. <i>Стихи</i>	118
Александр Ломковский. <i>Рассказы</i>	122
Геннадий Сазонов. <i>Стихи</i>	129
Николай Толстик. Поздней осенью. <i>Рассказ</i>	134
Юрий Максин. <i>Стихи</i>	140

Поэзия

Владимир Бушин. <i>Стихи</i>	33
Евгений Юшин. Какой потерей полнится душа... <i>Стихи</i>	87
Александр Лайков. В белом круге крутых февралей... <i>Стихи</i>	111
Николай Артамонов. Душа не ведает себя. <i>Стихи</i>	115

Молодые берега

Евгений Журавли. Где кончаются дожди. <i>Стихи</i>	144
---	-----

Берега культуры и искусства

Неонилла Пасичник. Рыцарь Ордена Святого Иоанна Иерусалимского (к 120-летию со дня рождения художника Поля Мака)	156
Анастасия Лиховцева. Практика коллекционирования	165

Безбрежный Русский мир

Елена Лебедева. Русские нити в Ганьи под Парижем	146
---	-----

Переводы

Андрей Липский. Страсть служения. <i>Отрывок из книги воспоминаний.</i> Перевод с французского С.М. Дружбинской и Е.А. Лебедевой	151
--	-----

История и краеведение

Ефим Гаммер. Под звёздами калининградскими. <i>Эссе</i>	168
Наши друзья	173

Берега Памяти. К 70-летию Великой Победы

Александр Ковалёв

Родился в Донецке в 1949 году. Инженер-энергетик по образованию, доктор наук, автор многочисленных научных статей и изобретений, эксперт Международного энергетического комитета. Автор двух десятков книг поэзии и прозы, публицистических статей, член Союза писателей России. Публиковался в российских и зарубежных изданиях.

ПЯТЬ БАЛЛАД О ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ

Памяти моего отца, солдата Великой Отечественной войны, прошедшего с боями от Моздока до Берлина и Праги, посвящаю

1. БАЛЛАДА О ПОСЛЕДНЕМ ШАГЕ

ОН упал не по правилам, боком,
(так не учит военный устав),
не дойдя до чужого окопа
только шаг из приказанных ста.

ОН упал в тёмно-бурый суглинок,
ткнувшись в бруствер пробитым виском,
за четырнадцать вёрст до Берлина –
под чужой деревушкой Шварцблом.

ОН упал двадцать пятого, в среду,
смяв нерусскую землю в горсти,
за четырнадцать дней до Победы,
и за пять до своих двадцати...

А с годами и место, и сроки
уточнились для целой страны:
ОН упал в середине Европы
на исходе Великой войны...

2. БАЛЛАДА О КРОНШТАДТСКОМ АРТИЛЛЕРИСТЕ

Сашка Грач жил на станции Стрельна.
И не Сашкина это вина,
что в июньское то воскресенье
в Сашкин дом саданула война.
«Не посмеет. Слабо...» —
думал Сашка.
И отважно с зари дотемна
он в то утро держал нараспашку
все четыре грачёвских окна.

А она не спросила,
посмела,
всё решила по-своему, влёт.
И поставила Сашку к прицелу —
наводящим в кронштадтский расчёт.
А потом подползла чёрной тенью,
отвела орудийный затвор,
и заставила Сашку по Стрельне
Бить снарядами прямо в упор.
И однажды, в пылу артобстрела,
он по вспышкам чужого огня
положил перекрестье прицела
на четыре знакомых окна.
Он узнал все четыре.
А рядом,
врывшись в землю у самой стены,
по растерзанному Ленинграду
били,
били чужие стволы.
И тогда он рукой онемелой,
обжигая металлом ладонь,
довернул маховик по прицелу,
с кровью выдохнув слово:
«ОГОНЬ!..»
Он кричал его хрипло и страшно,
позабыв все другие слова.
Он расстреливал дом свой вчерашний,
Сашка Грач из десятого «А».
И, наверно, от этого крика
и несказанных Сашкою слов
в небе
огненной дамбой возникли
все две тыщи
кронштадтских стволов.
Поднялись
и ударили разом

над кипящей балтийской водой,
мстя за кровь
и за боль Ленинграда,
и за Сашкин расстрелянный дом.

...В остывающем небе прогорклом
настороженный ястреб кружил,
а под ним, петлей стиснутый город,
задышался и всё-таки жил.

3. БАЛЛАДА О СЛЕПОМ СОЛДАТЕ

Солдат Петров не слышал о Гомере,
не ведал про судьбу его и славу.
Ему фашист в конце войны отмерил
Осколок в десять граммов под Бреслау.

Дивизионный врач осколок вынул,
не лгал, не обнадежил словом лишним.
Заштопал, залатал,
перчатки скинул,
сказал:
«Живой, а в остальном привыкнешь».

И он привык.
Обжился худо-бедно.
Другой без рук, без ног,
и то — «в привычку».
А у него «очки-велосипеды» —
два синих колеса на перемычке.

А у него — ни матери в деревне,
ни женщины в Орле,
ни дяди с тётей...
Через плечо аккордеон трофейный,
а музыка — она везде в почёте.

...Гремели поезда на частых стыках.
Послевоенный люд до песен жадный,
Срывая глотки в хоровой до хрипа,
просил:
«Ещё-ё-ё! Надбавь, братишка, жару...»

И он играл, выматывая душу
из чёрно-белых магдебургских клавиш,
про валенки
про девушку Катюшу,
и про бои под городом Бреслау.

Потом сходил под Брестом или Тверью
и пел другим про медсестрёнку Клаву...

Солдат Петров не слышал о Гомере,
Не ведал ни судьбы его, ни славы.

4. БАЛЛАДА О ПРИЕЗЖЕМ

В этом городе тусклом и тесном,
где нерадостно даже проездом,
где в дешёвой гостинице «Южной»
я торчу третьи сутки по службе,
в этом городе — что за чудак —
он неделю живёт просто так.

В этом городе, сплошь шлакоблочном,
где полшага от рынка до почты,
где — ни древних икон, ни преданий,
ни дворцов, ни классических зданий,
в этом городе — что за чудак —
он по улицам бродит за так.

В этом городе с тихой рекою,
где рыбак смотрит в воду с тоскою,
где — ни пристаней, ни пароходов,
он зачем-то на берег приходит
и садится, приезжий чудак,
и сидит, и молчит просто так.

А ночами он тихо вздыхает,
и встаёт, и окно растворяет,
«Беломор» разминает рукой,
долго смотрит на берег другой,
и, как в том, сорок третьем, чудак,
плотно прячет окурок в кулак.

5. БАЛЛАДА О ТРЁХ ПРОЦЕНТАХ

Жил на свете бухгалтер Леснихин
От державных забот вдалеке,
В старом доме, на улочке тихой,
В незаметном своём городке.

Был он робок, со всеми приветлив,
Был немолод — виски с сединой,
И под именем ставил в анкете:
Год рождения — двадцать второй.

Жил он просто: вставал спозаранку,
ровно в восемь — в конторе не гость —
он с коротенькой орденской планкой
пиджачишко свой вешал на гвоздь.

В нарукавники синего цвета
Он привычно влезал всякий раз,
И высчитывал точно проценты,
И сводил аккуратно баланс.

Но однажды с рябой киноленты,
Полыхающей с белой стены,
Он услышал о страшных процентах –
Трёх процентах, пришедших с войны.

А с экрана — наотмашь, по нервам –
Голос всё уточнял, как живой:
«Год рождения — двадцать первый.
Год рождения — двадцать второй.
Год рожденья...»

То цепко, то зыбко
Цифра билась, впивалась в висок:
Три процента?
Нет-нет. Здесь ошибка...
(Он ведь знал в арифметике толк).

Одиноко над стареньким фото –
Тридцать три позабытых лица –
Вновь и вновь вспоминая кого-то,
Он всю ночь просидел до конца.

Ваня, Миша, Алёша — наш выпуск,
Весь десятый...
Но билось в виске:
Если я в этом крошечке выжил,
Значит вы... Неужели вы все?..

Он не верил: здесь явно ошибка.
Он исправит, найдёт её сам.
Он звонил и спрашивал хрипло,
Слал запросы по всем адресам.

Но безжалостно, непоправимо
Приходил за ответом ответ:
Миша Волков — у Старого Крыма.
Под Моздоком — Иван Пересвет.
Лёша Громов — 20 марта,
за Дунай, на исходе войны...

Ничего не исправил бухгалтер.
Лишь добавил вискам седины.

... В городке неприметном и тихом,
с полинявшей на солнце листвой,
проживает бухгалтер Леснихин.
Вы, возможно, встречали его.

Он живёт в двух кварталах от центра
В старом доме над сонной рекой.
Он из тех, он из тех трёх процентов:
Год рождения — двадцать второй...

Вместо эпилога

ПОБЕДА, ЧТО БЫЛА НЕ С НАМИ

Время вымывает имена,
память поколений гложет плавно.
И уже Великая война
кажется далёкой и не главной.

До конца дописана глава,
до седины торжественна окрестность,
и ещё так правильны слова,
но фальшивят чуточку оркестры.

А над миром новая весна
пишет жизнь своими письменами...

И уже Великая война,
а за ней Великая страна,
что-то, вроде дня Бородина —
кажется, была совсем не с нами.

Берега Памяти. К 70-летию Великой Победы

Олег Куимов

Родился в семье офицера советской армии в городе Кировакане (ныне Ванадзор) Армянской ССР 13 ноября 1967 г. Обучался в Томском государственном университете по специальности гидрология суши. Окончил Литературный институт. Работал экспедитором, отделочником, разнорабочим, прорабом, предпринимателем, менеджером, опыт редакторства в журнале «Неопалимая купина». Сотрудничал с детским журналом «Рюкзачок с сюрпризом». Публиковался в журналах «Луч» (постоянный автор), «Наши современники», «Южное сияние», «Южная звезда», «Лампа и дымоход», «Север», «Вокзал», «Отчий край», «Берега», альманахе «ЛитЭра», газетах России, Беларуси и Армении. Лауреат нескольких литературных конкурсов. Отец четверых детей. Живет в Подмоскowie.

Дедова медаль

Рассказ

При звуке открывающейся двери Саша бросился встречать отца.

— Батя, я тебя уже заждался. Ты опаздываешь на целых семь минут. Обед остынет. Маму тётя Тамара зачем-то срочно вызвала, так что я за неё.

Еле дотерпев до того момента, когда отец примется за чай, Саша задал вопрос, мучивший его с самого утра:

— Папа, а что такое сила?

Отец неспешно отставил кружку на середину стола.

— Сила? Н-да... интересный вопрос для мальчишки твоих лет... А с чего ты об этом спросил?

— Да слышал, как тётя Тамара назвала дядю Витю слабым. А он ведь такой большой и сильный, больше всех в части гирию поднимает.

— Ну, Сашка, мускулы — ещё не всё в этой жизни. А дядю Витю потому жена называет слабым, что характер у него мягковат для армии. Мы с ним ровесники, я подполковник, а он до сих пор в капитанах ходит. Вот тётя Тамара и недовольна. Любая нормальная женщина, выходя замуж за лейтенанта, мечтает стать генеральшей.

— Папа, а как тогда вообще понимать силу? И кого в таком случае можно назвать сильным?

Отец весело ухмыльнулся.

— Ну, и вопросыки у тебя! Это хорошо! Соображать начинаешь. Молодец! А вот что такое сила, сын, я и сам с возрастом уже не так чётко понимаю. Раньше тоже так же, как и ты, думал: у кого в руках силы больше да смелости, тот и сильнее, а жизнь показала, что не всё так однозначно, хотя и этот момент очень важен, потому что мужчина обязательно должен уметь постоять за близких ему людей, да и вообще за правду, но чаще не мускулы главное, а характер. Опять же и тут тоже не всё так однозначно. Вот у нас во дворе Генка Соколов жил. Настоящий вожак, в нашем квартале верховодил. Уступать не умел. И в игре, и в драке бился до последнего. Характер на зависть у парня был. Я ведь только из-за него и военным стал. Он старше на три года был, после школы поступил не куда-нибудь, а в Высшее командное училище в Новосибирске. После Гены, кстати, ещё трое из нашего двора стали офицерами. Так вот, в Африке он без ног остался. Вернулся домой и запил, опустился. Жена от него ушла. Другие ведь живут с этим, достойно живут, а он сломался. Видишь, как бывает. С виду сталь-человек, а вот нашлось и у него слабое место, да такое, что всю его силу перешибло, хотя в разведку с ним я всё равно бы пошёл. Видишь, как всё непросто. Или вот другой случай.

Служил у нас в Афгане солдат... Миша... — отец поднял со стола хлебную крошку и, сосредоточенно сведя брови, принялся безмолвно наблюдать над тем, как она, сминаемая его пальцами, превращается в грязный серый окатыш; затем перевёл рассеянный взор на сына, — Миша Корольков.

Как его вообще в Афган взяли — ума не приложу. Таких в стройбат-то нельзя брать: шупленький, тихий. Ни характера, ни мяса, одним словом, нажать ещё не успел. А погиб геройски. Его даже орденом Красной Звезды посмертно наградили. И если бы не он, то меня, сын, не было бы сейчас.

— Как это не было бы? — удивился Саша.

— Вот так, сын... — губы отца скорбно поджались. — Наша колонна в засаду попала в ущелье. Машина, в которой я ехал, загорелась, и сам я выбраться не мог — без сознания был, ранили. Счёт для меня на секунды шёл. А душманы такой плотный огонь вели, что носа не высунуть — верная смерть. А Миша вытащил. А сам вот... вот так вот, Сашка, бывает.

Саша чувствовал, что сейчас не время продолжать расспросы задумавшегося о чём-то своём отца: захочет — сам расскажет. И некоторое время спустя тот продолжил:

— Я до этого всегда делил людей на сильных и слабых, причём жёстко делил — с осуждением слабости. А с той поры сто раз подумаю.

— Папа, непонятно только с Мишей Корольковым: не было силы, и вдруг она появилась. А откуда же она тогда вообще берётся?

Отец громко рассмеялся:

— Ну, ты, Сашка, точно философом станешь... От верблюда.

— Нет, ну, пап, я серьёзно. Почему у одного она появляется, а у другого нет?

— А вот ты пока и подумай, а вечером уже сообщай. Ну, всё, мне пора. До вечера.

Но вечером поговорить не удалось. Домой отец вернулся, когда Саша уже спал.

А следующий день начался — хуже не бывает. Всех детей и их части и остальных, базировавшихся в городе, после обеда увезли в Дом офицеров на просмотр фильма «Александр Невский», а его не взяли. Совсем недавно он тяжело переболел ангиной, затем случилось осложнение, и доктор на три месяца запретил вообще смотреть телевизор, чтобы не село зрение. Как Саша ни уговаривал отца, тот остался непреклонен: нет — и всё. Характер у него ещё тот — не поспоришь: комбату нельзя быть мягким.

И теперь Саша, хмурый, слонялся по части.

Несмотря на конец августа, день стоял жаркий, тянуло к реке. Собственно, рекой-то её после родной Оби и назвать-то язык не поворачивался, так — ручеёк метров двадцати шириной. Сашка перемахнул через забор и направился к воде.

Недалеке, вверх по течению, находился метровый водопадик. Однажды на его глазах трое немцев с радостным визгом проплыли через него на резиновой лодке, один в момент приземления выпал в воду, вынырнул, и все трое долго и громко смеялись. Саше тоже хотелось испытать подобное, хотя лучше проплыть через водопад вовсе без лодки. Но это попозже, может, на следующий год, когда он станет постарше, и надо, чтобы кто-то из старших обязательно подстраховывал. Вроде ничего уж особенно страшного в невысоком водопаде не наблюдается, и глубина не такая уж и большая, но местные почему-то возле него не плавали, предпочитая загорать на пляже метрах в ста выше.

А ещё немного поодаль, за пляжем, возвышался мост. Поднявшись на него, Саша вытащил из кармана заранее подобранные камни и с силой швырнул вниз. «Бултых-бултых-бултых», — донеслось до него; по воде разошлись круги. Саша взвесил на ладони следующий камень и в этот момент заметил шедшего навстречу пожилого немца. «Гутен так!» — улыбнулся приветливо мужчина. — «Гутен так!» — вежливо ответил Саша.

Немец просительно протянул руку: «Битте». Приняв от Саши камень, он размахнулся и что есть силы швырнул его далеко в реку.

— Ого! — удивился Саша дальности броска.

Немец довольно улыбнулся и, поблагодарив:

— Данке шон, спасиб-а-а, — отправился дальше.

Неподалёку располагался парк. Гарнизонные мальчишки иногда бегали туда за каштанами, которыми затем, играя в войнушку, кидались друг в друга, как гранатами, предварительно растерев о мостовую их колючую кожуру. В родной Сибири каштаны не росли, а в этом районе парка их было много. К тому же здесь можно было валяться где-нибудь за кустом или крупным деревом, и никто тебя не замечал, как и в этот раз не заметили те, кто внезапно засмеялся со злорадством позади каштана. Саша осторожно, представляя себя разведчиком, выглянул из-за дерева.

Окружив небольшого мальчика лет десяти, трое подростков издевательски гоготали прямо ему в лицо:

— Швайн! Русиш швайн!

— Сам ты швайн! — тихо буркнул под нос мальчик.

— О-о-о! — протянул самый крупный из них, в щегольской кожаной куртке, и, коверкая слова, добавил: — смешно, отъчень смешно.

Немцы загоготали, толкнули русского. Тот упал, поднялся. Для потехи они стали толкать его от одного к другому. Бедолага попытался вывернуться, но куда уж там. «Русиш швайн! Оккупант!» — злорадствовали немцы.

Мальчик был не из их части. Впрочем, какая разница, знакомый он или незнакомый и откуда вообще, ведь главное то, что он русский. И всё же Саша пока не высовывался. Помочь он всё равно не мог: силы явно не равны. Мальчишкам примерно столько же лет, как и ему, — по двенадцать, и заводила куда здоровее. Саша утешался мыслью, что не должны они издеваться над мальчиком явно младшего, нежели сами, возраста. Покуражатся да и уйдут. А так, вяжись Саша, и сам получит, и немцы нос задерут, что русского побили. Не стоит давать им такой радости. А посчитаться с ними можно будет как-нибудь в другой раз: Земля круглая.

Вскоре забава, и правда, им надоела. Они уже развернулись, чтобы уйти, но самый мелкий из них и, видимо, самый гниловатый, толкнул мальчика со всей силы. А когда тот упал, пнул под зад. И тут случилось то, чего Саша не ожидал. Мальчик, не помня себя от обиды, резко вскочил и ударил обидчика кулаком наотмашь. Немец пошатнулся и присел, обхватив лицо руками. В тот же миг «кожаный» подскочил с искажённым от злобы лицом к мальчишке и сбил его с ног кулаком.

«Русиш швайн!» — заорал он прямо ему в лицо и с силой тряхнул за грудь.

Саша медленно поднялся: такое уже не терпелось. Пусть даже и побьют, всё равно это не так страшно, чем трусливо прятаться за деревом.

— Эй, ты! — окрикнул он «кожаного». — Ты только маленьких можешь обижать?

Немец выпрямился и сразу показался ещё крупнее. Особенно бросались в глаза широкие костистые кулаки и жёсткий взгляд нагловатых, навывкате, серых глаз. Все трое, вразвалочку, с не предвещавшими ничего хорошего ухмылочками, двинулись на него. Всё явно склонялось к тому, что он сейчас хорошенько получит по сопатке. И вдруг Саша сам удивился тому, как спокойно прозвучал его голос, словно и не подрагивали предательски ноги в коленках.

— Чего, трое на одного...? Слабаки! Ха-ха!

«Кожаный» развёл руки в стороны, останавливая приятелей, и что-то в приказном тоне старшего сказал по-немецки. Те остановились за его спиной. «Кожаный» обратился к Саше:

— Эй, Иван, я пуя тебя бить морда сам. Сильно бить. Не бойся.

И как Саша ни был напряжён, всё же не смог сдержать лёгкой улыбки при последних словах.

— Только по-честному, — кивнул он головой на остальных. — Если полезут, то вы все дерьмо собачье. Договорились?

— Гут, да, — согласился немец.

Он был явно сильнее. Саша ничего не мог противопоставить его ударам, многие из которых отдавались тяжёлым гулом в голове. Зубы ныли, как от оскомины, и нельзя было шевельнуть языком, чтобы не причинить зудящей боли разбитой десне, нёбу или щекам, от которых отслоились внутри и висели кусочки тонкой кожицы. И всё равно Саша не сдавался, махал руками, пытаясь переломить ход драки. И так как большого опыта в драках он не имел, то старался повторять те же приёмы, что и противник. Делал ложный замах рукой, а бил ногой. Пинался. Но всё равно дело шло к тому, что скоро немец всё-таки довершит избиение, ведь он был куда выше и тяжелее, и Сашины руки молотили воздух, не доставая до лица ненавистного «кожаного». А тот явно развлекался, отработывая на русском приёмы. Саша с сильным хрипом, разрывавшим грудь, уже еле двигал руками и ногами. Лишь редкие его удары достигали цели.

Мощный удар, от которого с громким скрежетом зубов лязгнула челюсть и на миг помутнело в глазах, опрокинул его на землю. Немец тут же нанёс сильный удар ногой в бок. Саша задохнулся, замер от боли, хватая воздух ртом.

Немцы злорадно засмеялись:

— Русиш швайн! Ха-ха-ха!

Мелкий презрительно добавил что-то на своём языке, и они снова загоготали. Саша смолчал: в его ситуации оставалось терпеть, потому как, скажи он что-нибудь против, опять будет битым и униженным.

Средний немец, прежде себя почти не проявлявший, медленно нагнулся, поднял с земли каштан и с высокомерным выражением на лице кинул его в Сашу. Тот отбил бросок и, стиснув зубы, вытерпел очередной взрыв издевательского смеха. «Ладно, — хмуро потупившись, прошептал Саша про себя, — встретимся при других обстоятельствах». «Кожаный» наклонился и толкнул его ладонью в лоб. Под всё то же злорадное улюлюканье он опрокинулся навзничь. Из кармана выпала дедовская медаль «За отвагу», которую Саша втихомолку от родителей достал утром из шкатулки, чтобы похвалиться перед ребятами.

Немцы сосредоточенно рассматривали награду. Саша не выдержал, протянул руку.

— Отдайте... Битте шон.

То, что произошло дальше, показалось страшным сном, который никак не мог случиться в настоящей жизни. «Кожаный» презрительно хмыкнул и, медленно поддразнивая Сашу, поднёс серебряный кружок к его лицу, затем со словами «оккупанты» плюнул на дедову награду и всё с тем же уничижительным презрением швырнул ему под ноги.

Негодяй поперхнулся своим смешком: с искажённым ненавистью лицом Саша что есть силы ударил его в челюсть. Немцы не смели и ожидать, что поверженный русский снова отважится на драку и, само собой, на очередное избиение. Саша же не думал теперь ни о чём, кроме отмщения. Пусть изобьют, пусть унизят, но теперь он будет биться до самого конца, потому что иного выбора ему не оставили.

Обычно, трогая медаль, Саша испытывал чувство единства с умершим дедушкой, а через него и с другими предками. Словно сквозь этот увесистый кружок глядели на него и прадед, и прапрадед, и прапрапрадед, а за ними ещё — лица и лица, голубоглазые, добродушные, курносые, один за другим выглядывавшие из такой дали, что аж дух захватывало. Это была их награда. Так же, как она принадлежала дедушке, она принадлежала и им. Сашка не понимал, как это может быть, но чувствовал, что именно так оно и есть, и никак иначе.

И теперь нить внутри Саши тонко зазвенела, как натянутая до опасного предела струна — сейчас или никогда.

Двое других немцев бросились на защиту упавшего «кожаного», но он остановил их резким окриком.

Они снова дрались по-честному, и снова немец бил Сашу, но что-то изменилось. Оба теперь уже молотили друг друга безо всяких мальчишеских хитростей и без ног — только кулаками, и в пугающем, по-взрослому сосредоточенном молчании. И всё чаще теперь Саша попадал по лицу противника, и хрипели теперь уже оба, и руки немца двигались медленнее, а удары не опрокидывали Сашину голову и не отдавались в ней пугающим тяжёлым гулом. Зато всё чаще и чаще откидывалась собственная голова «кожаного». Кровь из носа шла у обоих — у немца немного, у Саши же ею была измазана вся одежда, не говоря уже о лице, но он не обращал на это никакого внимания.

Никто не желал сдаваться. Немца подбадривали товарищи, однако голоса их звучали уже не с тем победоносным задором, что прежде. Наконец послышалось в них уже и разочарование.

«Кожаный» выдохся. Саша и сам не мог понять, откуда у него самого ещё берутся силы. Каждый взмах руки сопровождался хрипом в груди, и тело отказывалось двигаться. И всё же, несмотря на изнеможение, Саша терпел: он должен был во что бы то ни стало побить «кожаного», потому что за то, что тот совершил, бьют во что бы то ни стало: так должно быть, в этом — правда. И тыкал ослабевшими руками в лицо немца, который в ответ толком не мог сделать уже и этого и попытался схватить Сашу руками, но тот подставил ему подножку и, навалившись всем телом на упавшего противника, принялся бить кулаком по его голове, по ладоням, которыми прикрывался «кожаный».

Внезапный удар в бок пронзил Сашу резкой болью. Приподняв руки для защиты, он обернулся, и с облегчением увидел, как в занесённую для второго удара ногу «мелкого» с громким глухим стуком впечатался камень. «Мелкий» с криком упал и стал со стонами кататься по земле. Третий немец с грозным видом шагнул к застывшему за Сашу русскому мальчику, но Саша резко выдохнул,

превозмогая боль, и метнулся в ноги противника. Опрокинутый немец ударился головой о дерево и схватился руками за затылок.

— Пошли вон отсюда, уроды! — свирепо выпятил подбородок Саша. — Ещё раз тронете русских — будете всю жизнь на таблетки работать.

Саша подошёл к русскому мальчику.

— А как тебя звать-то, земляк?

— Саша.

— Так и меня тоже. Мы, выходит, тёзки! Здорово! А ты из какой части?

— Из автобата.

— А-а-а... — протянул Саша. — А я из мотострелковой... Слушай, а как нам друг друга называть, чтобы не путаться, а?

— Ну, давай тогда я буду Саньком, а ты Санычем. Так мы точно не перепутаемся.

— Лады, Санёк, — согласился Саныч.

... Стоял будний июльский день, жаркий, из таких, когда кажется, что даже мухи засыпают на лету. Рязанцы, направлявшиеся по своим делам, старались передвигаться по затенённым сторонам улиц. По одной из них длинным упругим шагом двигался высокий мужчина с букетом в руках. Улица вывела его к кладбищу, и он вошёл внутрь. Редкие прохожие непременно задерживали на нём взгляд: в свои сравнительно молодые годы (около сорока лет) он был уже совершенно сед, и пережитые невзгоды и испытания оставили на красивом мужественном лице свой след в виде резко очерченных складок на лбу и переносице. На него оборачивались не только женщины постарше, даже красивые девушки удостаивали мужчину продолжительных взглядов.

Он явно никуда не спешил и задерживался возле чем-то заинтересовавших его могил. Казалось, он просто прогуливается. Возле одной из могил мужчина, наконец, остановился, возложил на неё цветы и, кашлянув, сказал осипшим от долгого молчания голосом: «Здравствуй, Валерыч! Прости, что не получилось раньше. Сам знаешь: не мог я», — и надолго замолчал, с задумчивым видом рассматривая снимок на памятнике.

Уже на обратном пути внимание его привлекла чёрная стела в соседнем ряду. «Хороший, наверное, человек был, или с положением: вон какая ухоженная могила», — подумал он, вглядываясь в тиснённую золотом надпись. И вдруг застыл как вкопанный; рот его вначале приоткрылся в удивлении, затем плотно сжался, а складка на переносице стала ещё глубже. Подойдя к могиле ближе, мужчина произнёс с мягкой скорбной печалью в голосе: «Вот ты какой красивый стал, Саныч. И как же мы с тобой не пересеклись в Чечне?»

С фотографии глядел на него тот самый Саша, только теперь уже взрослый — майор. То же добродушное лицо и ямочка на резко очерченном твёрдом подбородке, которая, наверное, так нравилась девушкам. «Я тебя часто вспоминал, Саныч, особенно там, в горах», — с горечью прошептал повзрослевший Санёк. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что никто его не видит, он присел на одно колено, коснулся рукой земли и, уже разогнувшись, сказал: «Прости, Саныч, я не поздоровался. Ну, здравствуй, друг»...

Берега Памяти. К 70-летию Великой Победы

Сергей Кириллов

Общественная писательская организация «Росток», Советск Калининградской области

Рассказ деда

Как-то раз — годков эдак шесть или семь назад — прислала мне моя сестра из Вельска письмо: так, дескать, и так, озадачили в школе дочь — мою, значит, племянницу и по совместительству крестницу: рассказать на День Победы о родственнике, который воевал. Таковых в роду нашем немало; только по отцовской линии три брата его родных погибли, но они, понятное дело, никак бы не могли ответить на вопрос племянницы. Оставался лишь наш с сестрой моей отец (для крестницы и племянницы соответственно дед), которого я за многие годы жизни после войны много раз «пытал» на указанную тему, но всё как-то безрезультатно. «Отвяжись!» — вот его односложный и категоричный ответ на все мои «расскажи» да «расскажи». А ведь его «сняли с брони» в сентябре 41-го... А ведь его призвали по мобилизации 29 сентября 1941 года.. А ведь он пулемётчик... А ведь он, кроме снегов Заполярья, где был и зенитчиком — командиром расчёта, и снайпером, и связистом, прошёл ещё и по дорогам Восточной Пруссии в составе 2-го Белорусского фронта. Встретился с союзниками на Одере... И в ответ: «Отвяжись!» Но недаром говорят, что вода и камень точит! Раскачал я таки своего ветерана как-то раз, и разговорился он всё же. Да такое вдруг мне выложил, что у меня и рот сам собой открылся от его рассказа и не закрывался долго! Самых глубин моего сознания его рассказ достиг! Как гвоздь в доску — по самую шляпку вошёл! Со всеми интонациями и оборотами. А тут вскорости и крестница (вернее, её мама) со своей проблемой. Сел я за стол, и, как будто только что услышав, перевёл рассказ отца на язык строчек. Вот как слышал, так и перевёл — со всеми словесными вывертами. А поскольку отец мой — Кириллов Яков Васильевич, уроженец деревни Фомино бывшего Черевковского (ныне Красноборского) района Архангельской области — для племянницы и крестницы моей Маши Дранишниковой из Вельска есть родной дед, я рассказ так просто и озаглавил. Отца нет — его уж 10 лет как нет и даже с лишком, ведь он 1910-го года рождения, царство ему небесное — и даже деревни, огромной деревни Едома в несколько тысяч человек (только колхозников в 50-е годы было более двух тысяч!), тоже нет, а рассказ есть. И в памяти моей он останется навечно.

«На войну из нашего дому четверо ушло: я и трое моих братьев. Первым — младший брат Микола. Ему в 41-м в окурат было в армию призываться, он и попал на фронт с самого начала войны. А после него вскорости и Гриша — самый из нас старший. Лёля взят был после всех, уж в 42-м, а я в самых последних числах сентября. В ту пору я в театре в Мурманске работал, и у меня была броня. И может бы совсем мне не пришлось повоевать, да шибко много перебило наших на войне за лето-то; осенью меня директор вызывает наш да и говорит, что воевать, мол, надо-то. А как не воевать, говорю, уже братья мои всюю воюют, — чем я отличился-то от них? А сам думаю: разрядку тебе, наверное, спустили от военкомата — столько-то человек выделить да снять с брони, — вот ты и вызываешь нас для разговора. Иначе-то повестку — да и в строй бы. И не спрашивал бы ты ништо, что хошь ли, нет ли воевать. А так-то дак кому охота голову по доброй воле да под пули подставлять. Хоть и треньжат в книжонках некоторых да в газетах, што, мол, добровольцев было тысячи и тысячи — брехня это, поди-ко, — так я думаю. Ведь это же мало, што свою башку под пули сунуть надо, а ведь ишо и по чужим палить. А это ведь не чучела, хоть и чужие! По виду-то дак вроде так и было: посмотрелся я за перво-т день, што сотни, как не тысячи, к военкоматам-то сбежались, и ползут-то все к окошкам, чуть ли не по головам ползут, што, мол, тут я, што возьмите, мол, а все и без повесток, а вроде как и добровольно. А разобраться ежели: у кажново в билете-то военном предписание, што, мол, не дожидаясь ни объявленья, ни повестки штоб явился через час

ли два ли — кому как — и был готов. И сам я, пока бронь не дали, эдакой листок имел, да ведь и ты, поди-ко, тожо. Ну, нонь ежли не явишься иль запоздаёшь — пожурят буди маленько, всё равно всех атомом задушат и собраться не успеешь — а товды поди-ко, опоздай хоть на минутку... Знаёшь чево будёт? На месте пристрелят, как дезертира, и не пикнешь! Сколько перед войной Сталин народу-то набил — не сосчитать ведь! А для чево? А шёлковыми остальные штобы сделались! И знали штобы: сказано — явиться, значит, лопни, — а явись! Иначе смерть! Вот и нагрудило народушку-то к военкоматам сотни да тысячи в первой жо день, хоть и выходной был. Хоть и военкоматы закрыты, и мобилизацию-то только на другой день объявили. Вот и пошёл оттуда трёп, што вот, мол, добровольцев у нас сколько, а по моему дак мнению — брехня всё ето. Можот и был хто-то, конечно — не без этово же, коль говрят, — но уж не столько жо. Ну, а что до меня, то, надо сказать, я же в кадровой-то пулемётчиком служил, все пулемётные системы мне знакомы, — вот, видать, выбор на меня и пал в нашем театре. Так вот в октябре 41-го я и попал на передовую.

Бросили нас на Мурманское направление. В ту пору там немец крепко наседавал. На Москву да на Ленинград говрят, что ишо пуще, но и на Мурманск давил в ту осень тожо как мога. Ведь через Мурманск да Архангельск к нам вся помощь от Америки да Англии и шла. Говрилось-то об ней немного в ту-то пору да и после-то немного, вроде как и не было ие, а она-то шла. И танки шли, и пушки, и машины, и всякая всячина. Вот ты, к примеру, про Покрышкина слышал, поди-ко? Что он боле всех из наших немцев сбил... А чул ли ты, хоть раз, на чём же он летал? Не чул? Дак я тебе скажу, что на американских самолётах он летал и наших никаких не признавал. И моторы, говорит, у их слабы, и скорости не те, а, главное, вооружение. Из наших пулемётов, говорит, — не скоро сошшыбёшь, а на американских пушки. Как пластанёшь из пушки-то по немцу, — тот на раз разваливается напололам! Можот через то и насшибал боле 60-то самолётов немецких и сам живой. Наши про ево-то писали, а про самолёт-от евоный ни гу-гу. Вроде как на палке человек летал! А самолёты эти и везли из Америки через Мурманск. Вот немец и пёр изо всех сил, чтобы его взять.

Нас людно нагонили-то на оборону, а оружья нету. Не подвезли ли, што ли — уж не знаю я этого. В атаку подняли, а винтовка-то на пятерых одна. Схватили те, кто без винтовок-то, чево попало, да и побежали со всема. И я-то тожо. Палку в руки — вроде как ружьё — да и бежать вмистях со всеми. Бежим да и глядим на того, у кого винтовка есть. Как упадёт, дак чтоб евонную схватить, чтоб хоть разок стрелнуть. Больше-то уж не удася. Густо нас бежало-то, из пулемёта бы косить, дак как дитлёвки на покосе повалились бы! Рядами бы целыми. Но как-то мало там у немцев было пулемётов, зато минами они заваливали нас, как горохом! Смотришь — там рвануло, тут бухнуло, этам... У кого-то руку оторвало, у кого-то ногу, а у кого-то и всю голову снесло! По леву руку от меня один бежал с дубиной, наподобие оглобли; всё говрил: хоть одному да проломлю башку фашисту, мне бы только добежать бы до его. Рвануло сбоку-то, гляжу — а у него рот-от оторвало! Верх-от есть, да нос, а низ-от оторвало подчистую весь до горла. Кровища хлещет, и язык-от лягайтча, как у собаки! И ведь бежит жо, не валитча, бедолага! Орёт чево-то, кровью булькат, а всё одно бежит! Вот сколько злости было в человеке! Вот до чего довели, и как хотелось добежать бы до врага да хоть одного бы укокошить! Хоть оглоблей бы, коли оружья не досталось. Будь моя воля, я бы этому мужику только за одно ето желанье Героя дал! Что он, уж даже эдак изувеченный, уж полное право упасть имевший, всё одно бежал и не валился. Упал, правда, потом, сердешный; уж не знаю: замертво ли, как ли...

Отгонили мы тогда немцев-то, не сосчитать сколь народу положили, но отгонили. И пуще всех мне та атака и запомнилась. И страшняя она всех была, и дурняя — с батогамы да на пулемёты! Вот после войны всё в кинах кажут, да в книжонках пишут некоторых, что бегут наши в атаку, да ещё и орут — «За Сталина!» Брехня это самая настоящая! Можот где-то кто-то и орал от сумасшествия, а середь нас ништо. До эдакого состояния государство довести, — с палками в атаку против мин да пуль! Нет уж; пусть писаки в книжках и орут — «За Сталина!», а мы только плевались. Про себя, конечно. Сказать-то — смерть ведь! Заарестуют, — да в «расход»! И пикнуть не успеешь, коли скажешь. Но после той атаки я к командиру батальона подошёл да и говрю: что же это Вы, товарищ командир, со мной делаете? Я — кадровый пулемётчик, а вы меня с палкой бегать заставляете!? Давайте пулемёт. А он мне: а ты, говрит, хорошо ли подумал, чего сказал? Ты знаешь ли, говрит, по пулемёту-то какой огонь? У нас, говрит, почти что весь состав меняется у пулемётчиков-то после боя! А я ему: всё одно пулемёт давай. Уж если гибнуть, дак хоть не задаром, и всё ж не так

обидно, как с оглоблей. Ладно, говорит, как в следующем бою пулемётчиков перебьют, так я тебя и поставлю. А тут как раз лыжная бригада формировалась, — я туда и попал командиром пулемётного расчёта. Только зенитного. А мне-то что, не всё ли равно. Главное, что пулемёт. Звание сержантское дали, и стал я по самолётам лупить. Сперва-то простые были пулемёты, такие же «станкачи», только счетверённые и много ими не насибаешь, а крупнокалиберные-то уж после появились. Но к той поре, как я пулемёт-от получил, у нас потише стало; немец весь на Москву да на Ленинград переключился, а после и вовсе на нашем направлении одни финны остались, и война для нас совсем другой стала. Зима, студено, оне и мы зарылись в снег, как пальники, и только патрули да секреты друг за дружкой следить стали. Вот меня в таком секрете первый раз и ранило. Замаскировались, лежим, это, в снегу-то, караулим — не идёт ли кто из финнов-то — и тут кого-то из наших то ли приспичило, то ли отморозило, а финны-то ведь тоже в нашу сторону во все глаза. Заметили, да как дали с пулемётов, — мне по башке, как колотушкой чугунной. Как лежал в снегу, — так и уткнулся. Сколько пролежал потом без памяти — не знаю, но очухался. Лицо и шея вся в крови, в голове гудёж, но соображение есть. Чую справа: «Кириллова-то убило, наверно, уходить надо...» А я и чую всё и сказать хочу, что живой, а пошивилитча не могу и сказать не могу, что жив. И помирать бы мне, поди-ко, в том снегу, да как-то удалось жо руку выздынуть, дак вытащили наши на волокуше, как стемналось. Потом уж в госпитале врач мне сказал, что на пять бы миллиметров голова твоя повыше, али пуля бы на столько же пониже пролетела — ну, там бы и остался навсегда лежать. Но вот минуло. А на ту пору брат мой старший уж убит был, только я ишо не знал тогда про это.

А в другой раз, — это ишо до ранения было, мы тогда только начинали службу патрульную налаживать да секреты, — у меня другой случай был. Я в снегу зарылся хорошо — близко стоять и то не видно — и выкатился откуда-то с угорышка один финн. На лыжах. Винтовка у ево за плечами, меня не видит — и встал. Ну, вокурат передо мной! Шагов десять ли пятнадцать — не боле. Я ево, вот как тебя, всего до самых пят разглядел, покуда он стоял да головой вертел. И пулю я ему мог положить хоть в левое ухо, хоть в правый глаз, хоть в любую ноздрю, — ну, куда хошь, но не было у меня к нему никакой злости. За што, думаю, я буду мужика стырлять?! Чево он мне худово сделал? Такой жо, как я, как все наши деревенские. И вышел вроде как на охоту... За што стырлять-то? А он всё на одном месте и головой по сторонам крутит — не чует, что на мушке у меня. И вот то ли вздохнул я как неловко, то ли снегом скрипнул — уж не знаю — но издал какой-то звук. Дак этот финн, ишо не понимая откуда, но понимая, что смерть это евонна голос подаёт, как подскочит, это, над лыжнёй-то вместе с лыжами, в воздухе в обратную сторону развернулся, — и только спыхало, как с глаз исчез! Я и мигнуть не успел, до того ходко! Вот ведь как натренированы эти финны были! Как будто прямо на лыжах и рождались. Но я не жалею, что ево не убил, я даже рад, что не пришлось мне это делать, что нужда не заставила — нету на моей душе греха. Хоть и палил, и из пулемёта..., и валились, поди-ко, какие-то от моих пуль — что станёшь делать, на то и война — но вот чтобы так, чтобы прицельно — Бог миловал, не довелось. Хотя и снайпером был. Но, правда, по другой части. Шибко худо у нас с кормёшкой было. Хоть лапу соси! А командир узнал, что сызмалетства я охотничал, и отрядил меня на этот промысел. Мы тебя, говорит, и от службы освободим, ты только накорми нас! Ну, я и ходил по лесам со своим напарником. Стёпа был Ахтырка из Сумской области. Где титерю сошшыбём, где рябка, где пальника, а где-то и лося. Перед винтовкой-то не устоишь и за сто метров, а на чистом месте дак и дале. Так вот дело было. Всё-то рассказать, дак много времени займёт, скажу только, что всякое бывало. Но всё же наш участок был потише, чем где-то посередке фронта. Хоть и шибко Мурман Гитлеру нужен был, да всё ж не так, как Волга али Украина да Кавказ.

Ранило меня ишо раз — в руку, потом ишо — осколок в пояснице с той поры так и ношу, потом контузило, — ну, словом, било, да не взаболь. А вот братьёв повыбивало подчистую! После Гриши погиб Микола — младший, в Белоруссии уж, в конце 43-го, а от Лёли последнее письмо пришло, что впереди, мол, то ли Югославия, то ли Венгрия — топеря уж не помню. А после извещение, что нет ево...

Войну свою закончил я в Германии. В конце 44-го года все фронты пошли в наступление и мы тоже. Финнов скоро разбили, и они вышли из войны. Нас тогда кого куда, и я попал на 2-й Белорусский фронт к Рокоссовскому. Небось, слыхал такого маршала? И вот как я туда попал, уж под

осень 44-го, так до самого конца войны мы всё, считай, и наступали. Отдохнём маленько и опять немца гоним во все лопатки. Уж и не по своей земле даже, уж по Польше теперешней. И последние свои бои вели мы под Штеттином — город был такой у немцев в Пруссии, сейчас Щецин в Польше. Я тогда уж опять в пехоту попал и опять пулемётчиком. Да вот тогда перед этим самым Штеттином мы им так дали, что три дня потом и догонять-то не могли, — так они драпали! Ты токо представь: три дня мы непрерывно на марше, около 70 километров с полной выкладкой оттопали и ни одного боя! Дёру дал немец, а мы ещё пуше торопились, чтобы Одер форсировать. Покуда немец не очухался да оборону не организовал на той стороне. К реке-то подошли, а туманище, — ни хрена не видно, и только один понтонный мост. А Одер широкой, да весна-то... Полный разлив! Народищу нагрудило — страсть! Ладно хоть туман, да самолёту нас не видно, а то была бы каша там на переправе-то. А рёв на берегу, крик, шум, — вот как по телевизору футбол кажут, ковды гол забьют, дак и тут так жо. Всем надо вперёд и всем скоро, а на мосту узко, вода большая, мутная, мост, как живой, — весь ходуном! Ой, не дай Господи! Какая-то лошадёнка испужалась воды-то, зауросила, и телега со снарядами одним колесом бух — и соскочила. Возчик понюжает, а лошадёнке никак воз-от с места не сорвать — тяжело, — всё и встало. Сзади орут: «Вперёд пока самолёты не налетели!» — а куда, если лошадь поперёк дороги с возом? «Спихивай ие вместе с телегой пока не разбомбили!» Солдатики на воз-от навалились — только с уркало, — телега-то под мост! И вместе с лошадьёу! И пикнуть бедная не успела, как течением на дно уволокло. Вот всю войну провоявал, почти четыре года на передовой, за вычетом ранений, всякого насмотрелся, а изо всей войны больше всего мужик тот с челюстью оторванной, да лошадь эта и запомнилась. Лошадь — человеку помощница покорная извечная — от человеческих же рук безвинно смерть приняла, и мужик тот, уж раненый, уж весь в крови, а всё равно вперёд, хоть и с оглоблей. С ружьём-то может бы и не запомнился — всякое бывало — а вот безоружный..., в атаку с одной оглоблей..., больше всего обидно эдак-то погинуть. Без толку-то. Хуже, чем на скотобойне. Там хоть мясо от забитых в пользу шло, а тут чево? Тут какая польза? Просто гонили на погибель — да и всё! Ладно хоть если напишут, что погиб, мол, смертью храбрых — всё не так обидно хоть родне — а то ведь и тово не было. Напишут, что пропал, мол, без вести — и всё. Спишут человека, будто ево и не было никогда. Сколько просто так-то погинуло? Подымут батальон в атаку-то, а по нему из пулемётов... Половина и шагу-то не сделает, а уж убита. Нисколько жись-то не ценилась на войне, нисколько! И хоронить-то доводилося не всех..., так, побросают кое-как землём, бывало, да и всё. От тово, поди, и сосчитать-то до сих пор не могут сколь погибло. Али не хочут. А ведь чево проще: спрости у людей-то, сколько у ково ушло и не вернулось — скажут люди-то. До последнего человека сосчитать всех можно. Если не поленишься, конечно. Не считают... А можот не дают? Можот и веком-то не 20 миллионов? Можот и сказать-то страшно? Поганое это дело — война. И не спрашивай ты меня про ие больше, не бери души. Тот, кто был на передовой, многово не скажет — шибко тяжело на душе — а разговорчивые больше те, кто сыздале воявал. Вприглядку. Вот послушашь, другой раз, про подвиги по радио тренжат да в книжках разрисовывают, а что это такое? Кто куда подвинулся? Кто про то на фронте думал? Написано-то гладко да складно, а на деле? А на деле: скажут бежать — побежал, скажут копать — закопался, а «Огонь!» скомандуют — палишь со всех стволов. И причём тут подвиг какой-то? Работа ето такая особая мужицкая — и всё. Вот, к примеру, «За отвагу» первый раз мне дали, а при чём отвага тут? Сказали — я и сделал. Линию у нас телефонную порвало, и послать некого — все связисты перебиты. А без связи, сам знаешь, какая война. И до чево же это пакостное дело — связь на войне — не приведи Господи! И не передний край, вроде бы, и не палят в тебя во время боя, и не замечает никто, пока телефон работает, а замолчи-ко он? Ведь самое распростейшее дело на фронте «языка» взять: найди только телефонный провод да разрежь ево — сейчас жо кто-то приползёт ево срастить! Нельзя без связи. Ну а тут уж не зевай: прикладом по башке, рямугу в зубы, — да и волоки к своим, покуда тёпленький. Ну, дак вот: у нас линию попортило на левый фланг, а ползти некому. Командир меня и послал. Иди, говорит, Кириллов, ты всё-таки один средь нас монтер, хоть провода видал перед войной, а мы-то што, — я и пошёл. Пополз больше-то и всё по снегу. А морозишко-то!!! Градусов пийсят, поди-ко, было, уж никак не меньше! Один-от конец всегда ловко найти: взял провод в руки у аппарата да и не выпускай пока не доползёшь до обрыва, а вот другой... Тут всяко бывало: если специально, дак ишо и спрятают, чтоб поискал, чтобы ловчая в плен-от захватить. Ну, я подполз и вижу, что воронка там. Снарядная ли, минная ли — не

знаю уж, но следу человечьего нигде не видко. Поползал я ишо маленько, убедился, что разрывом оборвало, ну а дальше проще: нашёл второй конец, связал, — да и домой. Чево особенново-то? А командир аж и расцеловал, как я вернулся — выручил, говорит, без связи, как без рук. К ордену представил-то, что жизнью, мол, я рисковал, — а чево я таково особенново совершил? Сказали — пошёл да сделал, — вот и всё. Можот, конечно, со стороны-то это и выглядело, что рисково, и сам я это понимал, и охотников на это не было, а, в общем-то, обыкновенное дело. Ну, орденами в ту пору не шибко-то разбрасывались, и представление похерили, но медаль «За отвагу» дали. Самая это главная солдатская медаль и самая высшая! А выглядело всё, вот, вроде по-житейски. Я после тово ишо долгонько катушки таскал, покуда мы совсем не оголодали, и меня в охотники, вот, не определили, — провиант добывать.

А воевать, уж я говорил, закончили мы в Штеттине. Под Штеттином, верняя. Только Одер-то форсировали, к бою, вроде-то бы надо, глядь — а нету никово. И воевать уж не с кем. Какое-то время погода, глядим — бежат! Бежат какие-то по полю нам навстречу и не наши. Вроде бы палить надо-то, а никто не командует, да и те вроде как без оружия. Бежат да руки выздымают, как сдаются. И орут жо... Подбежали ближе-то, — тут мы и разглядели, что не немцы это, а союзники. И руки выздынутые у них от радости. Я и опомниться-то не успел, а уж один меня как схватит... А у ево лапищи, как медвежьи, и голова выше моей на добру четверть. Я и пикнуть не успел, как ноги от земли-то оторвались! Сграбастал он, это, меня, орёт да тискает, а я-то думаю, — ну, всё; сичас задавит! Всю войну прошёл, — живой остался, а сичас задавит. Мидьвидь ведь настояшшой тот американец оказался, да ишо и чёрной-то, как будто в саже. В ухо мне орёт, как паровоз, а губы-то, губы-то, ну, как присничи деревенские! Шлёп-шлёп-шлёп он, это, ими-то, а я уж весь надулся от натуги, и одна в башке-то думка — разомнёт! Сичас разомнёт... Он маленько хватку-то ослабил, а я земли-то под ногами всё равно не чую. А он-то орёт, а он-то лопочет чево-то по-своему, хоть уж потише, правда. Я момент поймал да и говорю: ты, мол, мил человек, сперва меня поставь да отпусти. Ну, он и поставил. Догадался, наверное, что я уж на последнем издыхании. Поставил да и рукой-то, это, сверху по плечу как шлепанёт! Плечо-то чуть не отвалилось — во, попало страховишшо! Кабы ишо раз, да по обем плечам дал, — по колено бы, поди-ко, в землю-то вгонил! Потом-то уж расхохотался, видя каково минЕ досталось, и отвёртку откуда-то достал да и минЕ. Обыкновенная отвёртка, как и все, а он ие минЕ. Видать, как память что ли. Вот с той поры отвёртка-то, котора с жёлтой ручкой, всё у нас и служит.

А после тово уж больше мы не воевали. И немца больше я после тово ни одново не видел, чтобы в форме. Граждански только, и всё больше стары да малы. А немки..., — те готовы были тут жо лапки кверху задирать, только мигни! Лишь бы их не убивал нихто. И страх в глазах у всех, как будто звери мы какие, а не люди. А разе мы звери? К нам по-звериному, дак и мы по-звериному, а к нам по-человечьи, дак и мы по-человечьи. Никакой злости у меня в ту пору к немцам не было. Вот всю войну провоевал на них со злостью, стрелял со злостью, и сичас их не могу терпеть, а товды — не-е-е... Товды к ним никакой злости не было. Может, если бы хто зверем посмотрел, дак и проснулось бы, но не смотрел нихто. И слава Богу. Такая вот война...»

Берега Памяти. К 70-летию Великой Победы

Лидия Довыденко

Памяти ветерана

Иван Конович Ашарчук — ветеран Великой Отечественной войны, ветеран Балтийского флота, блокадник Ленинграда, ветеран возрождения Калининградской области — родился 10 мая 1927 года в деревне Милашевичи Лельчицкого района Гомельской области.

В 1940 году вышел указ об образовании ремесленных училищ. В Лельчицкий район прибыл уполномоченный по набору мальчишек в Ленинградское ремесленное училище № 56. Вскоре в октябре 1940 года в училище прибыло 200 мальчиков из Белоруссии и 50 испанских детей. Ваня Ашарчук приехал на станцию Ельск вместе с другими ребятами. Он вспоминает:

— Мы ведь никогда до этого не видели поезда. И когда загудела, загрохотала эта огромная железная машина, мы все побросали наши чемоданы и кинулись врассыпную. Потом нас долго всех собирали вокруг вокзала, чтобы посадить в поезд. В Орше делали остановку, чтобы помыть нас в бане. В Ленинграде нас встречали с оркестром, это была очень красивая встреча, а затем посадили в автобусы и с вокзала повезли в училище. Сначала в баню, потом разместили в училище по отдельным комнатам, в которых жило по четыре человека. Кровати были очень красиво застелены, и мы не знали, что нам делать, робея перед чистотой и ухоженностью. Продукты, которые взяли из дому, у нас отобрали, боясь инфекции. Но в столовой нас очень хорошо кормили. В деревнях мы не видели электрического освещения, поэтому начали играть с ним. Включали и выключали свет, пока не сломали выключатель. В туалете вначале обрывали верёвки унитаза, удивляясь и проверяя, как это льётся вода. Началась учеба. Нам выдали специально для нас сшитую форму одежды, очень красивую...

Я смотрю на пожелтевшую фотографию 13-летнего мальчика Вани Ашарчука со строгим и светлым, наивным и доверчивым лицом. На петлицах тужурки буквы РУ — ремесленное училище.

— К нам в училище приходила Долорес Ибаррури, высокая, представительная женщина, — вспоминает Иван Конович. — О чём она говорила, этого не осталось в памяти. Но не забылась жажда знаний, интерес к учёбе, в результате которой Иван Ашарчук получил редкую специальность слесаря-лекальщика, выделяясь способностями среди других детей. В 1941 году ждал Ваню сюрприз. К нему приехали родители из Белоруссии. Отец был кузнецом, а мать работала в поле. Возвращение назад, домой, далось им очень тяжело. Они долго не могли взять билеты на поезд. Уже чувствовалась тревога и ожидание войны.

После начала войны вскоре из школы, стоявшей напротив училища, стали выносить парты и оборудовать её под госпиталь. Подходили машины и выгружали раненых. В августе 1941 года учеников ремесленного училища вывезли под Пулковку. Здесь они рыли ходы сообщений зигзагом и глубиной в человеческий рост. Это была вторая линия обороны.

— Нас подвергли бомбёжке, — вспоминает Иван Конович. — После этого, недолго пробыв в училище, мы приехали на финскую границу, строили там оборонительные укрепления. Снова вернулись в училище и стали проходить врачебную комиссию. Одного испанского мальчика, который был постарше, взяли на фронт. И мастер наш тоже был мобилизован. А нас отправили на завод. Я работал на строгальном станке, выполняя детали по чертежу. Работали мы, пока была электроэнергия. А потом начали патрулировать улицы, следя за маскировкой окон. Самолёты бросали бомбы на горящие огоньки, поэтому следили, чтобы не просачивался свет из окон. Налёты проходили в 23 часа. Раздавался сигнал: «Воздушная тревога». Однажды я был в цеху, когда услышал рёв самолёта. Сброшенная бомба разорвалась совсем рядом. Меня воздушной волной ударило о станок затылком и рассекло его. Меня отвезли в госпиталь, зашили, зажило. А потом началось страшное время, когда не было света, воды, тепла, продовольствия. Однажды я не ел ничего в течение трёх дней. Но в марте 1942 года нам увеличили норму питания. А к этому времени из 250-ти учеников ремесленного училища в живых осталось семьдесят. 22 марта нас начали готовить к эвакуации. Мы собрали вещ-

мешки, нам выдали по кусочку мыла и ничего из продовольствия. Ослабленные, мы шли пешком от Александро-Невской Лавры до Финляндского вокзала, откуда на поезде довели нас до Ладожского озера. Там было огромное количество людей на эвакуацию. Нам дали еды — несколько галет и маленький кусочек шоколада. На машинах и автобусах перевезли через Ладожское озеро. А затем посадили в огромный эшелон из семидесяти вагонов. Ехали в теплушках — это вагоны с широкими воротами посередине, с печкой и нарами по периметру вагона, выстланными соломой. Ехали очень медленно, останавливались у каждого столба. И это было хорошо, потому что туалета в теплушках не было. В июне 1942 года мы прибыли в Тбилиси...

В Грузии мальчишек, у которых «торчали только глаза и зубы», завшивленных, встречали оркестром. Музей истории Грузии приспособили к тому, чтобы разместить учеников из трёх ремесленных училищ. В течение месяца их откармливали двойным пайком, а затем основная масса учеников была отправлена в Куйбышев, а 25 человек оставлено в Тбилиси для работы на инструментальном заводе № 33. Мальчиков поселили в общежитии завода, выдали одежду и обувь. Они изготавливали автоматы ППШ. Слесарей-лекальщиков было только двое: Ваня Ашарчук и мастер цеха. Жили на продовольственные карточки, питались прямо на заводе, не выходя из него сутками, не имея никаких выходных. Особенно тревожно стало, когда фашисты подошли к Орджоникидзе. Выпускали по десять тысяч автоматов ежемесячно, тут же отгружая в ящики и отправляя на фронт. В 1944 году, когда немцы стали отступать, мальчишкам-ремесленникам стали преподавать по программе всеобуча школьные дисциплины. У всех было огромное желание уйти на фронт, и юноши ходили в военкомат, уговаривали мобилизовать, хотя у них была бронь. Однажды вместо привычного отказа их мобилизовали так быстро, что на заводе не успели попрощаться. Иван Ашарчук попал служить на Каспийскую флотилию. Ему было 17 лет. Началось обучение.

— Винтовка огромная, выше моего роста. Молодые матросы проходили обучение в горах, по гололёду: ложись — встань, — вспоминает Иван Кононович. — А потом я был направлен в учебный отряд в Махачкалу. На турецкой границе мы мёрзли, голодали. Нас кормили рисом с червями. Никто не мог заставить себя проглотить рис с красными точками. Пришёл к нам начальник и демонстративно у всех на глазах съел миску такого риса, объясняя, что неоткуда ждать другого продовольствия.

Однажды нас разбудил громкий крик дежурного по роте. Он не просто кричал, а орал: «Победа!» Это было в ночь с 8 на 9 мая 1945 года. Нас построили на плацу, и с оркестром мы пошли по улицам Махачкалы. Было много слёз радости. Стреляли, пели, танцевали. Кто как мог, выражал свою радость. В обед 9 мая нам дали по 100 граммов водки. 25 июня нас расформировали по флотам. Сначала я попал в Баку на боевой корабль — охотник за подводными лодками. На нём исколесил всё Каспийское море. 22 октября меня наградили медалью «За победу над Германией», и тут же 300 человек с Каспийской флотилии погрузили в эшелон и направили в Ленинград, оттуда — в Кронштадт. На сетевом заградителе «Урал» из Кронштадта мы направились в Хельсинки, затем в Таллинн, а оттуда — в Свиноуйсьце. Мы принимали трофейные немецкие корабли.

В составе кораблей 23-го дивизиона катерных тральщиков 2 бригады траления 4-го ФВМФ Иван Ашарчук прибыл в Пиллау (Балтийск) 20 декабря 1945 года:

— В это время весь город был забит разбитой техникой. Не было ни света, ни воды. Нас спасала от голода брюква, оставшаяся на одном немецком корабле. Катерные тральщики стояли на причале у гостиницы «Золотой якорь», тралили канал, залив, ближайшую акваторию. А в свободное время мы расчищали будущую площадь Балтийской Славы. Из кирпича, очищенного от раствора, строили стену, отделявшую от города железную дорогу. Вначале клуб для моряков ОВР был в здании церкви. Здесь проходили концерты, показывали кинофильмы. А потом военторг использовал здание церкви под склад. Мы восстанавливали здание 97-й поликлиники, где вначале размещалось политуправление флота. Из Гдыни за два рейса было привезено 300 человек пленных немцев. 150 человек из них работали на восстановлении матросского клуба, Дома офицеров и жилых домов по улице Московской. Другая группа пленных из 150-ти человек работала на 33-м СРЗ. В 1948 году их отправили на родину. А в Балтийске начался строительный бум. Собирали щитовые дома, привезённые из Финляндии, и возникли целые улицы из «финских домиков». Мы приводили в порядок парк. Оттуда вывезли огромное количество разбитой техники. Наша бригада из собранных в парке деталей смогла отремонтировать две грузовые дизельные немецкие машины. Они были направлены

в Быхов Могилёвской области, где стояла авиация Балтийского флота и был подшефный детский дом. Для этого детского дома и были собраны две машины.

В марте 1947 года катерные тральщики были переведены в 64-ю бригаду ОВР, и они стали сторожевыми кораблями, несли дозор до 1950 года, а потом их списали. Корабль, на котором служил Иван Ашарчук, БО-287, вошёл в историю тем, что обнаружил подводную лодку, которая почти вплотную подошла к базе. Семь лет длилась срочная служба у Ивана Ашарчука, старшины команды мотористов, ведь почти некого было набирать в армию после войны. С 1951 года он перешёл на сверхсрочную службу и остался в Балтийске. Ещё находясь на срочной, он четыре раза получал основной отпуск и три — поощрения. Добираться домой, в Гомельскую область, было очень сложно. Не было транспорта, и пешком приходилось преодолевать по сотне километров. В деревнях жили очень плохо, в землянках; продовольствия не хватало. В 1948 году Иван Ашарчук познакомился со своей будущей супругой. Он прибыл в Лельчицы и стал искать попутную машину до Милошевичей. Симпатичная девушка с кудрявыми волосами тоже искала возможность туда добраться. Она окончила в Речице медицинское училище и была направлена на работу в родную деревню Ивана. Два года они переписывались, а потом поженились в ноябре 1951 года. В 1952 году у них родился сын, в 1956 году — дочь.

В 1955 году Ашарчук стал депутатом городского Совета. С 1958 года стал возглавлять электромеханический кабинет базы, где готовили водолазов, электриков, трюмных, мотористов.

— Но это оказалось не моей стихией, — качает головой Иван Кононович. — Я попросился на корабль, и с 1960 года стал служить на СБР-155. Ходил в Польшу, Германию, Грецию, Финляндию. У нас был хороший коллектив, хорошее командование, мы помогали друг другу. У меня не было ни одной аварии, ни одной поломки.

С 1977 года Иван Кононович — военный пенсионер с выслугой в 33 года. До 1985 года он работал во вспомогательном флоте, а затем в течение 20 лет — в детском саду № 14 «Чебурашка», занимаясь ремонтом оборудования, изыскивая и неизвестно где находя нужные детали для ломавшихся машин в прачечной, на кухне, для кранов и коммуникаций.

Иван Кононович — прекрасный рыболов, он знал богатые уловы. И ещё — он мастер на все руки. Например, изготовил для первого командира базы С.А. Кострицкого орденскую колодку. А потом к нему стал обращаться чуть ли не весь флот. Кострицкий, по достоинству оценив высокое качество работы Ашарчука, попросил его изготовить дубликат Звезды Героя Советского Союза. И это ему удалось с блеском.

— В 1945 году немецкий флот делили между собой три страны, — рассказывает Иван Кононович. — Это было в Англии. Из фетровой шляпы адмирал Левченко в Лондоне вытаскивал жетоны с названием кораблей, доставшихся СССР. У адмирала была лёгкая рука. Нам достались 700 кораблей разных классов. Из крупных — эсминцы «Прочный» и «Проворный», линкор «Цель», управляемый по радио с малого его спутника «Выстрел». Линкор выходил в море, и наши корабли выстреливали в него во время учений по-настоящему. После этого он шёл на ремонт в Лиепаяу. В 1961 году в Риге этот линкор был разобран на металлолом. Снимали броневые плиты и отправляли в Россию. А ещё я наблюдал авианосец «Граф Цепеллин». Он не был достроен до начала войны и был спрятан в Свиноуйсьце, не попав в список тех кораблей, которые делились в Лондоне. Об этом стало известно англичанам и американцам, и в сопровождении четырёх английских буксиров авианосец отвели к шведским кораблям, чтобы утопить. В нос, на корму и посередине было заложено по 500 килограммов динамита. На моём корабле находился оператор, который снимал хронику затопления. Взрыв динамита не позволил затопить авианосец. Тогда с эсминца стали бить в него артиллерией. Это тоже не помогло. Из Быхова была вызвана авиация, сброшены бомбы, но «Цепеллин» стоял. И лишь торпеды, выпущенные в борт, дали результат. Авианосец пошёл на погружение носом. На огромную высоту поднялась корма, и потом пучина поглотила корабль. Это было в 1948 году. А кто не помнит в Балтийске огромный, водоизмещением в 650 тонн, плавучий самоходный кран? В 1939 году наше правительство заказало его в Голландии. Голландцы построили кран, когда началась война. Немцы его конфисковали. А в 1948 году наше правительство потребовало вернуть кран. Два буксира привели его в Балтийск. И он работал у нас лет пятьдесят. Его использовали и в Калининграде, и в Лиепаяу, и в Свиноуйсьце. Списали во время перестройки. Это был легендарный кран, который мог поднимать около 550 тонн, стрела его была 40 метров, работал на понтоне.

В 1947 году довелось мне на заводе «Янтарь» ремонтировать катер командующего «Альбатрос». В тот год была очень суровая зима. Лёд в Преголе промерз на метр! Мы ходили от завода по льду в кинотеатр «Победа». В то время я видел стоявший в ангаре трофейный быстроходный катер на подводных крыльях, изготовленный немцами. Весной 1947 года его погрузили в эшелон и отправили в Казань. Через много лет я плыл на таком судне из Киева по реке Днепр.

Помню также, как в Балтийск приезжал Герой Советского Союза Михаил Девятаев. Его приглашала моя соседка в гости на чай. В 1945 году он бежал из концлагеря и угнал немецкий самолёт-бомбардировщик, захватив с собой ещё и 8 своих товарищей. Его у нас вначале чуть не расстреляли, а потом дали Звезду Героя.

Я был знаком с лейтенантом Кузьминым, сестра которого была замужем за адмиралом Андреевым. Помню, как у Кузьмина интересовались подробностями жизни адмирала — что, например, он ест. Тот отвечал, что адмирал любит жареную картошку, гречку и 100 граммов коньячку. В гаражном обществе «Балтиец» недалеко от моего был гараж водителя адмирала Головка. Фамилию его не помню, но это был необыкновенный лихач. Адмирала он возил на ЗИЛе за полчаса до Калининграда.

И, пожалуй, еще одну историю расскажу. Маршал Жуков приезжал в Балтийск инспектировать адмирала Головка и Балтийский флот. Он ехал в своём вагоне по железной дороге до самого Балтийска. У заставы загорелась будка, которую тушили на ходу поезда. В Балтийске Жуков был очень строгим. Как-то ему попался на глаза кто-то из водолазов. Маршал спрашивает:

— Достаточно ли ты получаешь? На водку хватает?

— Так точно, товарищ маршал!

Жуков после этого урезал зарплату водолазов в два раза, а музыкантам оркестра в два раза увеличил.

Иван Кононович — великолепный рассказчик. Он неистощим на истории из жизни флота и военно-морской базы. А сколько у него наград! Все боевые! И «За безупречную службу»!

Недавно он закончил земной путь, но язык не поворачивается — говорить о нем в прошедшем времени.

Берега Памяти. К 70-летию Великой Победы

Дмитрий Ридегер

История одного памятного места

Более двадцати лет назад, когда по долгу службы проходили дозорной тропой мимо этого места, никто не вдавался в подробности, кому установлен этот памятник. Каждый знал наверняка, что здесь похоронен солдат Великой Отечественной войны. Это настолько привычная картина, что в любом уголке нашей страны от Москвы до западных границ есть подобный памятник неизвестным героям той войны! Потому со временем все эти места обрастают обыденностью.

По прошествии многих лет товарищи, некогда служившие в тех краях, встретились. И на одной из встреч было решено организовать и обозначить это место захоронения чем-то большим, нежели простым столбиком. Мы решили: прежде, чем заниматься новым памятником, надо определиться с тем, что произошло здесь в конце войны. Этим и занялись. Собрав некоторую информацию на просторах интернета и получив рекомендательное письмо от администрации города Балтийска, направились прямо в Центральный Архив Министерства Обороны. Благодаря собранной информации теперь мы знаем, что происходило на этой земле весной 1945 года.

От начала:

84-я гвардейская Карачевская Краснознамённая ордена Суворова стрелковая дивизия, что завершала войну боями на Балтийской косе, была сформирована 2 июля 1941 года в Москве, как 4-я Московская стрелковая дивизия народного ополчения (Куйбышевского района) из сотрудников Наркомвнешторга СССР, Наркомфина СССР, Наркомсовхозов СССР, Наркомата лёгкой промышленности, Госплана РСФСР, Центросоюза, редакции и издательства «Московский большевик», рабочих швейной фабрики «Красная швея» и других предприятий Куйбышевского района — всего 5900 человек. Место формирования: Малый Козловский переулок, дом 6.

26 сентября 1941 преобразована в 110-ю стрелковую дивизию.

10 апреля 1943 года преобразована в 84-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

В ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ: 24.07.1941 — 22.04.1944, 28.05.1944 — 09.05.1945

С 10.1941	Обороняла подступы к Москве в районе Боровск — Наро-Фоминск
01.1942 — 04.1942	участвовала в Ржевско-Вяземской наступательной операции 1942 года
03.1943	участвовала в Ржевско-Вяземской наступательной операции 1943 года
07—08.1943	участвовала в Орловской наступательной операции
09—10.1943	участвовала в Брянской наступательной операции
10—12.1943	участвовала в Невельско-Городокской наступательной операции
06.1944	участвовала в Витебско-Оршанской наступательной операции
06—07.1944	участвовала в Минской наступательной операции
07.1944	участвовала в Вильнюсской наступательной операции
07—08.1944	участвовала в Каунасской наступательной операции
10.1944	участвовала в Гумбиннен-Гольдапской наступательной операции
01.1945	участвовала в Инстербургско-Кёнигсбергской наступательной операции
04.1945	участвовала в штурме Кёнигсберга и боях на косе Фрише Нерунг

Состав 84-й гвардейской стрелковой Карачевской Краснознамённой ордена Суворова дивизии: 243-й, 245-й и 247-й гвардейский стрелковый полк,

186-й гвардейский артиллерийский полк,
88-я гвардейская осад (88-й гвардейский отдельный истребительно-противотанковый дивизион),
85-я гвардейская разведывательная рота,
93-й гвардейский саперный батальон ,
115-й гвардейский отдельный батальон связи,
448-й (87-й) медико-санитарный батальон,
86-я гвардейская отдельная рота химзащиты,
739-я (89-я) автотранспортная рота,
597-я (82-я) полевая хлебопекарня,
545-й (83-й) дивизионный ветеринарный лазарет,
754-я полевая почтовая станция,
599-я полевая касса Госбанка.

Боевой путь дивизии:

12.07.1941 года направлена в район Вязьмы.

С 14.07.1941 года движется по направлению городов Белый и Ржев.

С 15.07.1941 года заняла позиции по восточному берегу Днепра, строила укрепления.

С 20.07.1941 года переброшена в район близ Сычёвки Московской области. В августе заняла второй эшелон армии (район деревни Замашки Ново-Дугинского района).

С 12.09.1941 года маршем переброшена в район севернее озера Селигер. Оборудовала позиции, была сменена 26.09.1941 года 33-й стрелковой дивизией. Направилась в район Осташкова, но переброшена с 06.10.1941 года маршем в район Ржева (Селижарово). 11.10.1941 года уже была в Москве.

С 14.10.1941 года участвует в боях в районе Боровска. К 20.10.1941 года в боях под Наро-Фоминском дивизия рассечена противником на две части. За время боевых действий под Наро-Фоминском, продолжавшихся с 13.10.1941 года по 20.10.1941 года, дивизия потеряла убитыми и ранеными 6179 человек

Наро-Фоминское направление с юго-запада прикрывала 33-я армия. Штаб армии не располагал данными о приближении войск противника. Появление 258-й пехотной дивизии немцев в Наро-Фоминске и прилегающих к городу деревнях явилось полной неожиданностью для 33-й армии, который командовал генерал-лейтенант Ефремов М. Г. Одной из частей, обороняющихся на этом направлении, была 110-я стрелковая дивизия, бывшая 4-я дивизия Народного ополчения Куйбышевского района Москвы.

После боев под Боровском и Балабановым с 13 по 20 октября дивизия была вынуждена отойти на рубеж Атепцево-Слизнево-Чичково-Каменское. Для укрепления этого рубежа были выдвинуты из тыла 1-я Московская и 222-я стрелковые дивизии. На правый берег реки Нары немцы вышли 21 октября 1941 года, заняв без боя Котово, Елагино, Атепцево, Ерюхино, Слизнево, Покровку. Прорвавшись в ночь с 21 на 22 октября в Наро-Фоминск, противник к исходу дня 22 октября овладел юго-западной частью города. При отходе на левый берег Нары наши войска взорвали одноколейный железнодорожный и каменный мосты. 21 октября 1941 года 110-я стрелковая дивизия заняла оборону от шоссе Москва-Киев до Слизнева. Как пишет Балоян Н. П. в своих воспоминаниях, он прибыл во второй половине дня 22 октября 1941 года в город с одним эшелоном 6-го мотострелкового полка. Сразу же после выгрузки они вступили в бой в районе Горчухина. Соседом слева от 110-й дивизии была 113-я дивизия этой же 33-й армии, бывшая 5-я дивизия Народного ополчения Фрунзенского района Москвы. Дивизия противостояла гитлеровцам на рубеже Чичково-Каменское-Рыжково. Командовал дивизией Константин Иванович Миронов. Стыки между соседними дивизиями не были сплошными, чем пользовались немцы. Положение 110-й дивизии было чрезвычайно тяжёлым. Дивизия понесла большие потери.

Из дневника П.П.Пшеничного, бойца дивизии.

...Переехали из Красной Пахры в дер. Пучково под командование своих бесславных командиров 110-й дивизии. Нужно переформирование дивизии. То, что мы имеем сейчас,— это деморализованная, небоеспособная масса. Командование не отличается ни энергией, ни умением руководить

боем. Мы уже стоим под Москвой. Предвижу огромные жертвы ввиду жестоких сражений, которые будут вестись на подступах к столице. Враг у Наро-Фоминска.

Оттеснённые противником от единственного шоссе Наро-Фоминск-Атепцево-Каменское, наши войска лишились проезжих рокадных дорог для снабжения боеприпасами и другим необходимым снаряжением и продовольствием. Усилиями наших сражающихся войск удалось остановить рвавшихся к Москве гитлеровцев на рубеже реки Нары. В течение ноября 1941 года 110-я и 113-я дивизии вели тяжёлые бои на этих позициях. Взяв с хода правобережье Наро-Фоминска и селения по берегам Нары, враг не смог продвинуться дальше к Москве на этом направлении. Левый берег удерживался нашими войсками в Наро-Фоминске, как у кирпичного завода, так и у Киевского шоссе. Обтекая Наро-Фоминск и шоссе с юго-запада, многочисленные силы немцев проследовали через Атепцево на Савеловку и Афанасовку. С 7 по 16 октября дивизия передислоцировалась в район станции Балабаново Московско-Киевской железной дороги, где вошла в состав 33-й армии Западного фронта. По мере выгрузки отдельные части дивизии занимали оборонительные рубежи у Боровска и утром 14 октября вступили в бой с противником, отбили его атаки и захватили пленных. С 15 октября части дивизии вели тяжёлые арьергардные бои с наступающими превосходящими силами противника, неоднократно переходя в контратаки. К 22 октября дивизия заняла оборону на восточном берегу реки Нары (у города Наро-Фоминска) и, героически отбивая яростные атаки противника, ценой больших жертв она пресекла его неоднократные попытки прорваться на этом участке к Москве. 18 декабря 1941 года дивизия совместно с другими соединениями 33-й армии, прорвав оборону противника на западном берегу реки Нары, перешла в стремительное наступление. За время наступления — с 18 декабря 1941 года по 10 апреля 1942 года — дивизия освободила от немецко-фашистских захватчиков 64 населённых пункта, в том числе 19 января 1942 года был освобождён город Верея.

С января по апрель 1942 года дивизия участвовала в Ржевско-Вяземской операции 1942 года. До 1943 года вела бои местного значения, с 04.03.1943 года участвовала в Ржевско-Вяземской операции 1943 года, освободив Вязьму.

10.04.1943 года преобразована в 84-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

С 25.04.1943 года — в тылу на отдыхе и пополнении.

С 13.05.1943 года вновь на передовой, во втором эшелоне.

В июле-августе 1943 года (с 12.07.1943 года, первоначально во втором эшелоне) участвовала в Орловской стратегической наступательной операции, 15.08.1943 года освободила г. Карачев. За отличие при штурме Карачева дивизии присвоено почётное наименование Карачевской.

В сентябре-октябре 1943 года участвовала в Брянской наступательной операции.

В октябре-декабре 1943 года части дивизии успешно ведут бои по прорыву подготовленной обороны противника в сложных условиях лесисто-болотистой местности на Невельско-Витебском направлении, в Невельско-Городокской наступательной операции. За что 21 декабря 1943 года награждена орденом Суворова 2-й степени.

Участвуя в ожесточённых боях, дивизия понесла большие потери и 22.03.1944 года была отведена в тыл для пополнения (*в полках осталось по 100 человек*).

С июня 1944 года участвует в Белорусской стратегической наступательной операции, в рамках которой ведёт бои в Витебско-Оршанской наступательной операции и Минской наступательной операции. В Белорусской наступательной операции 1944 года дивизия, входившая в состав 1-го эшелона армии, участвовала в прорыве глубоко эшелонированной обороны противника на оршанском направлении и после ожесточённых уличных боев во взаимодействии с другими соединениями 27 июня 1944 года овладела городом Орша, а также освободив город Молодечно. Продолжая громить врага на белорусской земле, части дивизии 14 июля 1944 года с ходу форсировали реку Неман южнее г. Алитус и успешно освободили его.

12 августа 1944 года за мужество и отвагу, проявленные при форсировании реки Неман, дивизия награждается орденом Красного Знамени.

После форсирования Немана дивизия вела упорные бои по расширению захваченного плацдарма и развитию наступления к границам Восточной Пруссии.

С июля 1944 года дивизия участвует в Вильнюсской наступательной операции.

27.07.1944 года отведена в тыл, к 31.07.1944 года — снова в действующей армии. В июле-августе 1944 года участвует в Каунасской наступательной операции.

16.10.1944 года части дивизии во взаимодействии с другими соединениями прорвали пограничные укрепления противника и перешли границу Восточной Пруссии.

В октябре 1944 года участвует в Гумбиннен-Гольдапской наступательной операции.

В 1945 году участвует в Инстербургско-Кёнигсбергской наступательной операции, принимает участие в штурме Кёнигсберга, взятии Пиллау и завершила боевые действия на косе Фрише Нерунг (Балтийская коса).

До завершения:

Бои за Кёнигсберг

На рассвете 6 апреля Маршал Советского Союза А.М. Василевский отдал приказ начать наступление. Получив его, Военный совет армии предложил всем командирам и политорганам соединений и частей немедленно довести боевую задачу до всего личного состава первого эшелона и добиться полной ясности в её понимании.

Ровно в 9 часов артиллерия армии — 1500 орудий и миномётов, в том числе 769 крупных калибров, — начала артподготовку. Земля задрожала от гула канонады. Вражеские позиции по всему фронту прорыва закрыла сплошная стена разрывов снарядов. Город заволочло густым дымом, пылью и огнём. Сквозь бурую пелену можно было рассмотреть, как наши тяжёлые снаряды сносят земляные покрытия с укреплений фортов, как взлетают в воздух куски брёвен и бетона, камни, исковерканные детали боевой техники. На бетонных крышах фортов, прикрытых густым слоем земли, росли целые рощи старых деревьев. Издали их можно было даже принять за небольшие заросшие холмы. Чтобы добраться до кирпичных или бетонных сводов, требовалось, прежде всего, сбросить с фортов этот слой земли и деревья. Артиллеристы отлично справились с такой задачей. Сброшенная земля и деревья нередко закрывали амбразуры огневых точек, которыми был насыщен передний край обороны.

В то время, когда наша артиллерия разрушала укрепления и траншеи врага, во всех частях и подразделениях зачитывалось обращение к войскам Военных советов фронта и армии. В нём говорилось:

«Боевые друзья, гвардейцы! На штурм Кёнигсберга!

Во имя полной победы над врагом Родина приказывает нам разрубить последний укреплённый узел Восточной Пруссии, сокрушить крепость Кёнигсберг и завершить разгром восточно-прусской группировки гитлеровских войск.

Стремительно штурмуйте и разбивайте укрепления врага. Смело врывайтесь на улицы города и всеми средствами громите вражеские опорные пункты, ломайте сопротивление противника.

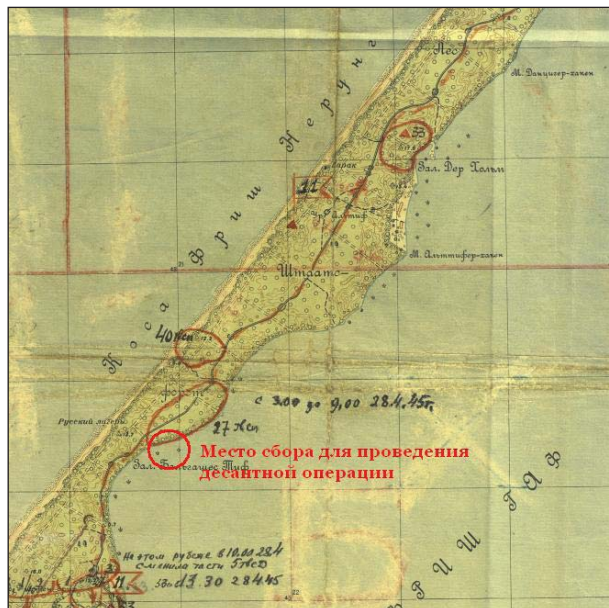
Славные воины штурмовых отрядов и групп, бесстрашно штурмуйте крепость Кёнигсберг, дерзко блокируйте вражеские форты, доты, разбивайте его бастионы. Настойчиво ведите бой за каждый дом, очищайте квартал за кварталом весь город Кёнигсберг, беспощадно уничтожайте проклятых фашистов до полного их истребления!»

На схеме подготовки к боевой операции по взятию города-крепости Кёнигсберга 243-й, 245-й, 247-й гвардейский стрелковые полки и 186-й гвардейский артиллерийский полк 84-й гвардейской стрелковой дивизии заняли позиции южнее города в квадрате между населёнными пунктами Годринен (Ласкино) — Вудикен (не сохранён) — Вартен (не сохранён) — Гросс Каршау (Памятное). По фронту Вартен-Гросс Каршау.

6.04.1945 года — направление удара: городские районы Прапельн—Понарт.

В 11 часов 55 минут реактивные минометы М-31 произвели последний перед атакой залп по основным опорным пунктам в полосе главного удара. Затем войска 43-й, 50-й и 11-й гвардейской армий начали штурм укреплений первой позиции крепости.

Уже к концу артиллерийской подготовки бойцы первого эшелона нашей армии почти вплотную подошли к объектам, которые предстояло штурмовать. Отдельные подразделения поднимались из траншей и под прикрытием артиллерийского огня стремительно приближались к противнику. Так, достигли траншей и навязали ближний бой ошеломлённым немцам роты старших лейтенантов С.Ф. Гладких и А.Я. Шлепова 84-й гвардейской дивизии и до окончания артиллерийской подготовки поднялись в атаку.

Части 26-й, 1-й и 31-й гвардейских стрелковых дивизий, действовавших на главном направлении, в результате первого же броска овладели второй линией траншеи и продвигались вперёд, преодолевая ожесточённое сопротивление врага. На ряде участков ворвались в немецкие траншеи гвардейцы 84-й дивизии. Менее успешными оказались атаки фланговых 83-й и 16-й дивизий, части которых были встречены сильным артиллерийским и пулемётным огнём из передовой траншеи и с фортов № 8 и № 10. В траншею ворвались только отдельные подразделения, действовавшие на внешних флангах, остальные завязали упорный огневой бой.

84-я гвардейская дивизия с 338-м тяжёлым самоходно-артиллерийским полком, использовав успех 31-й дивизии, своим правым флангом к 13 часам прорвала оборону немцев и начала продвигаться в направлении Праппельна. В то же время её левофланговый 243-й полк был встречен сильным пулемётным и артиллерийским огнём форта № 8, вплотную к которому он подошёл и остановился перед противотанковым рвом. Дивизия, ведущая борьбу за форт, вынуждена была атаковать Праппельн малыми силами и, естественно, успеха не имела. Не достигла цели и артиллерийская подготовка. Снаряды снесли крыши домов, разрушили потолки, но подвалы с бетонными или кирпичными перекрытиями остались целы. Видимо, для полного разрушения таких домов требовались орудия больших калибров, чем те, какими располагала 84-я дивизия. Отстав от своего правого соседа, она задерживала его наступление.

84-я гвардейская стрелковая дивизия в течение второй половины дня вела упорные бои на своём правом фланге и в центре, не имея почти никакого продвижения. Только в 20 часов её 243-й полк ворвался в посёлок южнее Шпандинена и овладел двумя его южными кварталами. Левофланговый батальон этого полка под командованием майора И.С. Романова завершил окружение форта № 8.

7 апреля 84-я гвардейская дивизия к 12 часам атаковала Шенбуш с юга и юго-востока, но была встречена сильным пулемётно-артиллерийским огнём. Тогда командир дивизии генерал И.К. Щербина приказал командиру 245-го полка полковнику Д.Т. Ягутко обойти Шенбуш с запада, прикрывшись одним стрелковым батальоном с фронта. В результате упорного боя полк совместно с частями 16-й дивизии к 15 часам занял этот населённый пункт. Одновременно с действиями на главном направлении 1-й батальон 243-го полка под командованием майора И.С. Романова овладел фортом № 8, находившимся уже далеко в тылу наших войск. Гвардейцы взяли в плен 150 солдат и офицеров, захватили склады с месячным запасом продовольствия, горючего и боеприпасов.

В дальнейшем 84-я гвардейская дивизия переправила на северный берег р. Беек большую часть полковой и дивизионной артиллерии и батареи 338-го самоходно-артиллерийского полка. Поставив на прямую наводку значительное количество орудий для подавления немецких огневых точек, расположенных в укрепленных зданиях, она после короткой огневой подготовки атаковала во взаимодействии с 18-й дивизией юго-западную окраину Нассер-Гартена, продвигаясь к восточной части речного порта.

36-й гвардейский стрелковый корпус наступал своей 18-й дивизией, штурмовые отряды которой в 2 часа ночи 9 апреля атаковали оборону немцев в кварталах севернее кладбища и восточнее Амалиенау, но успеха не имели. В 2 часа 30 минут дивизия после сильного огневого налёта была внезапно атакована противником из города, стремившимся прорваться на запад. Гвардейцы стойко выдержали натиск врага и не только отразили удар, но и сами перешли в наступление. Они ворвались на окраины кварталов северо-восточнее кладбища, а введённая одновременно генералом Кошевым 84-я дивизия из-за правого фланга 18-й овладела кварталом восточнее кладбища и ворвалась на южную окраину соседнего квартала. Преследуя противника, 84-я и 18-я дивизии к 7 часам завязали бой за третью позицию крепости Кёнигсберг.

18-я и 84-я гвардейские дивизии 36-го гвардейского корпуса, сжимая кольцо окружения с запада, прорвали внутреннюю оборонительную позицию и овладели северной пассажирской железнодорожной станцией. Положение немцев с каждым часом становилось всё более безнадёжным. Прорыв не удался, удар извне для деблокирования гарнизона тоже был сорван. Казалось бы, самое разумное поднять белые флаги. Но гитлеровцы продолжали упорно и ожесточённо драться.

Натиск наших войск не оставлял немцам никаких шансов. И 09.04.1945 года город капитулировал.

После взятия Кёнигсберга, 10.04.1945 года части 84-й гвардейской стрелковой дивизии двинулись маршем на Фишхаузен.

Выписки из донесений:

10.04.45 — Боевое распоряжение № 31

В целях подготовки частей и подразделений дивизии к предстоящему маршу в район северо-западнее Кёнигсберга

Приказываю:

- 1) *Боевые действия в районе города Кёнигсберг — прекратить.*
- 2) *Части подготовить к выступлению в общем направлении северо-запад. И к 12.00 часам быть готовым к выступлению.*
- 3) *Тянуть все тылы и отставших бойцов, построить их по подразделениям и произвести тщательный осмотр для проверки боеготовности. На осмотре проверить обозы, грузы, автомобильный транспорт и все не нужные трофеи снять и отобрать.*
- 4) *Предупредить весь личный состав и потребовать прекращения разгула и разбоя в городе. Всех отставших и без разрешения отлучающихся из подразделений или строя и замеченных в барахольстве арестовывать и предавать суду военного трибунала.*
- 5) *Во время марша через город строго соблюдать дисциплину и порядок и следовать только строем. В каждом подразделении назначить замыкающих командиров.*
- 6) *Особое внимание обратить на организацию ПВО.*
- 7) *Всех пленных направить в пункт 62 — 0,5 км юго-восточнее городского зоопарка.*

Комдив Щербина
Начштаба Страхов

Разведсводка дивизии № 59 от 24.04.1945 года

Противник перед фронтом сформировал остатки разбитых частей 5ТД, 50 ПД, 95 ПД, 505-го танкового батальона и 753-го сапёрного батальона РГК в пехотный полк и отдельные алярм-подразделения, подчинённые ТД «Гросс Дойчланд».

Основной упор — сопротивление продвижению наших частей.

Пленные 50ПД, 95ПД, 505-го танкового дивизиона, 753-го сапёрного батальона показали: остатки разбитых частей, действовавших на Земланде, сформированы в пехотный полк, получивший номер 278 и подчинённый ТД «Великая Германия». В ротах, по показанию пленных, — 20 человек.

Кроме того полка, из остатков сформировано алярм-подразделение, действующее перед фронтом дивизии.

Задача вновь сформированных частей — удерживать занимаемый рубеж до последнего человека.

подпись Заместитель начальника разведки гвардии майор Криво

17 апреля командующий 2-й Гвардейской армией генерал П.Г. Чанчибадзе отдал приказ о штурме Пиллау. Однако с передовой поступали неутешительные доклады.

Потеряв за день 334 солдата и офицера, командующий 2-й гвардейской армией прекратил наступление, доложив об этом Маршалу Советского Союза А.М.Василевскому.

В этой обстановке было принято решение ввести в сражение «свежие» силы, поручив армии Чанчибадзе оборону Балтийского побережья. Находившаяся севернее Фишхаузена 11-я гвардейская армия, куда входила 84-я гвардейская стрелковая дивизия, была выдвинута вперёд, а её командующему генералу К. Н. Галицкому поставлена задача за два дня взять Пиллау.

Из сообщения Советского Информбюро:

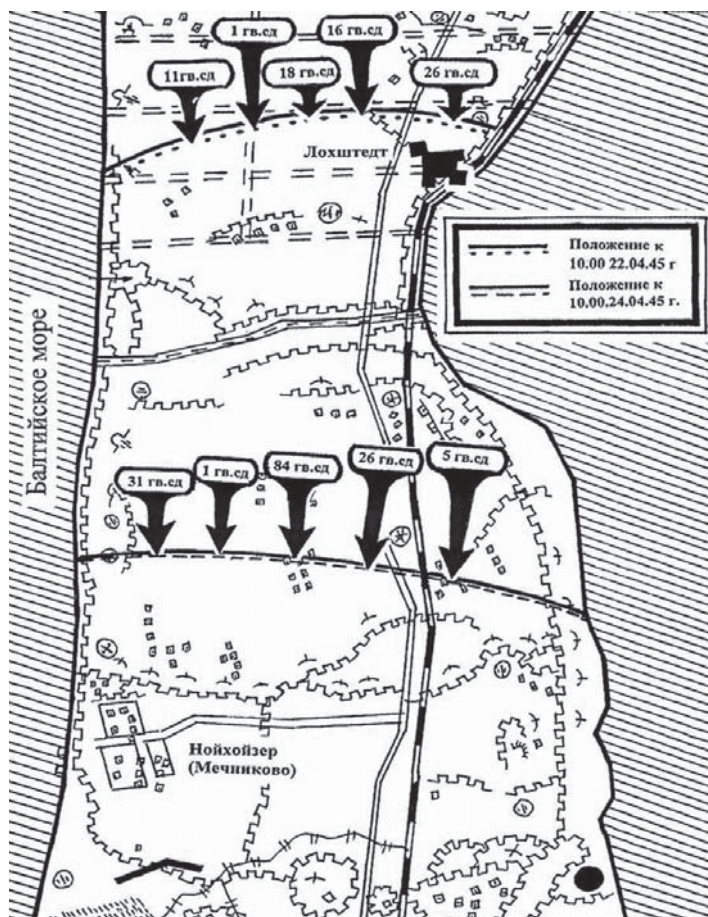
В течение 18 апреля войска 3-го БЕЛОРУССКОГО фронта продолжали бои по уничтожению остатков немецких войск, отброшенных в район порта ПИЛЛАУ.

В наступивших сумерках *Галицкий* приказал провести разведку боем. После короткой артподготовки стрелковые батальоны, цепляясь за ломаную линию шоссе, потянулись вперёд. Наступавших встретил шквальный огонь артиллерии противника. Атака была прекращена. Войска вернулись на прежние позиции.

Передовая линия немецкой обороны, пересекавшая полуостров юго-западнее Фишхаузена (Приморск), включала в себя три основные траншеи, несколько рядов проволочных заграждений, орудия прямой наводки, врытые в землю танки, завалы и противотанковый ров.

Оборона Пиллау состояла из береговых зенитных батарей и старых фортов. На эти преграды опиралась система неприступных рубежей. Первый из них — это две сплошные траншеи, соединённые ходами сообщений с четырьмя десятками пехотных блиндажей и укрытий с проволочными заборами и минными полями и глубоким рвом с ячейками и пулемётными площадками на расстоянии пятнадцати метров друг от друга. Так что сам ров являлся третьей траншеей одновременно. За ним располагалась артиллерия всех видов и калибров. В самом узком месте полуострова, проходил второй километровый рубеж обороны. Вблизи стен древнего рыцарского замка Лохштедт был отрыт широкий противотанковый ров с наблюдательными вышками и траншеями. Третья мощная полоса обороны у посёлка Нойхойзер (Мечниково) состояла из трёх траншей и противотанкового рва, окружённого пятью минными полями. Ещё две линии обороны проходили по улицам города, изрезанным паутиной траншей и ходов сообщений. Улицы перегораживались баррикадами из разбитой техники, повозок. По обе стороны железной дороги стояли деревянные надолбы в пять рядов. Цитадель и форты Пиллау, хотя и относились к старой постройке, могли выдержать снаряды большой мощности.

Небольшая ширина косы Фрише-Нерунг позволила неприятелю создать ещё восемь рубежей обороны, находившихся на расстоянии, исключавшем обстрел Пиллау. Каждый рубеж состоял из одной-двух линий траншей, оборудованных стрелковыми и пулемётными позициями и прикрытых завалами. На косе были оборудованы береговые зенитные батареи, которые использовались для борьбы с наступающими советскими танками.

Из сводки разведотдела 3-го Белорусского фронта.

На 14.30 20.04.45 г.

«В лесу 1 км западнее Лохштедта — 50 танков. На восточной опушке леса западнее Лохштедта — 4 САУ, на северной опушке Лохштедта — 2 танка. В лесу 1 км юго-западнее Лохштедта — 4 танка и 3 САУ. На северной опушке леса 1 км северо-восточнее Нойхойзера — 5 танков. В лесу южнее Детского курорта — на просеке 10 САУ на месте».

Атаки гвардейцев раз за разом не достигали поставленной цели. Тогда было принято решение атаковать под покровом темноты. Прикрываясь кюветами железной и шоссеиной дорог, скрытно, по-пластунски, части вышли ко рву. И лишь после того, как противник обнаружил атакующих, открыли огонь. В обороне противника была пробита брешь.

Когда в штабе 11-й гвардейской армии уточнили списки личного состава, то оказалось, что за первый день штурма армия потеряла 1659 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Боевое донесение 186 гвардейский артиллерийский полк, 84-й гв. СД

1 рубеж — Розенталь

2 и 3 рубеж — Альт Нойзойзер и Нойхойзер (Мечниково)

4 — Пиллау (Балтийск)

5 — Нойтиф (Коса)

23.04.45 в ночь, 243-й, 245-й, 247-й полки заняли боевой порядок и двинулись вдоль шоссе в направлении Пиллау.

К утру 24 апреля 1945 года войска овладели вторым противотанковым рвом и вышли к посёлку Нойхойзер (Мечниково).

Более восьми с половиной часов длился штурм посёлка Нойхойзер.

После штурма Нойхойзера гвардейские стрелковые дивизии перегруппировались и вновь перешли в наступление. Преодолев линии немецких траншей, они вышли к последнему противотанковому рву на внешнем подступе к городу. Глубиной восемь и шириной двадцать три метра ров представлял собою мощное инженерное препятствие, подходы к которому были заминированы и прикрыты окопами полного профиля. Оборонявшая его немецкая морская пехота почти полностью погибла на своих позициях. Противник не давал прорваться и к центру города, сражаясь за каждый дом, улицу и квартал. В военном городке Kaserne Himmelreich (Химмельрайх) оборонялись немецкая морская пехота, подразделения связи и аэродромного обслуживания. Лишь при использовании тяжёлой артиллерии удалось проделать в казармах брешу и захватить их. К полудню боевые действия переместились в район городского кладбища. На железной дороге гвардейцами 84 дивизии были обнаружены вагоны с ранеными немцами. Так же много раненых было в землянках, вырытых прямо у железнодорожного полотна.

Боевое донесение 243-й гвардейский стрелковый полк, 84-я гв. СД

24.04.45 дивизия начала наступление двумя (243-м, 245-м) полками. 247-й полк шёл вторым эшелоном.

24.04.45, 19.30 Преодолели противотанковый ров. Справа шоссе слева железная дорога. Взяли в плен 113 человек. Захвачено 7 складов б/н, 3 автомашины и 2 мотоцикла.

Утром 25.04.45 полки с боями вошли на северную окраину города Пиллау. Весь день шли уличные бои. В течение дня прошли город и вышли к проливу между косой и городом. Артиллерия вела огонь по косе. В течение ночи на 26.04.45 и днём пехота и артиллерия переправлялись на косу.

26.04.45, 14.00 переправились на косу и заняли позицию в районе развилки дорог. С окраины, севернее посёлка Нойтиф (Коса) бьют снайперы.

На косе противник оказывал незначительное сопротивление в бункере, юго-западнее отметки 1 (южный мол), имея орудия самоходки и до 1000 солдат и офицеров.

245-й полк при поддержке 2-й батареи 186-го артполка блокировал бункер.

В течение дня уничтожено:

1 танк; 2 самоходки; 4 пулемёта и более 200 солдат и офицеров противника. До 80-ти взято в плен.

При штурме бункера уничтожено 9 пулемётов; 1 самоходка; 105 мм орудие; 3 мелкокалиберных зенитных установки; до 200 солдат и офицеров. Взято в плен 400 солдат и офицеров. Взорван бункер-склад с боеприпасами.

Овладев Пиллау, соединения армии во взаимодействии с флотом форсировали широкую водную преграду и в короткий срок захватили на косе Фрише-Нерунг плацдарм, обеспечивший переправу главных сил.

По докладу армейской разведки, южную часть косы обороняли остатки Данцигской группировки противника, среднюю часть — немецкие части, разбитые юго-западнее Кёнигсберга. В северной части косы находились части, которым удалось покинуть Пиллау.

К утру части трёх гвардейских стрелковых дивизий очистили от противника северо-западную часть косы Фрише-Нерунг. Это дало возможность приступить к постройке понтонного моста и организовать переправу через пролив боевой техники.

16-й гвардейский корпус, в который входила 84-я гвардейская дивизия, сменивший на косе 8-й,

получил задачу на 27 апреля продолжать наступление в юго-западном направлении и вначале овладеть рубежом высота 11,3 — высота 20,2. В дальнейшем корпус должен был выйти на линию высота 18,7 — пристань. При этом ему необходимо было обеспечивать свой правый фланг от возможных ударов с моря. С этой целью вдоль побережья были развёрнуты вначале 84-я, а затем и 5-я гвардейские дивизии.

После взятия района Нойтиф, части 84-й гвардейской дивизии заняли оборонительные позиции. Боевой приказ 26.04.1945

Командирам полков и спецчастей «Комдив приказал»

Командирам 243-го и 247-го гвардейских стрелковых полков выставить боевое охранение на западный берег косы Фрише Нерунг против своего расположения на фронте 400—500 метров по 1 стрелковой роте и 1 артиллерийской батарее.

Командиру 245-го гвардейского стрелкового полка выполнить задачу по ликвидации группы противника, засевшего в бункере 250 метров западнее отметки 14.4.

По выполнении задачи сосредоточиться в том же районе и выставить охранение на западном берегу косы Фрише Нерунг.

Начальник штаба Страхов

Особенность Пиллауской операции заключается в том, что она началась и развёртывалась на узкой полосе суши, не допускавшей никакого манёвра крупными силами. Коса Фрише-Нерунг позволяла наступать только двум дивизиям, а в некоторых узких местах было невозможно и это. Скрытая лесом глубина обороны противника не просматривалась, что усложняло действия артиллерии, которая могла стрелять только по площадям и по целям, вскрытым на переднем крае. Эти факторы также отражались на темпах нашего наступления.

Выписки из донесений:

28.04. 45 33-я гв. СП

Противник отходит по косе в юго-западном направлении. Оказывает нашим частям огневое сопротивление. 28.04.45 над боевыми порядками появились самолёты «Ме-109», которые производили разведку и обстрел из пулемётов (4 самолёта вылета).

К 13.00 достигли лесничества Гросс Брух.

После 5-минутного артналёта полк вступил в бой. Сбив противника, продвинулся вперёд и к 5.00 29.04.45 достиг Штраухбухт.

Приказ № 35 от 28.04.45 года

1) *Противник остатками частей отходит с боями в юго-западном направлении по косе Фрише Нерунг.*

Корабли противника поддерживают действия своих войск. Возможна высадка десанта.

2) *247 гв. сп. 1/243 гв. сп., 2/245 гв. сп. и 186 гв. ап. обороняют участок северо-западного побережья косы в границах справа - мол зюйдмоле, слева – высота 10.5 с задачей не допустить высадки десанта противника.*

247 гв. сп. с одним дивизионом 186 гв. ап. на участке мол зюйдиоле – высота 11.7 КП полка – лес 200 метров севернее Нойтиф.

245 гв. сп. без двух батальонов с 1м дивизионом 186 гв. ап. оборонять участок высота 11.7 северо-восточнее опушка леса, что 250 метров западнее отметки 9.5. КП полка – 200 метров.

243 гв. сп. без двух батальонов с одним дивизионом 186 гв. ап. обороняет участок 250 метров юго-западнее отметки 9.5 – высота 10.5 КП-200 метров.

Готовность обороны к 18.00 28.04.45 года.

Всю артиллерию выставить на переднем крае на прямую наводку.

КП дивизии – северо-западная окраина Нойтиф.

Ком. 84-й гв. стр. д. гв. генерал-майор Щербина.

28.04.1945 года из штаба 84-й гвардейской дивизии поступил приказ о подготовке четырёх стрелковых батальонов, усиленных артиллерией, к проведению десантной операции. Целью операции было блокирование противника в районе населённого пункта Нармельн с задачей раздробить обороняющиеся подразделения противника и ускорить наступление наших войск.

К 24 часам 29 апреля 1945 года 1-й и 3-й батальоны 245-го гвардейского стрелкового полка и 2-й и 3-й батальоны 243-го гвардейского стрелкового полка, усиленные артиллерийским дивизионом, сосредоточились в районе: 600 м восточнее местечка «Русские лагеря» и 100 м севернее вост. выс. 9,8. Для проведения десанта было подготовлено большое количество различных плавсредств.

К сожалению, эта десантная операция не была успешной. Десант попал под плотный огонь хорошо спланированной обороны противника. И практически полностью был разбит. Тихоходные деревянные баркасы и рыбацкие лодки были доступной мишенью для немецкой артиллерии. Многие десантники были уничтожены шквальным огнём на берегу или попали в плен, только единицам удалось продержаться до наступления наших основных сил.

В своей книге «Борьба Абвера в северном крыле Восточного фронта 1944—1945» Мейер Велькер пишет: «...В ночь на 30 апреля в районе Нармельна русские попытались захватить стоящую на границе передовую немецкую отсечную позицию высадкой десанта между 32-м и 33-м километрами. Эта попытка была предпринята на многочисленных деревянных лодках, которые как амфибии были снабжены винтами и колёсным двигателем. На этих лодках находились два пехотных полка и одно артиллерийское подразделение. Наступление на заливе было поддержано огнём пушек, которые располагались на плавсредствах. Одновременно с восточным десантом также была предпринята высадка русских со стороны моря с подошедших к побережью двух небольших советских военных судов. Но им преградила путь немецкая артиллерия. Наступающие со стороны залива понесли большие потери: два плавсредства с пушками и 12 лодок было уничтожено ответным огнём, взято в плен 100 человек, в том числе командир полка. Попытка высадки десанта была полностью сорвана».

Стоит отметить, что данный десант проводился только силами сухопутных войск, без применения сил Балтфлота.

После проведённых исследований материалов ЦАМО теперь можно точно обозначить на карте место сбора подразделений для проведения десантной операции. Это район лесничества «Гросс Брух». Северная часть побережья залива «Бальгашес тиф».

К сожалению, при изучении документов не удалось определить конкретное место высадки десанта. На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что высадка десанта намечалась на рубеже между отметками 30.9 и 26.4 в районе населённого пункта Narmeln (Нармельн). Об этом говорят косвенные свидетельства, такие как пометки в картах и упоминания в боевых распоряжениях частей и подразделений, участвующих в боях на косе.

Так, на отчётной карте боевых действий 11-й гвардейской Городокской стрелковой дивизии на косе Фрише-Нерунг стоит отметка о расположении частей на фронте дивизии на 3 часа 30.04.1945 года — высота 30.9.

Другое подтверждение — это выписка из приказа 16-го гвардейского корпуса, дивизии которого вели наступление на косе:

Приказ № 125/оп Штакор 16 гв 130 от 28.04.1945

18 гв. СД с 551 ИПТАП, одним дивизионом 67 гв. МП, 64 гв. АП, 23ТБР к 6.00-29.04.45 сменить части 31 гв. СД на достигнутом рубеже и с утра 29.04.45 продолжать наступление в полосе 31 гв. СД с задачей овладеть промежуточными рубежами обороны противника на линии «лесничества Гренцхауз» и высота 31.8.

29.04.45

Противник остатками 14ПД, 11ПП, спецподразделениями и дивизией «Великая Германия», опираясь на заранее подготовленные оборонительные рубежи, продолжают оказывать активное сопротивление.

Слева наступает 11 гв. СД.

18 гв. СД в прежнем составе продолжает наступление с задачей к исходу 30.04.45 выйти на рубеж отметка 15.1 сигнальная мачта. КП дивизии к исходу дня отметка 15.7.

К 7.00 30.04.45 частям дивизии занять исходное положение для наступления.

Разведкой уточнить огневую систему противника.

Частью сил второго эшелона обеспечить правый фланг.

Соединиться с десантной группой в районе высоты 26.4 .

Подтянуть артиллерию и миномёты. Указать вопросы взаимодействия.

Танки и самоходные орудия до 6.00 30.04.45 вывести на исходную позицию для атаки. Организовать чёткое взаимодействие их с пехотой.

Начало артподготовки 10.00 30.04.45. КП корпуса к исходу дня 30.04.45 — южная окраина «Нармельн». НП с 9.00 30.04.45 — роца 0,3 км северо-западнее отметки 28.

Согласно той же отчётной карте 11-й гв. СД, отметка 15.1 «сигнальная мачта» находится в 1500 метрах юго-западнее посёлка Нармельн. Место встречи частей наступающей 18-й гв. СД с десантировавшимися подразделениями 84-й гв. СД, высота **26.4**, в 600—700 метрах западнее места, где ныне на берегу залива расположен памятник.

Десантная операция 30 апреля 1945 года была последней боевой операцией, вплоть до окончания войны, проведённой силами 84-й гвардейской Карачевской Краснознамённой ордена Суворова стрелковой дивизии. На 12 часов дня 30 апреля 1945 года была запланирована передислокация дивизии в новый район сосредоточения. По данным списков безвозвратных потерь, по факту проведённой операции потерисоставили более 100 человек.

(см. архивные материалы)

Последнее боевое распоряжение за данный период:

Боевое распоряжение № 37 от 30.04.1945 года

Командирам частей приготовить части к совершению марша в новый район сосредоточения Катринхофен, Доротеенхоф, Зеерапен, Бервальде (9 км западнее города Кёнигсберг).

Начальник штаба 84-й гв. СД Страхов

На основании проанализированных данных смеем предположить, что данный столбик — памятник погибшему здесь десанту! Ещё раз оговоримся, что это предположение. Оно останется им, пока не будет подтверждено документально или опровергнуто.

Из-за этого мы не стали менять памятник на другой. Просто поставили новый рядом. Поставили именно в память о тех, кто погиб здесь при проведении десантной операции 30 апреля 1945 года.

30 апреля 2015 года исполнилось 70 лет со дня проведения данной десантной операции.

К этой дате подготовлен этот материал.

Использованы материалы на Интернет-ресурсах:

<http://tashv.nm.ru>; <http://bdsa.ru>; <http://ru.wikipedia.org>; www.patriotcenter.ru; www.obd-memorial.ru; <http://voenspez.ru>; <http://myfront.in.ua>; <https://ru.wikipedia.org>; <http://militera.lib.ru/>

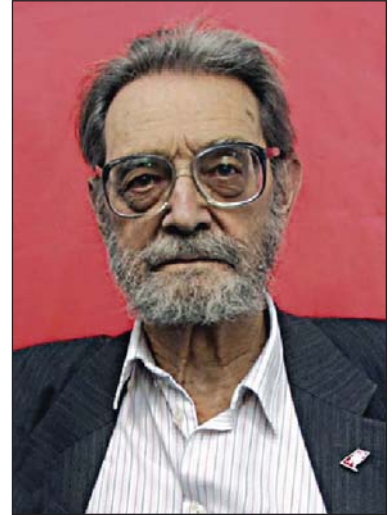
- «В боях за Восточную Пруссию» Галицкий Кузьма Никитович*
- Исторический очерк «Село Атепцево и округа» В.Ф. Елисеев*
- «Хроника штурма Пиллау» С. Якимов*
- Архивные материалы Центрального Архива Министерства Обороны. 142100, Московская область, г. Подольск, ул. Кирова, 74.*

**Выражаем особую благодарность за помощь:
Пограничному управлению ФСБ России по Калининградской области
и Администрации муниципального образования
городское поселение «Город Балтийск».**

Поэзия

Владимир Бушин

Родился в 1924 году в селе Глухово Богородского уезда Московской губернии в семье офицера и медсестры. С осени 1942 года — на фронте. В составе 54-й армии прошёл от Калуги до Кёнигсберга. На территории Маньчжурии принимал участие в войне с японцами. В 1951 году заканчивает Литературный институт имени А.М. Горького, затем экстерном — Московский юридический институт. Печататься начал ещё на фронте, публиковал свои стихи в армейской газете «Разгром врага». После окончания института работал в «Литературной газете», «Литературе и жизни» («Литературной России»), журналах «Молодая гвардия», «Дружба народов». Опубликовал несколько книг прозы, публицистики и поэзии: «Эоловы арфы», «Колокола громкого боя», «Клеветники России», «Победители и лжецы», «В прекрасном и яростном мире» и др. Как фельетонист выступает с критикой ряда российских политиков, общественных деятелей, писателей, журналистов, телеведущих.

НИЧЕГО ИНОГО

А.И.Цветаевой

Я устал от двадцатого века,
От кровавых бушующих рек...
И не нужно мне прав человека —
Я давно уже не человек...

Владимир Соколов

Весь этот мир — от блещущей звезды
До малой птахи, стонущей печально,
Весь этот мир труда, любви, вражды,
Весь этот мир трагичен изначально.

Вы правы: тут иного и не жди,
Не спорь напрасно с быстротечным веком,
А, зная всё, сквозь этот ад иди
И до конца останься человеком.

ТЫ ЗНАЛ!..

Карьерными, хитрыми их делало время —
время интриг, авантюр, подсиживания.

Андрей Дементьев

Прошлое и будущее. «ЛГ», 28.4.2004

Всё оправдать на свете можно.
Не падай духом ни на миг!
Одно лишь, милый, безнадежно —
Рассчитывать на черновик.

И путь свой не рисуй превратно:
Нас время, дескать, так вело.
Ты знал, что жизнь — единократна,
И всё в ней сразу — набело!

Март 1976, 2005

МОЁ ВРЕМЯ

Я жил во времена Советов.
Я видел всё, и убеждён:
Для тружеников, для поэтов
Достойней не было времен.

Я жил в Стране Социализма,
Я взвесил все её дела
И понял: никогда Отчизна
Сильней и краше не была.

Я жил во времена Союза
В семье несметных языков,
Где дружбы дух и братства узы
Страну хранили от врагов.

Я жил в эпоху Пятилеток
И был голодным иногда,
Но видел я — мой глаз был меток, —
Нам светит горняя звезда.

Что ж, ошибались мы во многом,
Но первыми прорвали мрак.
И в Судный день, представ пред Богом,
Мы развернём
наш Красный Флаг.

ОГЛЯНИСЬ!..

Нужно было как бы со стороны
посмотреть на себя...

Александр Покрышкин.

«Небо войны»

В свой звёздный час победы и удачи,
Когда преграды все сокрушены,
А ты твердишь: «И не могло иначе!» —
Взгляни-ка на себя со стороны.

И в день, когда ты проиграл сраженье
И ниц лежишь, стена и скорбя,
Вновь напряги своё воображенье,—
Со стороны взгляни-ка на себя.

Когда в грехе ты уличишь собрата,
И кто-то крикнет яростно: «Расгни!»,
А он молчит, моргая виновато, —
Ты на себя со стороны взгляни.

Ты можешь пить вино и веселиться
В кругу друзей, что так тебе верны,
Но если рядом будут слёзы литься,—
Взгляни-ка на себя со стороны.

Случись, в любви необоримо страстной
Ты станешь клясться, вовсе не любя,
А лишь затем, что был денёк ненастный,—
Со стороны взгляни-ка на себя.

Взгляни со стороны на все деянья,
Ни одного поступка не забудь.—
И под парчой иль шёлком одеянья
Проступит их доподлинная суть.

НЕОТВРАТИМОСТЬ

Народ умеет примечать.
Насквозь он видит ведь любого.
На всём стоит его печать —
От революции до слова.

Он дал прозванья-имена
Не только войнам да владыкам,
Но и цветам, сортам вина,
Дождям, ветрам, звериным крикам.

Не только рекам, городам,
За облака ушедшим горам,
Но даже мошкам и кротам,
Былинкам даже под забором.

И ты хоть прячься век в избе
Иль рвись в просторы мирозданья,
Как и всему, он и тебе
Найдёт достойное прозванье.

БОГ И АДАМ

Старинное о том гласит сказанье:
Зверей и гадов, птиц и рыб создав,
Не стал им Бог придумывать названья,
А первочеловеку дал заданье,
Решить, кто лев, кто кролик, кто удав.

И вот предстали все перед Адамом,
Неробким и сметливым мужиком.
— Что ж, — он вздохнул, — я всем названья дам им.
И начал: «Ты вот будь гиппопотамом,
Ты — зайцем, ты — верблюдом,
ты — жуком»...

Адам трудился целый день до пота,
На перекуры время не терял,
Из крайне непонятного чего-то
Он делал соловья иль кашалота,
А Бог смотрел да ручки потирал.

Уж он-то знал, Всевидящее Око,
Назвав орлом — орла, змеёй — змею,
Адам весь мир преобразил глубоко.
И хаос кончен с этого лишь срока,
Мир завершённость получил свою.

Он знал и то, Владыка Всемогущий,
Что волен мир создать, предать мечу,
Построить ад, разбить Эдема кущи,
Но дать название всякой твари сушей
Лишь человеку было по плечу.

ПОДОХОДНЫЙ НАЛОГ

Нет, не завидуйте тому,
Кто так удачлив и беспечен,
Кто — это видно по всему —
Печатью баловня отмечен.

Чьё имя на устах у всех,
Кого все беды огибали,
Кто будто и не знал помех
Там, где другие погибали.

Кто так шагает широко,
Кто так безудержно хохочет,
Кому так дышится легко,
Кому доступно всё, что хочет.

Так не завидуйте же — грех! —
Весёлым, смелым и свободным.
Тем паче, что любой успех
Бог облагает подходным.

* * *

Характер виден всюду и везде —
На воздухе, на суше, на воде,
В застолье, в путешествии, в труде,
В отчаянье, в богатстве, в нищете,
В печали, в ликовании, в беде.

Характер обнаружится всегда -
Когда мы ждём решения суда,
Когда мы умираем от стыда,
Когда мы воскресаем иногда,
Когда мы тащим рыбку из пруда.

Характер проявляется во всём -
И в том, как мы кого-нибудь спасём,
И в том, как лишь присутствуем при сём,
И в том, как свою курочку пасём,
И даже в том, как ложку в рот несём.

Каких ни навдумывай затей,
А суть свою не скроешь от людей.

SILENTIUM

Молчание бывает громогласно.
Когда за ним достоинство и честь,
Оно гремит возвышенно и страстно
И что-то в нём магическое есть.
Известно это всем с давнишних пор.
Вот так молчал когда-то Томас Мор.

* * *

Я спокойно гляжу в эти злобные лица.
Отвечать? Возражать? С ними спорить?
Зачем?
От пощёчины ведь можно словом укрыться,
От молчанья хлыста не укрыться ничем.

С ЯРМАРКИ

Когда на ярмарочном торге
Явился я вослед другим,
Ото всего я был в восторге
И кошелёк мой был тугим.

В товарах пёстрых по лабазам
Я взоры нежил и купал,
И что не мог покинуть глазом,
То, не торгуясь, покупал.

Мне медный таз казался солнцем,
Над мишурой я сладко млею,
И не стоял я за червонцем,
И четвертных я не жалел!

Набил я короб необъятный,
И вроде счастлив был вполне,
Но вдруг заметил: в путь обратный
Пора с той ярмарки и мне.

И вот бреду... А что ж покупки?
В их суть я наконец-то вник:
Те — слишком грубы, эти — хрупки,
А третьи — чёрта ли мне в них!

Теперь все цены я сверяю
С веленьем сердца и ума,
И всё ненужное — швыряю.
Бери, кто хочет, задарма!

И уж отныне не позволишь
Себе покупку просто так:
Ведь в кошельке бренчит всего лишь
Последний тёртый четвертак.

Хосе Нуньо

О, годы! Что со мною случилось!
Очки, морщины, седина...
Неужто в самом деле старость,
И чаша выпита до дна?

Но как же старость, если Моцарт
Теснит дыханье мне опять,
И сердце учащённо бьётся,
И, как ему, мне тридцать пять;

И если Лермонтова строки
Зовут меня на бой за честь,
Ломая даты, годы, сроки,
И, как ему, мне двадцать шесть;

И если над судьбой Джульетты
Меня опять застал рассвет,
И я шепчу её обеты,
И мне, как ей, шестнадцать лет?

ЖУРАВЛИ

Когда ты видишь стаю журавлей,
Плывущую в осеннем небе к югу,
Ты не печалься, ты их не жалея,
А пожелай удачи им, как другу.

Их ждут пространство, ветер и гроза,
И скудный корм, тревожные ночлеги,
И молнии сверкание в глаза,
И хищников внезапные набеги,

И яростно по спинам бьющий град,
И страх такой, что крылья каменеют...
Но через столько терний и преград
Пробиться они всё-таки сумеют.

А дело в том, что тягостных оков
Слепого почитания не зная,
Меняет в срок уставших вожаков
Летающая к заветной цели стая.

* * *

Москвы уж нет. Остался остов.
Могилы дедов и отцов.
Куда ни глянешь — сонм прохвостов
Да орды пляшущих лжецов.

Им всем воздастся полной мерой.
Неотвратим возмездья миг.
Уж в «Белом доме» пахнет серой,
И виден в небе гневный лик.

Но ничего не чувствует свора,
Резвясь без страха, без стыда,
Как тот Содом и та Гоморра
За день до Божьего суда.

ПАМЯТИ ГЕНЕРАЛА РОХЛИНА

— Рохлина мы сметём!
Б. Ельцин. 1997

Отмщенье, государь!
М. Лермонтов

Мы пили с тобой, генерал,
Недавно — Девятого Мая.
Заздравный бокал поднимая,
Я в дружбе тебя уверял.

Мы знали: скорее умрём,
Чем родину в горе оставим,
Хоть Ельцин грозился: «Сметём!»,
А слышалось ясно: «Раздавим!»

Смерть рядом была на войне,
Где рушилось всё и дымилось,
Но в дачной глухой тишине
Такое тебе и не снилось.

Он путь самый подлый избрал
В безумии или с испугу:
Свалив этот грех на супругу,
Убить он тебя приказал.

Грозивший открыто, в упор,
Допрошен обязан быть первым,
Но струсил и генпрокурор
И следствия мелкие стервы.

«Его застрелила жена!» —
Сванидзе твердит ежечасно.
Им версия эта нужна,
Иная — для шкуры опасна.

Вдове твоей спорить невмочь:
Ей смертью детей пригрозили,
Но встали и зять твой и дочь.
Дай время — и встанет Россия.

И верь, мы разведем их в дым,
Победное знамя вздымая,
И день этот станет святым,
Как праздник Девятого Мая.

Москва, 1997,
«Завтра», № 240

МОСКВА-98

Памяти Николая Старшинова

«Всё жарче вспышки полыхают,
Всё тяжелее пушки бьют...
Здесь ничего не покупают
И ничего не продают...»

Так ты писал, мой милый Коля,
О днях побед, о днях потерь.
Прошло полвека... «Лес да поле,
Да плат узорный» — где теперь?

Везде ларьки, торги, развалы,
Туда-сюда снуёт народ,
Орут истошно зазывалы –
Растёт торговый оборот!

А я, как по стеклу, ступаю
И отвращения не таю,
И ничего не покупаю,
И ничего не продаю.

Февраль 1998

ЗАВЕЩАНИЕ

Отчаиваться не надо!..

*Из предсмертного письма
капитан-лейтенанта Дм. Колесникова
с подводной лодки «Курск», погибшей
в Баренцевом море 12 августа 2000 года*

Я вижу: в пучине морской
Страшнее библейского ада
Выводит он медленно бледной рукой:
«Отчаиваться не надо!»

Как Лермонтов — в двадцать шесть лет...
И слёзы, и боль, и досада...
Но встретил он смерть как моряк и поэт.
Отчаиваться не надо!

Для матери милой, любимой жены.
Для всех пацанов Ленинграда,
Для нас, для друзей, для великой страны -
— Отчаиваться не надо!

Мой брат! Если нет уже сил.
Как нет и с отчаяньем слада,
Пойми, в смертный час и тебя он просил:
— Отчаиваться не надо!

Сейчас над Россией темно.
Утрата... Утрата... Утрата...
Плачь, милая, скорбная родина, но -
Отчаиваться не надо!

Ноябрь 2000

ОТЧЕ,

ОБРАТИ МЕНЯ В СЕРЖАНТА

В 1941 году я считал, как и фюрер,
что судьба России будет решена в Донбассе.
*Генерал-фельдмаршал В.Кейтель.
На допросе в июле 1945 года*

Всей душой, всем сердцем, даже кожей
Чувствую всю боль твою, Донбасс...
Если бы хоть на пять лет моложе,
Я сегодня был бы среди вас.

Мочи нет смотреть на ваши муки...
Убивают женщин и детей...
Все они — кто дети мне, кто внуки,
Там где двое — там я сам-третей.

После ночи тягостной, гнетущей
Каждый день смолитвой я встаю:
— Авва Отче! Ты же всемогущий —
Возврати мне молодость мою!

Не просить же мне о том гаранта.
Он пообещал бы, не отверг...
Отче, обрати меня в сержанта,
Бравшего когда-то Кёнигсберг.

Ниспошли ему такую милость,
Чтобы, если уж на этот раз,
Выпал жребий, пусть бы смерть явилась
В праведном сраженьи за Донбасс.

«За освобождение Донецка»
Скоро будет выбита медаль.
Ваня, внук, с серьёзностью недетской
В общий ряд наград моих советских —
Серебро и бронза там и сталь —
Приколел и эту бы медаль.

Проза

Юрий Серб

Лебедев Георгий Александрович (Юрий Серб) родился в Ровенской области (УССР) в 1944 году. Окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета. Публикует прозу с 1989 года, стихи — с 2013 года. На XIV съезде СП России утверждён членом Высшего творческого совета. Живёт в Санкт-Петербурге.

ТОПОТ, ХОХОТ И ТЬМА

Роман

Автор несёт ответственность за любые совпадения имён и событий романа с действительными именами и событиями.

1.

В саду, занавешенном тенью от миртовых и тисовых деревьев, стояла непроницаемая тишина; не пели птицы — даже не мыслилось их присутствие. Неправдоподобная тишина, словно колпаком, накрывала даже возню молодёжи у кромки бассейна.

«Ультразвуковая завеса?» — недоумённо спросил себя Вершман. — «Возможно такое? Или просто я оглох?..» Здесь можно было ожидать хитрых технических новинок. Телефон Вершмана, вполне предсказуемо, изъяли ещё на входе; теперь его время принадлежало только хозяину этой территории.

«Я прозрачен перед вами, дорогие хозяева, — не без пафоса подумалось Вершману, грешившему когда-то в школе стишками, — теперь мои часы и всё моё время у вас в руках...»

Чтобы не вертеть головой по сторонам и не выдать своего любопытства, он через каждые два-три шага разворачивался всем корпусом к хозяину. Пока хозяин перемещался туда-сюда, проверяя что-то невидимое глазу, эти развороты Вершмана выглядели как естественное проявление преданности и готовности.

Но внезапная мысль о птицах пришла ему в голову. «Я не ждал, конечно, услышать соловья — это же Америка. Но почему вообще нет птиц?..» Ну, значит — так надо.

Хозяин, он же брат Тор-МХ (произносится: Топэмэкс), указал гостю на широкий массивный стол под матово-прозрачным навесом, на котором лежали приготовленные документы и стоял демонстрационный экран. Рядом был сервирован столик с сэндвичами и напитками.

— Что будете пить, брат У-3?

Вершман рассудил, что выбрать что-то из алкоголя было бы непростительным *faux pas*.

— Чашечку «эспрессо», сэр.

— Брат Топэмэкс!.. — поднял багровый палец и седые брови *старший брат*. — Можно и проще: Топэмэкс.

— Топэмэкс, — послушно кивнул Вершман.

— Эспрессо для гостя, — негромко повторил Топэмэкс. — Для меня — вербляйн.

Никого из obsługi рядом не было. Вероятно, к услугам хозяина была незаметная беспроводная связь.

— Вообще, я бы вам не рекомендовал активироваться с помощью кофеина. Он вымывает из организма цинк. Тотально препятствует усвоению цинка вашей системой. Надо ли вам говорить, что такое цинк для живого организма?

— Полагаю, что нет, сэр... э... Топэмэкс!

Улыбку Топэмэкса можно было расценить как поощрительную, если бы не взгляд, застывший,

как стоячая вода в пруду, и упрятанный в тень от нависших бровей. Эти глаза в упор смотрели на молодого дипломата-разведчика. Вершман встретил его взгляд, не мигая, и оба с минуту смотрели в глаза друг другу: седой сухопарый НРР (Hyper Important Person), нисколько не утративший былой выправки, и молодой способный карьерист, вдруг остро осознавший у себя наметившееся брюшко.

Возник стюард с кофе — и с загадочным вербляйном.

— Попробуйте вербляйн, Ю-Три! — с непреклонным радушием предложил Топэмэкс. — А я выпью ваш эспрессо: он всё равно без кофеина.

Вершмана-Ю-Три бросило в жар и сразу в холод; взглядом жертвенного животного он облетел всю территорию потайного имения, не имевшего ни публичного адреса, ни даже названия... Прощайте, если что!..

Вербляйн оказался жгучего вкуса напитком с хвойным ароматом и — с ноткой ананаса или, возможно, земляники. Вершману вспомнилась земляника; её можно было на эстонском острове собирать почти у крыльца родительской дачи.

Топэмэкс внимательно наблюдал за ним.

«Как будто важная процедура со мной!..» — мелькнула мысль у Вершмана. — «Мне — неизвестная...»

— В вашей карьере придётся всякого испытать! — многозначительно произнёс Топэмэкс.

Но вербляйн уже дал себя знать: Вершман не заметил многозначительности Топэмэкса, зато ощутил прилив сил и целеустремлённого внимания к документам на столе.

— Итак, наши планы... — произнёс Топэмэкс.

Под кодовым названием плана значилась некая Страна, которая изобиловала нелепыми крайностями и вызывала у Топэмэкса и Вершмана сильное общее чувство... Мало того, что она занимала почти весь величайший на планете континент, непосильный для нападения и слишком защищённый суровостью климата, мало уязвимый даже для цунами: мало того, что археологи почитали её материком, родительским для множества человеческих культур, так она ещё содержала богатейшие залежи всех мыслимых ресурсов. При этом она соблазняла весь мир своей малой заселённостью — обманчиво казалась лёгкой добычей. Она и была бы лёгкой добычей, если бы не трагическая ошибка истории или провидения, позволивших этой экстремальной стране обзавестись несокрушимым оружием.

Неудивительно, что такая страна много веков была предметом изучения и злобной зависти со стороны Тайного Разума и его Мировой Лаборатории. Как любил повторять на брифингах Майк Шверубович, помощник Топэмэкса, «облучение извне плюс облучение изнутри — и наша лучевая терапия даст им лучевую болезнь».

Вершман слышал об этом из третьих уст, он с Майком ещё незнаком, зато уже побратался с Топэмэксом — сразу после курса подготовки и психологических проверок, в преддверии срочной миссии «на востоке».

А до недавних пор Вершман ничего не знал о Топэмэксе, кроме фамилии: мистер Зантвих.

— Я на вас рассчитываю, брат Ю-Три!.. Наступит время, когда ведомство леди Канальзы станет уже тесным для вас, а вы будете сами решать, отправлять ли им копию ваших отчётов — и в полном ли виде. Но для этого вам надо будет набраться опыта — с нашей помощью... Леди Канальза с её апломбом — это наш громкоговоритель, мегафон, или... как это по-русски?..

— Матюгальник! — широко улыбнулся, впервые за эту встречу, Вершман.

— Да, да, она — матюкальник! Тогда, как вы, инструмент потайной, предельно тихий, или вовсе беззвучный — ультразвук, да! Вы — анализатор! Мыслящий инструмент! Вы религиозны? — внезапно переменял он тему, хотя знал о Вершмане почти всё.

— Я, пожалуй, атеист, сэр... Э... разумеется, еврей!

— Мы оба — евреи. Собственно, то, что вы атеист, даже неплохо. Атеист — это тоже вера... своего рода. Я — агностик, но тоже верующий. Как минимум — сайентолог. А впрочем, брат Ю-Три, это только слова. Наше братское знание превосходит все эти прозвища. А наши цивилизаторские

мускулы позволяют сокрушать врагов! Потому что мы, то есть вы и я, мозги для этих мускулов. На моей памяти было много шума по поводу «линии Паасикиви-Кекконена», но только избранные знали про линию Куусинена-Андропова...

— Теперь они догадались, сэр... брат Топэмэкс!

Топэмэкс улыбнулся.

— Догадаться — ещё не значит догнать.

— Разумеется, сэр. Э... Топэмэкс.

— После их посла в Канаде, после Горби и Шéварда — этот нефтяник с Урала...

«Он строитель», — молча поправил Топэмэкса Вершман.

— ...этот выскочка был, конечно, если не шагом назад — то, во всяком случае, топтанием на месте. Увы! Почему до сих пор не распалась их страна, как, по-вашему, Ю-Три?

Топэмэкс развернулся к Вершману столь внезапно, что тот опешил. Они молча смотрели друг на друга.

Продолжая более мягким тоном, но, по-прежнему веско роняя слова, Топэмэкс не спускал с Вершмана глаз:

— Выполняя вашу миссию, Ю-Три, в её разных преломлениях и **applications**, думайте, размышляйте постоянно об этом: почему до сих пор не состоялся распад? Это моя просьба к вам. Сам я постоянно об этом думаю.

— Это обязательно произойдёт, сэр, Топэмэкс. Лично я — не сомневаюсь. Мы живём в эпоху транснациональных корпораций.

— А у них начинается эпоха Водолея! — с укоризной произнёс Топэмэкс. — И половина русских в это верят! Проверьте это, пожалуйста!

— Ай выл, сэр!.. Топэмэкс! (Проверю, сэр.)

— Чего нам не хватило для их распада? Всё уже ведь было! Теперь — что нам поможет в будущем? Мы должны это понять! Что наши люди там, на месте, делают не так? Проникнитесь этим, брат Ю-три!

— Ай выл, сэр!.. Брат Топэмэкс!

— Я думаю, что это — самое важное, хотя и за пределами вашей инструкции.

— Понимаю, сэр.

— Но есть вопрос ключевой — и самый мучительный для меня и не только для меня. Если бы вы ничего не достигли из предписанного в инструкции, но принесли бы один только этот ответ, со всей определённойостью, я бы представил вас к Золотой медали Конгресса.

— Я весь внимание, сэр.

— Собственно, вы этот вопрос уже слышали от меня, когда мы размышляли вдвоём... — Топэмэкс умолк, уставившись на Вершмана стылými озерцами своих глаз. — Когда размышляли о начинке их первого лица...

— Верит ли он в Бога?.. — радуясь собственной догадке, быстро досказал Вершман.

— Именно. Но, к сожалению, узнать об этом невозможно. А если бы узнать наверняка, что это только поза, нам удалось бы сэкономить пол-бюджета Соединённых Штатов!..

— Понимаю, сэр... Топэмэкс!

— Да, да, можете мне верить. Да! Да!.. Однако вернёмся к нашей теме...

И *старший брат* повернулся лицом к бумагам и к демонстратору.

2.

После визита в поместье, которое не увидеть на публичных спутниковых картах, ни в газетных публикациях, Вершман был готов упасть на постель и забыться. Он был как выжатый... нет, не лимон... Как растоптанный овощ.

Сегодня его принимали как сверхординарного гостя, но вчера... нет, пардон, время быстро летит... позавчера это было! — Вершман участвовал в ритуале посвящения... Нет, не он участвовал, а в нём участвовали, принимали участие, подвергали ритуалу.

Да, он просто был объектом воздействия, хотя и поводом для торжества, торжища, для хоровода анонимов, надевших маски и окруживших его, как бычка-недоросля на уличной корриде. Только

Вершман мог ещё завидовать бычку: тот всегда во власти собственных инстинктов и не связан чужими правилами, а Вершман был наг, жалок и опутан договорными табу, с которыми заведомо согласился заранее. Такова была цена восхождения — обязательное прежде падение, с погружением в кричащий унижительный хаос. И это ещё не вся цена — только первый взнос. Только дурак не понимает этого, а циник расслабляется и уверяет себя, что получает удовольствие.

Значит, Вершман не участвовал, а подвергался.

Сегодняшние почёт и ласковость, оказанные Вершману старшим братом, не только не стирали память о ритуале, но, скорее, вызвали подозрение, что и сам Топэмкс мог быть действительным тайным участником хоровода масок.

Приказы, отдаваемые Вершману, отвесно падали на него из тьмы, из-под каменных сводов, а отдавал их женский голос — бесстрастный, но обволакивающий, как наваждение... Вершман беспрекословно *ей* повиновался.

Хотя и сам этот голос тоже подчинялся ритуалу... Вчера пытался Вершман вспомнить его, оживить у себя в ушах, но был слишком опустошён и распластан — и оставил свои попытки без удовлетворения.

Теперь этот голос неожиданно зазвучал у него в голове — и по телу Вершмана пробежала радостная дрожь: не было приказов, а только *её* голос, *её* тембр, бессловесно обволакивающий...

И с этим ощущением дивного голоса, полураздетый, полупьяный, в полубессознательном состоянии — он провалился в глубокий сон без проблеска и тени...

* * *

Саша Вершман, русскоязычный эстонец из еврейской семьи ювелира и преподавательницы, родился в Таллине в 1980 году. Это был високосный год — и год Московской Олимпиады, когда над главным стадионом советской империи воспарил надувной гибрид Чебурашки с Мишкой — и почти вся страна пропела осанну «ласковому Мише». А это оказалось пророчеством и прощанием.

Старый Вершман, умудрённый общением с драгоценностями и приобретший драгоценный образ мыслей (назовём это интуицией), воздел тогда руки и патетически обратился к жене:

— Ах, Кира, я не жду добра от этого гибрида!

Вопреки статистике, говорящей о ювелирах как долгожителях, старый Оскар Вершман не дожид до семидесятилетия и умер через десять лет — стало быть, немного не дожив до второй эстонской «независимости». В год смерти отца Саша краем уха слышал треск телевизора о «республиканском хозрасчёте», а через год с небольшим произошли уже явные перемены: Саша стал в школе писать свою фамилию на эстонский лад — *Versmaa*, — а мать наняла ему репетитора по эстонскому языку.

Английским языком — по-прежнему бесплатно — с ним занималась родная тётка по отцу, которой перепало кое-что по отцовскому завещанию.

Повзрослевший *Versmaa* так и не успел полюбить новое начертание своей фамилии. Открытие границ позволило ему переселиться в дом дотолы засекреченной тётки по матери — в британский Оксфорд. Там он снова стал *Vershman*, поступил в *King's College* и благополучно забыл эстонский язык, сохранив, однако, русский. Уже с американским паспортом, поездив по свету, он не без юмора вспоминал свою эстонскую фамилию: «А в Нидерландах я писался бы *Veersma*! Ха-ха!»

Теперь сотруднику Госдепартамента США и волонтеру Объединённых Наций Александру Вершману предстояло пересечь территорию Российской Федерации с Запада на Восток* в качестве политобозревателя и «посла доброй воли».

— Вы как полетите? — спросил его Топэмкс, хотя сам утверждал его маршрут.

— Через Лондон и Хельсинки, сэр.

— Оптимальный выбор! — кивнул Топэмкс. — В Лондоне передайте привет этому человеку...

И, приложив палец к сомкнутым губам, он показал Вершману визитную карточку. Выждав несколько секунд, он убрал её в бумажник.

— Так точно, сэр. Брат Топэмкс.

«Брат» улыбнулся.

— Хотел бы я оказаться на вашем месте, Ю-Три. Ну, и в вашем возрасте, конечно. Не каж-

дому даётся шанс пропороть эту страну насквозь, от края и до края, и не по воздуху — а по суше! М-м... — он искоса прижмурился. — Берегитесь тамошних женщин, Ю-Три!

В его смехе Вершману послышалось больше веселья, чем предостережения.

— Давайте пройдемся по аллее! — радушно предложил хозяин.

Несколько шагов они оба молчали.

— Первые четыре недели у вас целиком посвящены Москве... Если будут веские причины, оставайтесь ещё на месяц или два. У нашего посла в Москве — тоже первый месяц... Кстати, вы не родственники с ним? — Топэмэкс лукаво сощурился.

— Только однофамильцы, увы! — отшутился Вершман, хотя это было тоже наполовину неправдой.

— Представьте ему на приеме после вручения грамот... Приглашение получите у вице-консула... Любой вице-консул вам выдаст. Сейчас вам предварительно скажу, что вам будет говорить, как я полагаю, наш посол. Если обнаружите разночтения, мне доложите.

Топэмэкс сделал паузу и глубоко вдохнул запах цветов и разомлевшей на солнце хвои.

— Есть версия, что московский лидер представляет собой...

Топэмэкс остановился и подчёркнуто уставился на Вершмана:

— ...Помимо всего того, что мы о нём знаем, — что он представляет собой мощный фактор разделения в народе своей страны... Как их простонародье говорит... разделение... как это по-русски, раз...?

— Раздрай! — догадался Вершман.

— Вот-вот! Одни говорят: ничего не делает! Другие говорят: хоть что-то делает! Одни говорят: было стыдно за того президента, и за этого тоже стыдно! Другие говорят: ну, теперь за Россию не стыдно! Но это грубая оценка, как вы понимаете. Присмотритесь и прислушайтесь: кто, какие люди — за, а какие — против. Как оценивают, что и как замечают. Фиксируйте, записывайте, делайте выводы. Нельзя, чтоб мы его не прочитали. Борис Абрамович думал, что всё в нём прочитал, но жестоко ошибся. Тем более нельзя, чтобы наша элита разошлась в оценках этой фигуры. Пусть мы не знаем ответа на ключевой вопрос, но психологический портрет мы составляем... Не бойтесь делать записи. Ведь вы журналист из команды спичрайтеров, увлечены политической беллетристикой — всё, что записываете, это ваши выдумки, ваше творчество... А в качестве волонтера — вы политконсультант молодёжных движений и правозащитных кампаний. Статус широкий!..

Напоследок — вот ваш новый телефон для России. Звуковое сообщение — не дольше двух минут. Нажав красный символ, сначала записываете, потом набираете номер и жмёте зелёный символ. Девяносто процентов из ста, что вас не засекут. А если засекут, то ничего делать не станут. Удачи, Ю-Три, и пойдёмте. Я вас провожу.

3.

Ваха Косцинский, прапорщик милиции на станции «Енисей-Злобино», был мрачен. За один лишь последний год на него обрушились сразу несколько несчастий одно за другим: лейтенантская должность, обещанная полковником Юльдиным мохнатыми кивками полковничьих бровей, в ответ на прямую Вахину просьбу, досталась Джабраилову. Надежда Рюхина, за которой Косцинский ухаживал со всей шляхетской учтивостью, насколько это возможно и уместно в великорецкой тайге, неожиданно взлетела в администрацию губернатора и стала физически недоступной. А Яшка Гордус, отвратительно ухмыляясь, трепался, будто Надежда до своего взлёта ему, то есть Яшке, отдалась. И на что позарилась? Морда, как полено, и сам лысый, как колено, ум петушиный, только погоны капитанские. Наконец, сестра Ванда, мизинчик покойного отца, приняла законы шариата, назвалась Фатимой, вышла замуж за араба Валида и успела овдоветь. Теперь, при своей славянской наружности, точнее, благодаря именно ей, стала в ряды исламских шахидок. Смертницей ты можешь и не быть, но если дура, то тебе ею помогут стать. Совсем без ума от своего покойника-араба.

Сам Ваха-Тадеуш Косцинский, будучи весь в мать, как есть вылитый уроженец Северного Кавказа. Потомок осевших на Кавказе, ещё при царях, служилых поляков, Ваха не признавал себя ни поляком, ни чеченцем. По-польски понимал с пятого на десятое, по-чеченски и по-русски

говорил одинаково свободно, ни в Аллаха, ни в Папу Римского, ни в Святую Троицу не верил. Исламизация Чечни его не коснулась, а после армии он остался в Сибири: этот край и сибиряки ему нравились. А чеченская поговорка гласит: умному — всюду родина.

Но были вещи и посильнее рассудка. Постоянно ощущая свои противоречивые корни, Ваха понимал, что он как витязь на распутье: пойдёшь налево — ты поляк, пойдёшь направо — ты чеченец, а напрямиком — ты будешь русский... дворянин.

Когда-то прадед Казимир выслужил российское дворянство и сына своего нарёк Владимиром в честь князя-крестителя Руси, но вскоре пала православная империя — и семья из верноподданных оказалась в советском гражданстве.

В 1940 году уже был женат дед Владимир. В казахстанской эвакуации у Владимира с Татьяной родился Юзек (Иосиф), удачно названный в честь сразу двух исторических личностей: Пилсудского или Сталина — в зависимости от того, кто спросит и перед кем объясняться. Ося рос обыкновенным пионером и комсомольцем, а потом — советским простым человеком, имея в паспорте «национальность — русский». Семейная фамилия уже произносилась дома точно так же, как писалась: Костицкий.

В 1962 году солдат срочной службы Осип стал свидетелем бунта в Новочеркасске, расстрелянного Хрущёвым, и его советская гражданственность приказала долго жить. Тотчас он отверг и свою русскую национальность. За небольшие сравнительно деньги он выхлопотал в грозненской милиции новый паспорт — «взамен утерянного» — теперь уже на имя Юзефа Косцицкого, поляка. Горячая юность — это время скоропалительных решений.

К тому времени уже умер отец. Вероятно, неожиданное сиротство тоже стало одной из причин, побудивших Юзефа встать на казённое довольствие: отслужив срочную службу, Юзеф Владимирович Косцицкий подал документы на поступление в Харьковское артиллерийское училище — за компанию с более решительным и целеустремлённым одноклассником. Но втайне от товарища он вскоре возмечтал уже стать, jak Pan Bóg so chce, niech to bedzie, неким новым Бонапартом, которому представится возможность расстрелять «бесчеловечную коммунию». Однако не сложилось: документы от него не приняли, а сведущие люди ему шепнули: «пятый пункт».

По возвращении в Грозный Юзеф влюбился в юную чеченку и четыре года, учась в топографическом техникуме, добивался расположения её родни. Затем они с Салихой колесили по Союзу в экспедициях и в Чечню вернулись вчетвером — с Тадеушем (Вахой) и с маленькой Вандой — будущей, кто бы мог подумать, Фатимой.

Спустя четыре года оседлой жизни умер Юзеф Косцицкий, отец Ванды и Тадеуша.

А ещё через месяц грянул Чернобыль...

На столе у дежурного зазвонил телефон.

— Дежурпоотделению прапорщик...

— Молодец! — перебил его полковник Юльдин, как всегда, похохатывая. — Поздравляю: старший прапорщик!.. Ха-ха... Я ж те говорил: и года не пройдет — лейтенантом станешь!..

— Служу Отецству!

— Это скажешь после того, за накрытым столом, ха-ха... Я пока тебе секрет открываю, неофициально говорю, ха-ха... У тебя ж, тэсэзэть твою тудыть, есть непосредственное начальство, ха-ха-ха... Почему его мобильник не отвечает?

— Не могу знать, тьщ полковник!

— А в кабинете почему не отвечает?

— Так нет его там!

Юльдин, когда-то направленный в советскую милицию из замначальников автомехколонн, на службе крепко держался на обеих ногах: на фамильном балагурстве (правая) и неустанных интригах (левая). В представлении Вахи панибратство в «органах» было такой же чумой, как дедовщина в армии: и то, и другое маскировало профессиональную непригодность.

— Моё дело — предупредить, чтоб у борца с криминалом штаны не промокли, ха-ха... Так вот, — повысил голос Юльдин, — наш спонсор высылает два компьютера на вашу точку, так ты чужого водителя не напрягай: сам организуй выгрузить и занести...

— Сам организую, сам и занесу.

- А где сержант, который из новеньких?
— Вы ж его отдали временно Панасюку!..
— А, ну да... Ну, это нецелевое использование, вот я и забыл... Помню, что вроде бы ничем путным он там у вас не занят.
— Не могу знать, каким он делом...
— И правильно! — хохотнул полковник. — Не моги! Теперь вот — с компьютером поздравляю!.. Конец связи!

Не успел Ваха порадоваться «концу связи», как снова затрезвонил телефон. И опять был на проводе Юльдин.

— Отбой по компьютерам!.. Я отложил доставку. Чтоб не отвлекать... — голос его посу- ровел. — ЧП скандальное: пропали пятеро ребятишек от девяти до двенадцати лет и не где- нибудь, а на нашей с тобой территории, ПОНЯЛ?!..

- Я в курсе, была ж ориентировка...
— Теперь мало быть в курсе, когда Генпрокуратура уже... ДЕЛО делать надо!
— Так точно!
— Тут можно досрочно звёзды получить... Или яйца потерять. Понимаешь?!..
— Люди же работают, товарищ полковник! И мы, и краевая...
— Скоко у ты групп на маршрутах?
— Вы же знаете: всего две!
— А общественных?
— Товарищ полковник, когда у нас выборы были?.. — вопросом на вопрос ответил Ваха. — Общественники давно закончились, людям ведь кушать надо!..

— Ну, это как посмотреть! На всякий вопрос, как минимум, могут быть две точки зрения. Куда подевался твой майор?..

- Не могу знать, товарищ полковник.
— Как это не можешь знать! Он что — тоже «кушать захотел»?
— Майор Колобродько работает с агентурными источниками по поводу пропажи пяти ребяти- шек, товарищ полковник! — отчеканил Косцицкий.

— Вот так-то лучше! Передай, что я им недоволен: связаться не могу!

Последние слова его прозвучали глухо, будто сказанные мимо трубки.

«Или кто-то ему горло придавил... — подумал Ваха. — Нет, не придавишь это горло, с жировой подушки соскользнёшь!»

4.

Федеральный министр внутренних дел стоял у окна в своём кабинете и отрешённо смотрел на сизую панораму примороженной, несмотря на апрель, тускло блестевшей Москвы.

Усталый мозг просился отдохнуть. Но от мозга требовалось не просто контролировать «рас- крытие» преступлений, объявленных на всю страну журналюгами. Нужно было в каждом случае решить систему уравнений политической алгебры: есть ли «событие преступления»; если да, то кто его совершил, в целях ли собственных или неких третьих сил; преступника ли надо искать или кан- дидата на эту роль; наконец, не в последнюю очередь, не окажется ли вся эта работа вторжением в чужую компетенцию. Потому что в компетенцию «внутренних органов», которыми ведал министр, не входили интимные секреты государства.

Он хорошо это знал и чувствовал: сам недавно был ещё по уши в этих самых секретах. Но стал, вопреки ожиданиям, министром конкурирующей сферы. Так уж решил глава государства. Да и сам нынешний министр понимал, что не стать ему директором секретов, и потому быть министром над конкурентами охотно согласился. В любой стране спецслужбы соперничают между собой за влия- ние, это и в советской стране имело место, а то, что защита высоких интимных секретов и выявле- ние (с искоренением) всяких низменных безобразий — это разные заботы государства, министра не смущало. Изучая европейский опыт, он хорошо усвоил, что министром чего бы то ни было должен быть политик, что профессионализм для политика — скорее, помеха, чем подспорье: чересчур су-

жает кругозор. Супруга министра вообще полагала, что советское государство обрушилось из-за узкого профессионализма его руководителей — почти все были инженерами-технологами. Или под конец — да на худой конец — недоучками-юристами.

— Розочка, недоучки — да, технари — тоже да, но только не Сталин! — возразил жене министр.

Жена ненавидела Сталина, она была диссиденткой по крови.

— А он вообще был писарь-самоучка! — быстро нашлась жена.

— И юрист, и языковед, и литературный критик! — любовно подначивая жену, сказал министр (тогда только будущий, не ведавший о том).

— Ага! Ага! — передразнила Роза Рустама.

Рустам, несмотря на свою фамилию, был совсем обрусевший, даже более того: в нём тоже была диссидентская кровь Розиных сородичей, но он был твёрдым государственнымником — при полном покровительстве Розы.

В силу богатого прошлого опыта министр и на нынешнем месте предпочитал такие преступления, о которых ему известно заранее, и ход подготовки которых контролируют его подчинённые.

К сожалению, здесь такое было редкостью. Катапультированный во «внутренние органы», он ничего теперь не мог сказать ни о странном «покушении» на главу РАЭС, ни про неожиданный арест за границей отставного РФ-министра-атомщика... Теперь это не его масштаб. Теперь он обязан знать, кто похитил оружие из дежурной части МВД на Северном Кавказе и почему четверо солдат внутренних войск найдены повешенными в лесополосе, в километре от собственной казармы. А тут ещё СМИ похваляются пропажей в Красноярском крае детворы, игравшей у себя во дворе...

Демократия, возможно, вещь хорошая. Не распробовал!.. Но чтобы трезвонить в экстазе о смертях и кровопусканиях... ну, не знаю. А журналистам и журнашлюхам — попробуй, возрази. Или попробуй сошлись на демократию... На неё как раз они-то и ссылаются! На войну списать — пожалуйста. На стихию, на техногенную катастрофу. Но, попробуй-ка, скажи, что киллеров стало больше из-за демократии!.. Нет, о демократии, как о покойнице, только хорошо... Иначе Буш с его Канализой станут звонить президенту федерации.

И-за этих политических ограничителей и нужен политический министр внутренних дел, а вовсе не профессионал. Профессионалы не умеют быть лицом системы. Представительствовать должны дилетанты, нечего тут бояться этого слова. Англичане об этом открыто говорят, только у них дилетантов джентльменами называют. Как видим, этот министр опирался на западный опыт, потому и стал министром: он был публичной фигурой, презирая журналистов, никогда им не отказывал, занимался йогой и даже демонстрировал асаны солдатикам внутренних войск, когда посетил их казарму в компании телевизионщиков. Куда от них денешься? Это необходимое зло.

Формально, конечно, он член правительства. Но от политической алгебры перемещён в арифметику. И только по старой дружбе он может какие-то неполные сведения о высоких интимностях государственного самочувствия почёрпывать или улавливать.

— Но зачем тебе это, Рустам? — спросил он себя. — Тише едешь — дальше спишь. Ты спущен сюда конторой, чтобы нужные приказы подписывать и нужные намёки понимать. Правильно?

Да, это правильно. Поэтому министр, урывая от службы толику свободного времени, отдавался увлечениям: изучал историю французских спецслужб (вот уж где не соскучишься: столько их там — и без конца перестроения!), предавался йоге, коллекционировал старинное оружие, комментировал новости журналистам. Комментарии министра необходимы, потому что пресса без удержу будоражит страну, профессионалы сыска — слава Богу — заняты, а министр успокаивает население.

Журналисты — это саранча, они, от передозировки демократии, из любой мухи слона сделают, на всякий плевок налепят страшный заголовок. И что имеем? Читатель и зритель теперь соперничают... бандитам, проституткам, педерастам.

Министр подчинялся правилам политической моды, но с грустью понимал, к чему это может привести. Вот хотя бы этот случай с мерзавкой семнадцати лет, заказавшей собственного папашу ради вступления в наследство... «Бери от жизни всё! Не дай себе засохнуть!»

Может ли быть национальным героем «звезда экрана»?.. Министра немного коробила задача орденов актрисам и актёришкам, он слишком близко видел их в быту: некто Мухоревич был даже

родственником его Розы — ведь дальних родственников не бывает. Но жена, чуткая, как кошка, предвосхитила все его возможные высказывания ласковым шепотком, что если бы не Димон, сидеть бы Рустаму по сей день рядовым генералом у себя в «конторе».

Однако ещё древние говорили: когда героями делают лицедеев, государству грозит гибель. А мы пошли ещё дальше: лицедеи делают героев. Но что мог поделывать с этим Рустам? Самое большее — с министром, так сказать, культуры он старался не пересекаться.

Хорошим ли, плохим ли был министром Рустам, но он был терпеливым наблюдателем. Поэтому всё не мог решить, является ли нынешнее государство «керенщиной» наоборот — после керенщины Горбачёва... Впрочем, патриоты в Интернете именуют режим четвёртой или пятой Смуты. Но это хлеб ФСБ — вот пускай и отрабатывают.

Министр ностальгировал по эфэсбэшному прошлому. В тайной полиции есть спокойные направления, где можно без риска, выполняя рутинную работу, дослужиться до генерала. В полиции, которая открыта обществу, не защищена от журналистов и вынуждена оправдываться, быть министром — хлопотное дело. Радоваться нечему.

После этих раздумий министр взял трубку «защищённой связи» (ну, ну, не обольщайся!) и нажал определённую кнопку.

— Слушаю, Рустам! — раздался нетерпеливый голос.

— Добрый день, Марлен Ильич!

— Добрый... Что стряслось?

— Всё нормально, Марлен Ильич! Просто любопытствую, будете ли вы сегодня на приёме в посольстве по случаю их праздника...

— Это у этих?.. Ты, что ли, собираешься?

— Был бы рад повидать вас...

— Ненадолго загляну.

— Хорошо! Я тоже ненадолго.

— Ты вовремя позвонил. К нам собирается ещё один кумир, хочет в тёплое время года прокатиться примерно по маршруту Солженицына — через Сибирь и до Кремля. Поговорим!

— Хорошо! До встречи, Марлен Ильич!

Удачно получилось! Предмет разговора оглашён, комар носа не подточит, а с чем подойдёт министр к могущественному Марлену, это совсем другая забота.

5.

Майор Колобродько мог считаться неудачником, но его спасала наследственная пастушеская склонность к философии и преданная женская любовь. Он был красив той красотой выходцев с юга России, которая так нравится женщинам. Проседь в густом ёжике волос и чёрные усы были важным дополнением к соколиным очам под молодецкими бровями. При всём при том Иван Пантелеевич был прост, непритязателен и чувствовал себя лучше всего среди простых людей. Поэтому, по правде говоря, и не поднялся выше майора к своим сорока трём годам и служил под началом некоего Юльдина, круглого человечка непонятного происхождения и воспитания.

— Проснулся, Ванечка-встанечка?.. — проворковал у него над ухом женский голос.

Прежде чем открыть глаза, майор улыбнулся и набрал в пригоршни прильнувшей к нему ласкающей нежной плоти...

Уже бреясь, майор, словно нехотя, слушал рассказ своей Маши, кастелянши районной больницы и его ближайшей, самой дорогой осведомительницы. Она даже не значилась ни в одном его рапорте. Бесконечно дорогая подруга, «простая баба», как сказали бы менты, ничего не смыслящие ни в жизни, ни в способах дознания. Она была и обаятельной, и женственной, и сердечной. И умная, и скорая к тому же. Такая редкость в этом сучьем мире. И — землячка! Иван был из херсонских степей, а Мария в Мариуполе окончила музыкальное училище. Среди женщин, особенно по службе, Маша может быть и кусачей, дай-то Бог, но к нему она поворачивается лучшей стороной...

Выслушав доклад Маши и задав ей в ходе общего завтрака пару уточняющих вопросов, он стал прощаться.

- Вань, а Вань! Ты с мотоблоком умеешь ходить?
- В огороде, что ль? Да кто ж не может?
- Я не могу.
- А есть мотоблок-то?..
- У Серёжки Пряхина есть.
- Да я бы и вскопал тебе. Я люблю копать! — он сверкнул глазами.
- Я знаю, милый... — она стыдливо отвела глаза. — Вот земля прогреется, так придёшь?..
- Я и раньше приду.
- Договорились, дорогой!

Не пройдя и ста шагов от крыльца Маши, майор, нахмурясь, увидел стоявшую у обочины знакомую «Шкоду Фабию».

— Так-к-к...

Крутая дама Надежда Рюхина... Неужто следила за ним? Ведь мирно, абсолютно мирно расстались!

Машина просигналила, и боковое стекло поехало вниз.

— Надя? Какими судьбами?

— Да вот, еду... А машина встала: ни тпру, ни ну! Может, посмотришь?

— Конечно... А ты никого не вызвала? — он кивнул на её сумочку, где она держала мобильник.

— Да я почти только что встала!

Майор приподнял капот и потрогал двигатель: минут уже двадцать как тот отдыхает.

— Ты знаешь, я в инжекторных — не очень!.. Но попробую!

Он действительно был не ахти какой автомобилист. Для вида он потрогал крепления шлангов и соединения фильтров... Потом повернулся к Надежде:

— Ну-ка, зажигай!

Мотор завёлся сразу же.

— А что ты сделал? — почти непритворно удивилась Надежда.

— Не знаю! — он развёл руками. — Я не волшебник, я только учусь.

— Слушай, волшебник!.. — глаза её потемнели, и майор стал весь внимание. — Ты что-то сильно оторвался! А я же тебя, чёрт лысый, как-никак, любила! И, может быть, люблю!

При «чёрте лысом» рука майора непроизвольно потянулась снять фуражку.

— Послушай, Надя!.. Мы же всё обсосали в последний раз!

— Значит, плохо обсосали! Мне спокойно не жить, если я тебе не задам ещё пару вопросов.

«Знаем мы эти «вопросы»!..»

Но майор не нашёлся, что сказать.

— Кроме того, ты забыл у меня одну вещь, а когда еёхватишься, может быть уже поздно...

— Неужели? Что ж это?

— Увидишь... Придёшь сегодня?

— Постараюсь!

— Не узнаю майора! Ты мямлей вроде не был!

— Слушай... Не могу обещать.

— Ну, ладно... Я, во всяком случае, сама никуда не собираюсь. Пока!

И она дала по газам.

«Вот не было печали!» — растерянно думал теперь Колобродько. Майор!

Предстоял тяжёлый день. Прежде всего, он должен был снять показания с названного Машей лица без определённого места жительства, известного в околотке под кличкой Ваучер, и передать это физическое лицо следователю прокуратуры. Ваучер якобы видел тела у ограды химзавода, испугался и прошёл мимо, а когда совесть его заставила вернуться, тела уже исчезли. Ваучер стал приставать к прохожим с рассказом о том, что он видел. Далее, надо было исхитриться и найти время, чтобы написать ответное письмо дочке, живущей с матерью и её сожителем в частном секторе Базаихи. И отправить, успев отвезти его «почтальонше» — воспитательнице старшей группы в

садике. В то время как полковник Юльдин уже точит зубы на майора в ожидании доклада об успехах. А ещё насущная наша халтура: сдать «макар», переодеться и с «травматом» сидеть в торговом центре до утра. Маша, не горюй! Тут не до рюхиной надежды, которая Надежда Рюхина... Которая, однако, всегда своего добьётся... Всегда добивалась.

Он серьёзно опасался, что письмо пушистому комочку придётся писать уже ночью, сидя на халтуре... Нельзя же, в самом деле, делать это на бегу, впопыхах. И, стало быть, ребёнок не дожждётся письма ко вторнику, а только где-то к четвергу.

Майор Колобродько был то ли белой вороной среди старших оперуполномоченных, то ли козлом отпущения среди офицеров. Он единственный держался за халтуру в качестве частного охранника, тогда как даже новенький Джабраилов «крышевал» мини-империю своих соплеменников, а что уж говорить о Яшке Гордусе, вообще имевшем «свободный график несения службы» и долю в строительном бизнесе. Ну, так ведь Колобродько, слава Богу, и губернатору не однофамилец, мягко говоря...

Генка Ваучер в прошлой жизни был электромехаником рыболовецкого траулера, но год назад по прибытии в отпуск он обнаружил, что в его квартире, которую он по своей безалаберности до сих пор не «приватизировал», живут другие, притом «законные», хозяева. Более того, хоть и прописанные в его квартире без году неделя, но успевшие её приватизировать. Теперь Генка бомжевал по знакомым и через пень колоду судился с захватчиками его жилья. Деньги, заработанные в море, ушли на адвоката, адвокат их потратил и теперь ждал от Генки пополнения, а Генка не хотел идти в море, поскольку не доверял адвокату.

— Геннадий Фёдорович, — сказал ему майор Колобродько, — пропавшие ребята почти все из вашего дома. Вы кого-нибудь знали из них?

— Родителей знал. Они же все свидетели по моему делу. Ну, и ребятшек знал в лицо.

— То есть опознать их смогли бы?

— Если можно будет узнать — узнаю.

— Вы на что намекаете? «Если можно будет»? Кто может запретить?

— Если будет, кого опознавать.

— Ну, мы все работаем. Вся российская милиция знает.

— Знать — одно, а работать — другое.

— Послушай, Геннадий... Давай, как мужик мужику, без этого кривлянья. Что сообщить можешь?

— Сам не видел. А один малец будто видел, как ребят заталкивали в машину с тёмными стёклами.

— Марка машины? Где, в котором часу это было? Где этот малец?

— Мальца уже допросили, и он отказался от показаний.

— Кто допрашивал? Это интересно! Тем более, мне надо его повидать.

Ваучер хмыкнул.

— Родители уже мальчика отправили аж под Калугу к родственникам.

— А-га!.. — протянул обескураженный майор.

— Я и думаю, товарищ майор, что тут серьёзный интерес имеется!.. Кто-то же им присоветовал, что те не посмели отказаться...

— Ну, он же не за границей... — неопределённо пожал плечами Колобродько. — Было бы желание...

— Так откуда теперь желанию взяться, верно?

Майор свирепо посмотрел на Ваучера. Наступило молчание.

— Ты слыхал, Геннадий Фёдорович, губернатор сто тысяч пообещал тому, кто поможет найти ребят?

— Ну, я вроде как уже помог...

— Ты помог искать, а не найти.

— И то правда. Так я могу идти?

— Можешь. Но помни: сто тысяч!

— Не ахти что! — скорчил гримасу бомжующий электромеханик. — Но тут, конечно, суть не в

деньгах. Уже ваши генералы намекают, что дети поехали за приключениями. Чуть ли не в Кемерове их видали.

— Ты откуда это взял?

— Из Интернета.

— Интересный ты бомж, как я погляжу!

— Бомж — это ваше ментовское клеймо. — Я что же — не человек? Я с нормальными людьми общаюсь. Мне только непонятно, откуда генералы так уверены, что похищения не было, что просто несчастный случай?..

— Я спрошу у них, если хочешь, — пошутил Колобродько.

— Ага, спроси! — кивнул Геннадий.

Они понимали друг друга.

— Вот мой телефон, но это в ментуре, вряд ли ты меня застанешь... И ещё на кого нарвёшься. А это — мой мобильный. Его даже начальство не знает. Называй меня по телефону Петькой...

— Понятно, а я Чапай.

— Можно и так. Но ничего не сообщай, называй только время встречи. О месте — помни уговор.

Доставив Геннадия к следователю, майор поскрёб затылок: какую версию будет строить следователь, как он будет «строить» свидетеля, от него уже не зависело. Хотя особая договорённость с Геннадием оставалась как бы в силе.

В животе урчало, пообедать по-человечески было негде. Опять придётся идти к Поладу-шавермахеру. Майор избегал столоваться у Полада, во-первых, не будучи любителем подобной стряпни, а во-вторых, сам Полад представлял проблему, неизменно норовя выставить свою кормёжку как бесплатное угощение дорогого гостя. Милиция, которая, как когда-то утверждал поэт, «меня бережёт», никого уже теперь не берегла, кроме заказчика милицейских услуг. Всё было тарифицировано. Но и со старшим оперуполномоченным, вполне безобидным майором Колобродько, Полад хотел дружить во избежание недоразумений и конфликтов. Колобродько это стесняло.

Завидев милиционера, подходящего к рынку, старушки, торгующие с рук кто домашней снедью, а кто трикотажем, снялись с места, как вспугнутые воробьи. Губернатор Аслынский, как почти все губернаторы и как почти вся милиция, был нетерпим к торгующим старикам. И был, разумеется, прав на все сто, ибо чем может торговать российский пенсионер, если не остатками собственного благосостояния?

На рыночной площади майор торопливо шагал через расступавшуюся толпу. Ему хотелось, наскоро перекусив, забежать ещё на почту и черкнуть хотя бы коротенькое письмецо своей Насте.

— Ай, тавариш майор, здравствуй! Ай, вай, какой несчастье...

— Здравствуй, Полад! Да, и не говори!..

— Пообедаешь, тавариш майор? Пообедай, прашу!

— Ты же знаешь, сытым я сюда не хожу. Мне чего-нибудь быстрого. Что, кроме шавермы?..

— Птичи gryп не боишься? Цыплята «гриль».

— Не, не боюсь.

— И я не баюсь. Это выдумка, знаешь, Буша!

— В общем, его штаба дело, — кивнул майор.

— А зачем, как панимаешь?

— Женщины говорят: ради «ножек Буша».

— Женщины немножко правду знают! — одобрительно засмеялся Полад. — А какой болезнью мы слышали до Афганистана? А?

— Само собой. Атипичная пневмония.

— Мущина понимает!.. А перед Ираком-Ираном — птичи gryп! Штоб никто не обратил внимание.

— Полад, что ты с твоей умной головой тут делаешь? Тебе надо быть президентом Азербайджана!

— У меня роста не хватает! — подмигнул Полад.

Он действительно был коротышкой.

— Ты бы не сказал, я бы не заметил, — вежливо ответил Колобродько.

— Тавариш майор, счас тебе свэжі гриль, бэз птичи gryп... Можэшь мне абъяснить, пажалуста, почему ваше начальство кажды ден лепит гарбачов? Уже какой-то Худов прыдумал, штоб ребята сам из дом убежал! Нашли шестой малчик, каторы показания дал!..А я тебе скажу, што наши двое малчик из дому не бежал! За русских не знаю, а наш не бежал!

— Я тебе верю, Полад!

— А экстрасенсу веришь?

— Какому экстрасенсу?

— Ваши генералы уже экстрасенса просили памочь! Экстрасенсу снилось, што ребята на лодкэ уплыли на острова... МЧС ыскал — дудкы нашол!

Когда Полад увлекался русской фразеологией, понять его было труднее.

— И што такое, што он успокаивает, Худов, што ребята объявлены пропавши бэз вести? Што кажды ден сильнее будут ыскать! Сразу нада силна ыскать! Три недель назад!

— Он же трепло, потому и генерал. Не он же ищет! Это мы ищем!

— Ищи, пажалуста! Я боюс...

— Чего боишься?

— Я... Жидовски писаха боюс... — Полад понизил голос. — Я их знаю, оны и в наш землячества есть! Большие, важные!..

Майор чуть не подавился «птичьим гриппом»...

— Так ваши мальчики ведь не христиане! Зачем они им!

— За компанию взяли! А отпустить побоялись!

— Это что, Полад, версия твоя?..

— Народ говорит... Азербайджански народ умный!

— Знаю, Полад, знаю. Знаю, да...

— Спасибо тебе, тавариш майор. Ишшы, пажалуста!

— Лишь бы губернаторы, министры не помешали... Я-то, понимаешь, всё, что могу...

— Тавариш майор... — Полад бросил взгляд по сторонам и наклонился почти к самому уху Колобродько, — наплюй на сто тысяч губернатора, это бла-бла... Если наши малчик найдёшь, азербайджански народ тебе всё сделает!..

— Полад, Полад... Я всех ищу, мы всех ищем пропавших.

— Я понял, я понял. И ты тож понимай!..

Майор поторопился закончить свой обед и полетел в отделение разоружаться. Дурацкое слово, майор не любил его, как и сам этот idiotский порядок: сдавать табельное оружие и оставаться с голыми кулаками один на один с Российской Федерацией... э... как говорит чеченец Ваха, «с федерацией дзюдо и гексогена». Похоже, Ваха разделял воззрения почётного чеченца, получившего «русскую» фамилию Еленин от британского «Форин Офиса». Сдавай, майор, своего «макара», предьяви патроны... Тьфу! Спасибо генсеку Андропову: разоружил офицерский корпус — теперь кувыркается у себя в гробу!

А с другой стороны, зачем Юльдину пистолет? Ему до кобуры не дотянуться, а толстыми пальцами — и не расстегнуть. Юльдин рад пустую кобуру таскать, чтоб никакой хулиган не пристрелил его из табельного оружия.

6.

Сын ревельского ювелира Саша Вершман подрастал с привычным чувством уважения к богатству, но только в Британии и в Америке он понял, кто такие по-настоящему богатые люди. Богатство его отца измерялось в твёрдых цифрах денежных знаков, а богатство финансовых воротил с трудом поддавалось учёту, потому что итоговый счёт носил спекулятивный характер и зависел от биржевых котировок.

Само это слово — спекуляция — Саша понял не сразу. Оказалось, что советское простонародье ошибалось, полагая спекуляцию простой перепродажей — была бы только выгода. Изучая англий-

ский язык по английским же словарям, он с удивлением обнаружил, что *speculation* — это мыслительная операция, умственный расчёт, предположение — и оценка вероятного риска. А после оценки риска гомо сапиенс, человек разумный, он же спекулятор или спекулянт, переходит к задуманной купле-продаже. Её тоже называют спекуляцией. Но словарь их распределяет по номерам: спекуляция 1 и спекуляция 2.

Акционерный капитал и спекулятивный капитал, как заключил Саша Вершман, это одно и то же. Или почти одно и то же.

Романы европейских писателей, переводы которых широко издавались ещё в тоталитарную эпоху, дали Вершману примеры того, как могут создаваться капиталы из воздуха — и в него же обращаться. Это вызвало у Вершмана сложное чувство изумления, затем негодования, потом — благоговения, но не возбудило в нём желания стать финансистом. Он мгновенно усвоил, что финансисты и экономисты сделаны из особого теста. «Я не стану финансистом, — сказал себе Вершман, — хотя деньги и слава мне нравятся».

Наблюдая и размышляя, он пришёл к выводу, что знаменитые супербогачи, прежде чем стать знаменитыми, стали просто богатыми. Теперь же, в информационную эпоху, появился новый способ разбогатеть: сначала стать непомерно знаменитым. Но эта публика — спортсмены, актёры, путешественники, иногда учёные, изредка писатели — даже близко не могли подойти к уровню классических супербогачей: у тех состояния были заоблачны и незыблемы, за пределами атмосферных бурь.

Слава и деньги были составляющими власти, но Вершман для себя определил, что слава ему милее денег, что деньги должны прийти к нему через славу — а их уже увенчает и некая степень власти над людьми.

«Я не Рокфеллер и не Вандербильт, — трезво говорил себе Вершман, — но я дипломат, журналист, член организации, послушен истэблшменту, а тот во мне нуждается; я сделал правильную ставку. И кроме того, я — Вершман! В Америке я не обладаю властью. Пока! Но в России, которую мне поручили прощуровать от Москвы до самых до окраин, от меня, от моих расчётов и действий уже будут зависеть какие-то люди. Это уже начало власти».

Твёрдо ставя ногу в донельзя комфортном английском ботинке на московскую мостовую, Вершман ласково щурился навстречу бледному весеннему солнцу, как началу собственной карьеры в знакомой, понятной, но не совсем ещё познанной стране.

Двадцать шесть лет — в таком возрасте или раньше глупые люди погибают в ДТП, от африканской лихорадки, от пули на Кавказе, но Саша Вершман не из таких. Со школьной скамьи он представлял себя сделанным отлично от других. А теперь он вообще гражданин грандиозных штатов Америки, такой страны, такой державы, посол которой может себе позволить что угодно — даже не предстать перед здешним президентом для вручения верительных грамот. А что? Мистер Вершбоу такой номер отколол и уже практически приступил к обязанностям. Без вручения. Пускай туземцы утираются или делают вид, что ничего не случилось. Как с той выставкой царских сокровищ в Нью-Йорке. Стерегли их российские дипломаты круглосуточно, телевидение било тревогу, а потом — как отрезало, и все «забыли» о царских бриллиантах. Если большой России отшибли память, то на этом фоне маленькая милая Эстония — не больше, чем детская кроватка Саши Вершмана.

В Америке он прошёл обучение в корпусе офицеров резерва и, если бы говорил по-эстонски, мог бы уже стать министром обороны Эстонии. Вот бы удивились одноклассники, из тех, кто остался на родине! Но едва ли кто остался... Как только раздвинули «железный занавес», всем захотелось увидеть мир.

Вершман судил по себе. Он повидал Латинскую Америку, Канаду, Аризону, Калифорнию, Израиль. Теперь дошла и до Сибири очередь... И даже до Татарстана с Якутией.

Улица, где находился он сейчас, была пустынна: москвичи на работе. Но Вершман выступал горделиво, даже плечами пошевеливал под тёплым канадским аноракотом, словно на него смотрели тысячи глаз, а не только камеры наблюдения.

А вот какой-то дворец-новодел с заиндевевшими колоннами из крашеной стали... «Горбачёв-фонд». В списке важных точек Москвы он у Вершмана не значится. Покойный отец не достаивал Горби своими оценками, только презрительно фыркал, когда слышал его голос или одно только имя

из чьих-то уст. А Топэмэкс назвал его однажды *his eminent utility**, что звучало сразу как похвала и уничтожение. [* Его высочайшая употребительность.]

Всё впереди! С этим чувством в груди Вершману было не холодно в майской прохладной Москве. Он ещё не повидался с послом, он ещё ни с кем не поговорил по-русски, кроме гостиничных служителей. Он ещё не вжился в новую среду. Может, поэтому вчера вспоминал родительскую квартиру на таллинской улице Ломоносови (теперь Гонзиори) и зелёную виллу в Тахтвере.

Он доволен первым московским завтраком. Он доволен своим настроением. Он взволнован предстоящими контактами...

* * *

Вершман отдавал себе отчёт, что система, включившая его в свои приводные механизмы, присвоила себе его личную свободу и даже немалую часть достоинства, но такова была цена успеха, который не замедлит прийти. В то же время он безотчётно был склонен гордиться своей сопричастностью к святой святых, или тайная тайных, страшного мира невидимой власти — и был готов ей служить с почти религиозным рвением.

Он был среднего роста, но казался ещё ниже из-за начинавшейся полноты. Однако и Наполеон был невысокого роста. Тем не менее... Ещё школьником Вершман прочёл книгу о французском императоре и много размышлял потом о гении, величии, предопределённости и прочих вещах. Тогда он подпал под влияние академика, чьё восхищение тем портретом, который он же и создал, было вполне заметно. Сейчас Вершман был более критичен. Высшие силы поставили способного офицера на предопределённое место, но был ли этот офицер единственным и неповторимым для этой миссии? Вершмана этот вопрос давно и неотступно занимал. Он считал, что провидение существует: оно выбирает исполнителя для данной миссии из целого ряда равных кандидатов... От этой мысли Вершмана охватывала дрожь. Быть императором Наполеоном — или быть Ротшильдом, ссужавшим императора деньгами? Любая из этих ролей была для Вершмана равно соблазнительной, но его устроила бы и третья: быть тайной для всех и вся, но чтобы от него зависело всё и вся. Серые кардиналы обычно известны — хотя бы узкому кругу; Вершман согласился бы стать совершенно невидимой сущностью с неограниченными полномочиями... Вопрос, однако, в том, от кого бы он их получил.

Нельзя не увидеть в этих фантазиях извращённую манию величия — сродни мечте британского принца-консорта*, признавшегося в желании стать несокрушимым вирусом, способным истребить большую часть человечества.

Оглянись, когда подобные мысли лезут в голову, — а то и сплюнь!.. В наше время даже мысли читаются. [* Консорт — супруг царствующей королевы.]

«Мне кажется, они всегда читались!» — возразил себе Вершман. Увидев отражённую в витрине церковку, он встал лицом к витрине и скосил глаза в пройденный конец улицы. Как минимум две спецслужбы его знают и его изучают. Как там у русских на этот счёт?.. Лиха беда начало! Однако русские поговорки расшифровывать — мозги можно вывихнуть.

7.

В Надю Рюхину были влюблены все старшие мальчишки во дворе — так думал каждый в неё влюблённый. Она со всеми была одинакова: ровна, независима, дружелюбна. Была отличницей, но не отказывалась помогать одноклассникам по любому предмету. Защитников у неё было больше, чем завистниц. При правильных чертах лица обращал на себя внимание её высокий лоб — самую малость не по-женски высокий, — но глаза решали всё: они сияли внутренним огнём, удивлявшим окружающих... Цвет ли это глаз или что-то ещё? — задавался вопросом иной поразившийся взрослый. Ровесники восхищались просто, без вопросов. «Как твои глазки светятся, доченька!» — вздыхала порою мать. И молча прибавляла: «Храни Бог, не дай погаснуть!» Надины глаза передавали восхищение всем тем, что составляло её внутренний миръ и предчувствие будущей жизни. Начиная с восьмого класса, во взгляде стало появляться выражение сосредоточенности пополам с удивлением: тогда уже разыграли свою рокировку Горбачёв и Ельцин, подключились Гайдар и Чубайс, а у всех окружающих стал заметно меняться язык... Надя ещё с пятого класса решила быть

учительницей русского языка — как любимая учительница Анна Викторовна. Даже задержки учительских зарплат, даже мамины увещевания дочку не разубедили. Отец, военный лётчик, дочке не препятствовал.

Но прежде чем она стала студенткой педагогического института, произошло кое-что немаловажное. У Нади прошли мутации и определился голос: в нём прибавилось обертонов, он стал богаче, одухотворённее. Появилась такая особенность, что в минуту веселья в нём продолжали звучать меланхолические тона, а в печальные минуты оставались нотки оптимизма. Одна её школьная подруга, далеко не близкая, спустя несколько лет это выразила простодушными словами:

— У тебя голос такой интересный стал: ты уже и сказала, а я ещё слышу!

Надя никого из молодых людей не выделяла и не обнадёживала, но один из них, ставший военным лётчиком в подражание её отцу, писал ей письма из Сибири. И она ему отвечала.

Этот условный роман весь остался в письмах... Молодой лётчик погиб в неисправном истребителе, уводя его от жилых кварталов Великорецка. Это были «лихие девяностые»: расходы на доставку гроба с телом в Подмоскowie для всех оказались неподъёмными. Надя прилетела на похороны в Великорецк. Да так и осталась. Ей предложили преподавать в местном колледже. Здесь она быстро растопила холодок со стороны учительниц. Молодые скоро стали ею восхищаться и ей подражать — в манере одеваться, в речевых оборотах, в оценках телешоуменов и прочих мелочах. Пожилые учительницы были не столь единодушны, однако признавали её превосходство в знании русского языка. Так пролетели два года без каких-либо новостей.

Директор колледжа, прежде чем уйти на пенсию, стал хлопотать о том, чтобы своё место передать Надежде: он первым заметил в ней властную жилочку. Впрочем, тайно он был влюблён в неё, что не составляло тайны для коллектива. Каково же было его удивление и негодование, когда Надежда отказалась от директорства — прямо в кабинете председателя комитета по образованию!

Когда Надежда покинула этот кабинет, оставив там двух обескураженных пожилых мужчин, то вскоре раздался телефонный звонок. Председатель комитета снял трубку, и по его поведению директор колледжа понял, что позвонил не менее, чем губернатор.

Так оно и было, при этом губернатор спросил:

— Кто от тебя только что вышел?

Незадолго до этого краевая власть переменилась: на выборах сложилась патовая ситуация, что стало поводом для федерального президента отменить выборность губернаторов и перейти к назначаемости. Главой региона стал некто Аслянский, человек молодой, но уже авторитетный в деловых кругах, только мало понятный работникам бюджетной сферы. Разумеется, это был человек самоуверенный, где можно, и осторожный, где нужно. И, естественно, ловелас или попросту бабник. Наведя справки о Надежде Рюхиной, он задумал приблизить её к себе. Обнаружив сопротивление Надежды, уязвлённый губернатор уже стал подумывать об учреждении должности вице-губернатора по культуре и массовым коммуникациям — для председателя комитета по образованию, чтобы Надежду сделать председателем комитета. Однако нашла коса на камень. Надежда была создана, чтобы стать главой семьи, но не чахнуть в заседаниях. А семьи ещё не было.

В конце концов губернатор выложил все свои карты и поговорил с Надеждой, против обыкновения, начистоту:

— Послушай, девушка, мне от тебя ничего не надо, ты мне только имидж подыми!.. Побудь хотя бы годик пресс-секретарём!.. А между нами говоря, ты стоишь места вице-губернатора!

При этих словах Надежда отшатнулась, а губернатор снова пошёл на попятный:

— Ну, кто ещё в крае так правильно говорит? Научи людей хорошо говорить — и я поучусь!..

Тут не один какой-то колледж, целый край тебя будет слышать!

И в самом деле, с появлением Нади в должности пресс-секретаря отношение местных умников, «яблочников» и диссидентов к Аслянскому заметно смягчилось... Сам же он не столько учился правильной речи у своего секретаря, сколько довольствовался тем, что партнёры по бизнесу смотрели на Надежду Васильевну Рюхину, глотая слюни, и думали, что «Аслянский тут при делах»...

Однако любовь никого не обходит, даже обладательниц твёрдого характера, занимающих видное положение. Как повстречала Надежда свою большую и не очень счастливую любовь, осталось их тайной. Майор Колобродько был первым в её строгой жизни, но сам прежде побывал уже в браке

и был отцом дошкольницы Насти, по которой очень скучал.

Секрет счастливой любви останется недоступным человеку до скончания века, равно как и причина, почему двое любящих оказываются в итоге на разных берегах.

Сначала Надя просто «глаз положила» на спортивного красавца с умными глазами и правильной речью, несмотря на милицейскую форму на нём. Где это произошло, не имеет значения, но вскоре Надежда, не выдавая своего интереса, сумела навести справки о майоре Колобродько, а то, что она узнала, заставило её — идеалистку и максималистку — призадуматься. Колобродько Иван Пантелеевич был разведён; его дочка-дошкольница проживала с матерью в районе ТЭЦ. Это было не лучшее место в городе. И не только из-за близости ТЭЦ, но, как теперь выражаются журналисты и правоохранители, из-за «криминогенной обстановки». Сам Колобродько жил на том же правом берегу, что и бывшая жена, — в старом городе за Енисейским вокзалом.

Хотя Великорецк очень и очень разбросан по берегам и островам величайшей реки, встретить опять увиденного прежде человека всё-таки здесь можно. Когда это случилось — нечаянно-неожиданно — то у Нади, почти переставшей к тому времени думать о майоре милиции с отягощённой биографией, снова учащённо забилося сердце.

Она заговорила с ним, а больше ничего и не потребовалось: они стали встречаться. Через неделю Надя дождалась от Ивана Колобродько признаний о бывшей жене и дочке, а ещё через месяц признала его своим мужчиной.

8.

Однако мы уже знаем, что Надежда Рюхина и майор Колобродько так и остались на противоположных берегах... Их нежные отношения не продлились и года. Большая любовь осталась в душе у Нади большой, медленно заживающей раной; если бы эта первая любовь была безответной, то и рана была бы не столь глубокой: при особых в душе погодных условиях боль становилась бы даже сладостной. Но вышло так, как вышло.

Первая любовь склонна к максимализму, к полной безраздельности, а майор стал видеть в этом Надины диктаторские замашки. «Она со мной, как в школе с учеником! — удивлялся он. — Заботы, советы, указания...» Будь он влюблён посильнее, чувствовал бы себя благодарным и польщённым. Но нет... Ещё один пример неравенства в любви.

Ещё до того, как пришёл миг окончательных объяснений, чуткая Надя вдоволь настрадалась и наплакалась. Её прозорливость однажды прорвалась, за неделю-другую до расставания, словами, в которых звучала плохо скрытая горечь:

— М-да... Подружились подсолнух с подснежником!

Эта горечь в её голосе уколола Колобродько, и он, подавляя шевельнувшуюся совесть, вдруг непослушными губами задал вопрос не по существу:

— Это кто же подсолнух?

— А кто у нас херсонский подсолнух, а? — ласково потеряв казацкий чуб майора, она потупила взор и ушла на кухню.

А он следом за ней не пошёл.

Через пять минут она вернулась со сваренным кофе, была весела, как ни в чём не бывало, оба судорожно шутили, а после выпитого кофе майор заторопился на дежурство.

Опять неправда: дежурство — не дежурство, а переодевание в простую робу охранника и бдение «на халтуре» в заурядном коммерческом банке. Майор, как плательщик алиментов, имеющий только белую зарплату, был вынужден «подхалтуривать». Как опытный и честный «мент», он чуял, что все в его отделе — «люди Юльдина». В их непубличных схемах он не участвовал и потому в любую минуту мог ожидать, что их горшки посыплются на его голову, в полном соответствии со штатным расписанием и подчинённостью.

Этим не исчерпывалась исключительность майора. Он практически не употреблял алкоголь: засыпал после первой рюмки. Эта сонливость заставила ментов заподозрить, что Колобродько прикидывается — не спит, повесив голову на грудь, а «слушает, чтобы потом настучать». Произнёс эту формулу полковник Юльдин. Но после ряда надлежащих проверок подозрения были сняты, а

сонливость начальника РУВД вошла в поговорку. Он и сам не отрицал, что способен спать 12 часов в сутки: зато, пока спишь, ничего не ешь — и потому не толстеешь.

В свои сомнительные дела коллеги майора не приглашали, потому что, по распоряжению полковника Юльдина, «держать его надо подальше: порядочный, сволочь!» С такой характеристикой, через запятую, майор Колобродько и сам держался на особицу. А если когда Железнодорожный РУВД поощрялся премией, то Главк подписывал два приказа: один — персонально по майору, а другой — по личному составу «железнодорожников»... чтобы Колобродько получил наградную сумму самую малость выше, чем наградные Джабраилова и Гордуса.

9.

Я человек далеко не богатый, думает Вершман, но всё ещё впереди. Он всё обдумал. Поначалу ему казалось, что деньги дают их обладателю свободу. Но это заблуждение он очень скоро отбросил — как только начал самостоятельную жизнь и приобщился к финансовому анализу. Финансовые небожители тоже несвободны: их бизнес держит их мёртвой хваткой. А что Топэмэкс? Конечно, несвободен. Но он и не есть небожитель; он из верхнего эшелона услуги... А Вершман — в нижнем конце этой лестницы, даже если слово Саша Вершмана может иметь немалый вес в иных столицах Старого Света... В некоторых точках оных столиц. А по сути, что Топэмэкс, что брат Ю-Три, — оба заняты одним и тем же: интересами войны. Вершман знает, что кровь прольётся или стогрит, но не знает, когда. ТорМХ тоже ещё не знает, когда, но Вершману это станет известно от Топэмэкса (если всё будет хорошо). В противном случае Вершман узнает обо всём от телевизора.

Но решение будут принимать финансовые небожители — носители известнейших фамилий, для которых и Топэмэкс, и Вершман-Ю-Три — сравнимые, пренебрежимые величины. Топэмэкс уже стар, он достиг потолка. А у брата Ю-Три ещё всё впереди.

Итак, на вопрос, свободны ли эти небожители, чьи имена совсем не произносятся на этажах, где обитает Вершман, ответ отрицательный. Но их власть над человечеством, напоминает себе Вершман, беспредельна. И они не свободны от собственной власти, от собственных сокровищ, от собственных секретов... Они поглощены всем этим, им точно не до нас. Они раскидывают карты, игра им подсказывает сроки и решения, а Вершман, чьё слово кое-кем воспринимается в Европе как слово небожителей, для самих небожителей незаметен, как насекомое. Топэмэкс малозаметен тоже, но только для врага, потому что он-то не насекомое, а крокодил.

Если бы Вершману повстречалась принцесса из дома небожителей, то ничего бы не случилось: слишком разные орбиты. Во-вторых, колесо фортуны даже не дрогнет, если вдруг раздавит кузнечика. Браки небожителей решаются на бирже. А Вершман — кто таков? Даже не Шварценеггер.

При тоталитарном советском режиме эстонец мог соблазниться «возможностями», которые предлагала великая страна, — мог стать геологом, вулканологом, нефтяником, авиаконструктором... но это означало — что? — постоянную лямку, постоянную работу на эту великую страну — от Таллина до Сахалина. Энн Ветемаа соблазнился — и получил диплом, кажется, химика. Но, как свободная личность, ушёл в писатели. И правильно сделал: помог эстонскому языку. Хотя Вершман читал Ветемаа только по-русски — на каком же ещё?

Эстонцы радовались своему страшненькому флагу, а старый отец Вершмана сказал матери: «Теперь придёт Америка!»

Саша спросил отца:

— А это хорошо?

— Людям понравится! — ответил отец. — Им нравятся новости, вообще — перемены. Так человек устроен: то, что рядом лежит, ему даром не нужно.

— А!.. — ответил сын.

— Что «а»?! — вскипел отец. — Если будет война!

— С Россией? — спросил сын. — Или с Америкой?

— России с Америкой! Или наоборот. Какая разница? Эстония американцам не нужна! Эстония? Пхе!

Став маленькой и независимой (ну, уж маленькой — это вне сомнения), Эстония перестала

нуждаться в большом круге специалистов. Нужны были, прежде всего, свободные профессии: врач, адвокат, преподаватель, журналист, художник, ювелир... И несвободные: чиновник, полицейский, таможенник, пожарник и трубочист. Да, ещё рыбаки, фермеры, электрики, автослесари... Ну, всё — и хватит.

В роду Вершманов мужчины избежали ловушек тоталитаризма: их оберегала династия ювелиров со своей традицией. Никто в роду не надевал военной формы. А теперь вот Саша, Александр Вершман, стал дипломатом — и представляет страну, по своим возможностям исключительную, и она предоставляет ему возможности тоже исключительные.

Саша вовремя угадал, что язык его будущего — это английский. Уже потом на этот английский нанизывалась разносторонняя подготовка: психолингвистический зондаж и программирование, конфликтология, религиоведение, экономическая география, теория уязвимостей и прочая, и прочая.

Все люди уязвимы. Нет людей непорочных. Но и свободных, к сожалению, тоже нет.

* * *

— Ваш миссионерский путь по России — из Москвы на восток, до Якутска, и обратно, — Топэмэкс склонился над картой и жестом пригласил Вершмана. — Пребывание в Москве, полагаю, месяца два-три, чтобы в разгар лета вы могли заняться Татарстаном... (Топэмэкс произнёс это слово, зажмурившись, словно оценивая звучание). Дальше Великорецк-на-Енисее и Якутск...

Он выпрямился и с улыбкой предложил выпить за успех предстоящей Вершману миссии.

— Французский бренди или бурбон? — предложил он выбор.

Вершман сглотнул слюну, глядя на Remy Martin, но выбрал бурбон — не из чувства «патриотизма», а только предположив, что в Москве бурбона не будет.

Проглотив обжигающую жидкость, Топэмэкс важно напомнил волонтеру свободы Вершману, что он, как журналист, будет в творческой командировке для написания книги — без малейших обязательств её написать; что аналитический отчёт — само собой, но по ходу дела неплохо вести записи по свежим впечатлениям на флэшку; и что личные траты он должен оплачивать картой «Виза», а траты на третьих лиц — через «МастерКард».

Тут он подмигнул:

— И скажу вам по секрету: меня восхитила бы ваша женитьба на какой-нибудь якут-гёрл!..

— Иркут-гёрл, Топэмэкс?

— Разве я сказал не «якут»? — ровным голосом переспросил Топэмэкс. — Но, само собой, мы имеем в виду чисто американскую женитьбу.

«Служебный брак, само собой», — не испытал ни стеснённости, ни облегчения, сказал себе Вершман.

Почему он об этом вспомнил сейчас?

Красный «Бентли» остановился у тротуара впереди, и с водительского места выскочила девица с роскошно сияющими волосами и стройными ногами из-под удлинённого кардигана. Так же стройно и стремительно она пересекла тротуар и вошла в модный бутик.

До «Бентли» оставалось двадцать шагов, и Вершман замедлил шаги. Как он их ни замедлял, но девица вышла из бутика, когда Вершман практически миновал её автомобиль. Пришлось обернуться, чтобы спросить с акцентом недоучившихся американцев:

— Простице, я так правильно ыду к Ред Сквэр?

Скользнув по нему взглядом, девчонка молча открыла дверцу, села за руль и дала газ. Вершман посмотрел вслед мерзкому «Бентли» испепеляющим взглядом. Провались ты вместе с Ред Сквэр! Что за варвары этот народ!

Ещё с минуту он кипел, прежде чем плюнуть на дурацкую прогулку по ненавистной Москве: остановил такси и назвал адрес американского посольства. Но, сидя в такси, продолжал ворочать в голове безрадостные мысли: о скромных зарплатах Госдепа, об имущественном неравенстве, которое столь грубо ему подчеркнули — и где! — в подчинённой стране!.. Чтобы как-то утешиться, он стал размышлять, надолго ли это показное благополучие российской «элиты», ведь слова о конфискации «молодых капиталов СНГ» уже прозвучали из авторитетных уст за океаном... Да и что

такое весь этот Старый Свет перед Северной Америкой? Как мелкая Эстония перед Германией! Кто вообще был велик в этой жалкой Европе после Наполеона? Или, скажем, после де Голля и Пальме? Пигмеи! Теоретически опасен только человек в Кремле — теоретически... Поэтому и Топэмэкс беспокоится: в самом ли деле президент России верит в Бога? Если бы это знать наверняка, мы бы знали, как действовать наверняка!

А Вершману надо укрепляться собственной властью... Он ничем не хуже Худорковского, но заведомо осторожнее... Смеётся тот, кто смеётся последним. Вершман впечатляет не видом своим, а визитной карточкой! На том и успокоимся — пока.

10.

Иван Колобродько нажал кнопку против фамилии «Джабраилов» и стал терпеливо слушать сигнал вызова в трубке. Вдохнул, дал отбой и набрал дежурного.

— Косцинский, — послышался ответ.

— Ваха, ты что, у нас бессменно дежуришь? — удивился майор.

— Почему бессменно? — обиженно спросил Ваха. — Я сменил Тагматова.

— Ладно... Где Джабраилов?

— Его забрал полковник Юльдин в сводную бригаду, в связи с пропажей мальчиков.

— Опять полковник... — вырвалось у майора («Опять через мою голову!..»)

— Так точно, — отозвался Ваха.

— Хорошо, я с полковником поговорю, — задумчиво произнёс Колобродько, а в ушах Косцинского это прозвучало угрозой.

— Так точно, товарищ майор.

— А Гордус почему не на связи?

— Не знаю, он рацию вроде как брал. Он тоже в бригаде.

— Кто первый объявится — ко мне!

— Слушаюсь!

Хороший парень этот Косцинский — единственный, кого не затронула юльдинская развязность и расхлябанность. И куда ты денешься, майор Колобродько, этой компании названный начальник? Свихнувшийся мир, воровство детей, непрофессиональное начальство сверху донизу...

Телефонный звонок прервал его мысли.

— Приветствую, майор! — прокричал ему в ухо Юльдин. — Поступила долгосрочная вводная!.. Летние отпуска отменяются без различия к должности: ожидается «проследование важного лица» через нашу станцию. Проследование — так в телеграмме — а не преследование, понял? Уточнения — потом! Вопросы есть?

— Есть один, но не по этой теме. Товарищ полковник, обижаете вы меня. Забираете людей без предупреждения, я уже молчу, что без согласования...

— Да где ж ты молчишь? Уже сказал!

— Тяжело молчать, товарищ полковник, понимаешь...

— Не грусти, уйдёшь на пенсию полковником, если блохи не заедят!.. Оперативно создавали группу, в тёмное время суток, а ты, небось, на халтурке кантовался. Я всё ведь знаю и тоже молчу!..

— Ну, и как успехи у следствия и сыска?

— Всё путём, всё путём!.. Следственная тайна, ха-ха-ха!

Колобродько свободной рукой дал себе пощёчину: дурак, о чём ты его спрашиваешь?

— Зато я вчера министра видел! — торжествующе выпалил он, беря начальника на испуг.

На другом конце провода раздался испуганный всхлип или вдох, а после паузы — смешок:

— Ну... По телевизору, что ли?

— Так точно! В казарме ВВ показывал йоговские позы. Я так и не понял...

— А чё не понял? Министр вдохновляет личный состав! Личным, так сказать, примером! Нестандартные решения щас в моде!

— А што за бабай проследует? Он кто?

— Тебе, как на духу, но между нами... Любимчик президента, какой-то нобелевский писатель с

футбольной фамилией — не то Каваку, не то Какао... Но не в нём проблема, как я понял, а в его подружке... Они же не просто так, а своими двумя вагонами... В одном парочка — с душем и спальней, а в другом — массажно-маникюрный кабинет и обслуга... Ну, куча капризов, сам понимаешь!.. Вода не та, температура не та...

— А мы тут при чём?

— А мы покой охраняем! И права человека! Обеспечиваем, значит, внимание всяких местных служб... Он же из Владивостока до Москвы — и прямо в Кремль! Задача — чтоб доехал живым к рюмке чая, а дальше не наша отвѣтственность!..

— Значит, на мне остаётся правопорядок, а специальная следственная группа отвечает за поимку мальчишек или их убийц?

— Ну, зачем так сразу — убийц! Найдутся мальчишки, куда они денутся! На усиление вылетает из Москвы следственная бригада. А мы им создаём условия...

— Понятно!.. — сказал Колобродько, подумав: «какие условия...»

— Да чё ты переживаешь, мы не самый криминальный регион российской федерации!

(Юльдин так писал и говорил: «российской федерации» со строчной буквы, но у него начальные буквы сползали книзу — получались как бы прописные...)

— Короче, товарищ полковник, мораль в том, что отпуска отменяются. Я правильно понял?

— Ты всё правильно понял, майор. Даже если пацанов найдём, всё равно отменяются. То есть переносятся.

— Нам не привыкать. Да и жёнам тоже!

— Похвались, похвались! — хмыкнул полковник. — Хорошо быть баловнем у женщин! Но ещё лучше быть начальником!

— Правда ваша, товарищ начальник! — покривил душой Колобродько, и на том их разговор закончился.

* * *

Полковник Юльдин, как было сказано, происходил из среднего командного состава автомеханических колонн землеройной и мостостроительной техники и стал правоохранителем по комсомольской разнарядке в конце восьмидесятых. Тогда происходило много непонятного, в том числе и зачистка правоохранительных органов, и перенастройка информационных ресурсов. В краевой главк его взяли из транспортной милиции, но о прежней службе он сохранил ностальгические воспоминания и по привычке «курировал» Дальний район, заботясь даже о новичках и ревниво следя за карьерой такого «старичка», как майор Колобродько. Майора полковник не любил, за глаза пуская на ветер поговорку: «где хохол прошёл, там еврею делать нечего!»

В главуправлении Юльдин жил, не высовываясь; можно было бы сказать «служил», но первые три буквы куда-то закатились; во всяком случае, Юльдин был практически уверен, что на пенсию уйдёт генерал-майором, если... Если не произойдёт решительного сокращения штатов и если не будет войны — потому что в том и другом случае жить уже не дадут, а заставят служить.

Но оснований для пессимизма особых не было, потому что Юльдин почитывал газеты и пренебрегал телевизором: вместо созерцания картинка-тараторки он читал аналитику управленческих назначений в государстве. Самого себя не считая профессионалом, несмотря на заочный диплом МВД, Юльдин, к своему удовлетворению, не видел в государстве вообще профессионалов: «Даже дилетанту это видно — невооружённым глазом!» Не был исключением даже непосредственный министр, которому, в конечном счёте, подчинялся и Юльдин сотоварищи: того назначили со стороны, из тайной полиции. Разведка и тайные операции — это одно, а внутренний правопорядок — это кое-что другое, и дилетант Юльдин это неплохо различал. Как различал он законы писанные и неписанные, так сознавал и параллельное существование подразделений (УБОПа, УБЭПа, ОМОНа и других) наряду с «направлениями»: платные услуги бизнесу, платные «услуги» населению и так далее. Благодаря комплекции его легко можно было представить сусликом, стоящим в степи на взгорке и нюхающим струи воздуха... Он знал уже, что недолго оставалось управлениям по борьбе с экономическими преступлениями, и с нетерпением дожидался...

При всей внешней невозмутимости майора Колобродько, он был человек чувствительный и способный к сочувствию. Поэтому исчезновение школьников, игравших у себя во дворе, очень сильно его затронуло, и не только потому, что случилось на территории, подотчётной его отделу, и не потому, что его обидело формальное невключение его в состав следственной бригады Юльдина. Нет, в нём говорили его гражданские и особенно отцовские чувства.

Возможно, сама его способность подолгу спать была простой восстановительной реакцией на сильные переживания, обычно несвойственные — и даже неподобающие — старшему офицеру милиции.

Но в таком продолжительном сне гнездились некоторые опасности, из которых Колобродько сознавал одну: если он спал на старой квартире, то уже после восьми-девяти часов сна ему могло присниться, что он по-прежнему женат — и женат на «своей мегере», с которой уже несколько лет разведён, то есть на матери солнечного зайчика Настеньки.

В таких сновидениях у Колобродько прибавлялось седины в его чёрных волосах.

Мать его Насти была страшна неудержимой ревностью, притом совершенно неоправданной; эта ревность была очень зла в проявлениях — вплоть до угроз расправиться «с кобелём и ментом поганым». Однажды ни с того ни с сего случился запуск сковородки в голову майору — к счастью, был перелёт, а затем, к несчастью, слёзы раскаяния, которые только отложили неминуемый развод. Супруги расстались только на четвёртом годике Настиной жизни, когда майор застал у себя дома постороннего мужчину, распивавшего с женой чай и принесённый издалече коньяк... Настя потом прошептала папе, что мама и дядя гладили друг другу щёки.

Возможно, это была провокация и вызов долготерпеливому майору: вот, мол, тебе за мои мучения-подозрения! Ну, и что ты мне сделаешь? Но вспыхнувший майор увидел в происшедшем — и в мольбах о прощении, сразу после изгнания постороннего — очередной и вполне искренний «вывих шизофренички».

Суд не внял доводам отца и определил Насте жить вместе с матерью. Теперь они у тёщи в Базаихе, Настина мать регулярно получает алименты и ещё требует денежной компенсации за свою долю прав на их прежнюю общую квартиру. Главная причина, почему майор дежурит по ночам как рядовой охранник, именно в этом: кроме алиментов, он платит бывшей жене элементарную дань — половину рыночной стоимости их общей квартиры; хорошо ещё, что жена согласилась на рассрочку. Её сожителя это вполне устраивает.

* * *

Легко понять, что счастливый союз Колобродько и больничной кастелянши Марии не представлял ещё полноты семейного счастья: дочка Настя жила под одной крышей с матерью и её сожителем, а подруга Маша жила здесь в России ещё по советскому паспорту, ожидая российского гражданства. Она с годовалым сыном бежала из Херсона от мужа — клинического украинца и природного самодура, существование которого скрыла от миграционных властей и поначалу даже от Колобродько. В город Великорецк Маша попала, не выбирая, согласно разнарядке по расселению принимаемых соотечественников. Так что счастье Маши с Иваном было небезоблачным, хотя тревог не вызывало... А теперь встреча Колобродько с подстерёгшей его Надей Рюхиной вызвала в нём тревожное состояние — точнее, ещё прибавила забот после нехорошего исчезновения школьников.

К чести майора, он никогда не спал, будучи дежурным «на халтуре». Здесь он пребывал в мобилизационном сознании. Спать он мог только у себя в бывшей семейной, а теперь холостяцкой, квартире (куда Маша наотрез отказалась приходить), в любом другом месте, где его застала рюмка и принуждала компания, и, наконец, у Маши. Последний вариант был желанным и счастливым для них обоих. Маша любила смотреть на спящего Ивана Колобродько. А он нигде в других местах не знал такого покоя и такого сна — с мелодией, похожей на шаги по воздуху, когда мягкие и медленные лопасти ног перебирают струи лунного сияния. Сердце билось тихо и торжественно. Появлялась надежда запомнить мелодию и вывести её на белый свет. Но не тут-то

было... Она таяла в солнечном свете, едва Колобродько открывал глаза, после тщетных попыток уловить её в полусне.

Но всё иначе в старой квартире, где сон у Колобродько неглубокий, даже если долгий: он слышит урчание двора, хлопанье дверцы чужого автомобиля, хохот компании, гогот молодёжи, скребущий звук снегоочистителя зимой и шарканье метлы дворника летом — всё на ровном фоне шума автотрассы, не столь удалённой. А в последнее время стали появляться звуки непонятного происхождения: кто-то сопит за окном, потом засмеётся подленьким смешком — и побежит на слоновьих ногах от дома подальше, и тут, хочешь не хочешь, станет сниться Ивану, что он живёт не на девятом, а на первом этаже... Пробуждение, с пониманием того, что ты живёшь высоко над землёй, спокойствия не приносит — хлопает форточка, может испуганная птица брякнуться о стекло, кто-то невидимый, будто каменщик, шаркает снаружи по стене мастерком. С этим неприятным недоумением, несмотря на служебные отвлечения, майор не расстанется почти весь день — до той поры, пока не увидит Машу.

12.

Марию он застал в слезах. Местный телеканал показал неопрятного мужика из Черёмушек, который обнаружил удушенных мальчиков у речонки Грязнушки под бывшим химзаводом. Из её ответов на расспросы майор понял, что мужик — это его добровольный «агент» Геннадий. Извинившись перед подругой, майор вышел на лестницу с телефоном...

— Что ж ты мне не позвонил с места обнаружения?

— А я не успел! Вот ей-богу, как будто кто следил за мной! Пяти минут не прошло, как навалилось телевидение и ОМОН! Место оцепили, меня хотели прогнать, но я уже на камеру и микрофон рассказывал — и они отстали... Пришлось даже помогать тела в «Газель» грузить, никому не хотелось...

— Ты был трезвым? — спросил он, прежде чем закончить разговор.

Тот заверил, что в рот ничего не брал со вчерашнего.

— Жди, я сейчас!

Но встреча с Геннадием принесла разочарование: опознать тела было невозможно — они сильно обгорели... Строго говоря, теперь предстояло доказывать, что это тела именно тех ребятшек с улицы Глинки. Большой ведь город Великорецк, миллионник... Нашёл их не Геннадий, а добровольцы с поисковыми собаками, и не где-нибудь, а почему-то в закопчённой шахте канализации, на семи-метровой глубине под крышкой люка.

— Тогда почему тебя позвали говорить на камеру?

— А я сказал, что видел их необгорелыми...

— А может и не их!

— А это пусть милиция разбирается, сколько детишек пропало — пятеро или пятнадцать!

— Ты прав, Геннадий Фёдорович. Иди, поешь, — Колобродько сунул Геннадию двести рублей, — да послушай, что старики говорят... Звони!

Майор был одет «по форме», хотя чаще и охотнее носил гражданскую одежду. Он решил пройтись по двору, с которого пропали мальчики, заранее жалея, что все увидят в нём милиционера: а куда, мол, милиция смотрит, что детей убивают!..

Но двор был пустынен. Дети сидели по домам, а кумушки обсуждали происшествие по телефонам.

Колобродько обошёл площадку по периметру, методично осматривая землю, детскую горку, песочницу, скамейки — а вдруг люди что-то не заметили?.. На дальней скамейке, почти сливаясь с красно-коричневым фоном влажного гравия, сидел выцветший старик в порывевшем плаще и ждал, когда майор приблизится.

— Товарищ милиционер, здравия желаю!

— Здравствуйте! — поднёс руку к козырьку майор.

— Имею вам сообщить...

— Слушаю! — воскликнул Колобродько и опустился на скамейку.

— Значит, в среду, в шестнадцать двадцать, я с этой скамейки видел, как мальчики сели в чёрную машину и уехали...

— Так, пожалуйста, подробнее!.. Какая машина, кто был за рулём?

— Я их не различаю. А из неё никто не выходил... Дверца открылась, ближнему пацану что-то сказали, а он закричал: «Парни, поехали, секретный мост увидим!»

— Номер машины не помните?

— Уже и забыл... Но он был грязью заляпан! Чёрная машина, стёкла тёмные...

— Что ещё о машине скажете?.. Была ли радиоантенна, на какой точке кузова?

— Мне бы надо было через плечо оборачиваться, а я не догадался... Кажись, «Волга» была...

— Что, длинная машина?

— Да нет, не очень длинная.

— А что за секретный мост? Не говорили они между собой?

— Вот уж не помню. Но я так понял, что мост в секретном месте, через Енисей.

— Н-да... Спасибо, уважаемый... Как вас величать?

— Кудряшов Сергей Данилович, заслуженный строитель.

— Сергей Данилович, но вы же, как строитель, понимаете, что секретного моста в черте города быть не может!.. Вы не пытались их остановить?

— Куда там, товарищ майор! Они обогнали мою мысль...

— Что ж, и на том спасибо. Вы в этом доме живёте? — майор указал на дом, в котором жили мальчики.

— В ём самом!

— Знакомы с пострадавшими семьями?

— Ну, как?.. Шапочно. Моя квартира 109-я, на восьмом этаже, а они где-то ниже. Не скажу, что семьи шумные или пьяницы скандальные, всё нормально, но дети были сами по себе... Меж собой дружили, а надзора не было...

Попрощавшись со стариком, Колобродько поспешил в райотдел: там у него в кабинете телевизор, да и коллеги, неровён час, в чём-нибудь проболтаются...

Телеведущая «Дежурной части» сообщила, что обгоревшие тела ребят, по свидетельству съёмочной группы, местами уже заплесневели, и эксперты, на условиях анонимности, говорят, что останки находились в нескольких местах, прежде чем их сбросили в один люк. Газета «Ведомости», напротив, сообщила, в чём уверены её специалисты: мальчики забрались в канализацию, ища приключений, чиркнули спичкой и воспламенили скопившийся метан (если кто не знает — это горючий подземный газ), там же, в канализации, они гуртом и сгорели.

Борзописцы удержу не знали, а официальные лица отмеряли свои комментарии скупой и с немалой задержкой. Через два часа зампрокурора вся Сибири заявил, что признаков насильственной смерти мальчиков не найдено, хотя уголовное дело возбуждено по статье «Убийство двух или более лиц».

— Скоровордин ты сын! — перевирая фамилию чиновника, выругался Колобродько и, в предвидении новых разнородных сообщений, решил оставаться у телевизора.

Местные новости сообщили о том, что было известно майору: когда ещё тел не нашли, обшаривали и подземные штольни, заглядывали и в этот колодец коллектора. Тогда он был пуст. Значит, тела были точно сожжены в другом месте. Да и рассказы о копоти на стенках колодца — полная чепуха.

«Бывает всё-таки толк от местных СМИ, — подумал Колобродько. — Однако мало кто их слышит». Москва сообщила, что генетическая экспертиза останков продлится до полутора месяцев... «Это почему так долго? — возмутился майор. — Закладывают время на согласования?..» Он опустил голову, глядя в столешницу, и увидел, как его кулаки непроизвольно сжались до судорог.

Прежде чем покинуть кабинет, он из вечерних новостей Великорецка узнал, что Александр Геннадьевич Аслянский в сопровождении пресс-секретаря Надежды Рюхиной отбыл в деловую поездку в Москву.

«Вот и хорошо! — подумалось майору. — Не надо к ней идти! Скажу: приходил — и не застал!.. Если встретимся ненароком».

13.

В окнах уже стояла тьма.

Выходя из кабинета, майор Колобродько всегда производил характерный шум, зацепляя дверную ручку обшлагом рукава и, соответственно, чертыхаясь.

Этого шума терпеливо дожидался старший прапорщик Косцинский, сразу появившийся в дверях оперативного отдела.

— Товарищ майор, разрешите обратиться!

— Давай, обращайся.

— Не знаю даже, как начать... Позвольте, я вам по дороге расскажу?

— Хм... Пошли!

Этот Косцинский был незаметной спицей в колесе, но его мог уже околпачить Юльдин. А может, ещё не успел. Что ж, послушаем...

На улице Ваха сразу взял быка за рога:

— Пошлите меня в командировку в Пятигорск, пожалуйста!

— Что за дела, прапорщик? Где Пятигорск, а где мы? В чём дело?

— Отпуска отменили, а мне надо сестру повидать!

— А мне надо президента повидать! — при свете яркой витрины Колобродько пристально взгляделся в Косцинского и увидел, что тот в тревоге нешуточной. Он оглянулся по сторонам, увидел яркие буквы «Кафе-BAR» и мотнул головой:

— Зайдём, расскажешь!

— Я ставлю пиво! — радостно откликнулся Ваха.

— Пива я тоже не пью! — буднично ответил майор, но прапорщик не понял значения слова «тоже».

— Два пива! — сказал Ваха бармену.

— Тебе не много будет? — сурово спросил его майор.

— Так... а вы?..

— Мне яблочный сок.

С пивом и соком они отошли от барной стойки, чтобы сесть уединённо в углу.

— Ну, рассказывай свою печаль, Косцинский!

Через полчаса к печалям Колобродько прибавилась ещё одна.

Парень хотел вытащить сестру из западни, если понадобится — силой, и привезти сюда, в Сибирь. Существование сестры-шахидки у его подчинённого стало откровением для майора. Его мозг мгновенно просканировал ту паутину, в какую он, Колобродько, сейчас оказался впутан, и высветил все её точки и позиции.

Вероятным итогом для майора было увольнение из органов и долгие поиски работы — не дай Бог ещё прибегнуть к покровительству Надежды!

А с другой стороны, эта Ванда, эта Фатима могла стать убийцей десятков человек, если ей не помешать. Если не помешать её поводырям... И это смертным грехом ляжет на душу Ивану Колобродько.

— Никакой командировки быть не может, — не окриком, а размышлением ответил он Косцинскому. — Без Прокуратуры и Следственного Комитета это невозможно. Про отмену отпусков ты откуда знаешь?

— Гордус объявил.

— Расписаться требовал?

— Никак нет.

— Потому что письменного приказа не было. Для такого приказа не было разумных оснований, — теперь Колобродько позволил себе улыбнуться. — Он какого числа об этом объявил? Во вторник?..

(В тот же день полковник Юльдин сообщал об этом майору.)

Колобродько достал из кейса чистый лист бумаги и протянул Косцинскому авторучку:

— Пиши заявление от десятого числа на отпуск с завтрашней даты, по семейным обстоятельствам.

Он молча смотрел, как рука Вахи выводит неуклюжие строчки, потом взял заявление и написал свою резолюцию в кадры, датируя тем же десятым числом:

— Разгильдяй ты, разгильдяй! Сколько дней таскаешь заявление! Недосуг тебе в кадры сходить? Ваха улыбнулся, но Колобродько был мрачен. Оба встали.

Они ещё не вышли из кафе, как из-за соседнего столика поднялся невесть кто, подошёл к порожнему бокалу Косцинского и перевёл глаза на нетронутый сок в стакане майора. Его-то он и выпил — медленно и с удовольствием.

14.

Капитан Гордус и неуловимый лейтенант Джабраилов были членами неформального штаба полковника Юльдина: капитан ведал оказанием платных услуг платежеспособному населению, а лейтенант был порученцем полковника — «офицером связи» вообще и, в частности, для заказных отношений с ОМОНОм. Прочие офицеры райотдела служили в полном соответствии со штатным расписанием и официальной должностной инструкцией. Штабисты полковника появлялись разве что по случаю дней рождения своих формальных сослуживцев — и те их приветствовали, не без иронии, как бойцов невидимого фронта. Все привыкли, а если это смущало кого-нибудь, тот вида не подавал. Смущало это, прежде всего, майора. Зато он больше всех не подавал вида. Особенно теперь, когда в город прибыл заместитель генпрокурора и передвигался в окружении многослойной свиты, надо было оставаться на своём служебном месте, обеспечивая дисциплину и присутствие.

— Мы сыскари, а не эксперты, — говорил себе, а иногда и подчинённым, майор Колобродько. — И кто быстрее седеет на работе — это не вопрос!

Эксперты не торопились делиться своими результатами, но их без конца теребили журналисты разных направлений, следователи и прокуроры. Случалось, что журналисты опережали следователей и прокуроров, и последним приходилось поправлять или опровергать экспертов и журналистов. В условиях, когда журналисты принадлежали редакциям различных направлений, а эксперты были анонимны, поправлять, опровергать, оспаривать что-либо, прозвучавшее ранее, труда не составляло.

Маша, сидевшая дома с ребёнком, следила за поступающими из телевизора сообщениями «очень плотно»:

— Как-то интересно получается: главный прокурор Сибири считает, что это не убийство, а помощник краевого просто кричит, что убили!.. Журналисты пишут, что крови в тканях нету, а собрание всех религий говорит, что неправда...

Иван Колобродько не знал, что отвечать.

— Ты, Маша, просто пока записывай, а мы потом с тобой покумекаем...

— Да когда потом?! Вон адвокат потерпевших — больно смотреть, а родителям — что, потвоему?.. Во всём отказ и пустые обещания! Что за город, а? Каждый год что-нибудь похожее! Помоему, тут целое кублбó какое-то!

Ивану было понятно это слово, произнесённое землячкой: логово, гнездо змеиное... В детстве ему пришлось видеть клубок переплетённых гадюк; впечатление было сильным, в памяти сейчас ожило — и майора передёрнуло.

Пока Иван да Марья собирались кумекать, министр внутренней защиты госорганов соображал вовсю.

Он договорился с генпрокурором, что тот проведёт профилактические мероприятия с главными редакторами основных изданий, агентств и сетевых ресурсов «для предотвращения разжигания и нагнетания»; распорядился, чтобы его собственные подчинённые установили «наружку» и прослушку адвоката пострадавших семей; наконец, назначил собственную пресс-конференцию на 16.00 текущего дня.

Она должна быть короткой, эта пресс-конференция: министру в тот же вечер надо быть на приеме в посольстве одного лимитрофного государства. То есть близкого соседа, если говорить по-человечески.

* * *

— Хай! — по-американски улыбаясь, обратился Вершман к девушке-клерку с абсолютно американским профилем.

— Хай! Мистер Вершман, арн'тью?

Она сличала живого Вершмана с тем образом, что видела по скайпу и на фотографиях.

— Да, это я вам звонил час назад.

— Одну минуту, сейчас доложу. Располагайтесь, прошу вас!

Вершман сел таким образом, чтобы смотреть не на изображение президента Клинтона, а на портрет Вашингтонского Капитолия, жирно писанный маслом. Едва он успел оценить талант неизвестного художника, как его пригласили к послу.

Посол встал из-за массивного стола и вышел навстречу посетителю. Они дружески, но церемонно поздоровались, произнеся фамилии друг друга: Вершман, Вершбаум.

— Успели вы оценить Москву? — спросил Вершбаум.

— Тяжёлый город! — отозвался Вершман. — Планировка — ноль.

— Да, это вам не Пятая Авеню. Виски? — посол испытующе посмотрел на Вершмана.

— Нет, спасибо, я не пью.

— Я, кстати, тоже, — поддержал его Вершбаум. — Во всяком случае, до обеда. Но придётся пить сегодня на приёме в посольстве одной, хм, державы... Напомните мне перед уходом, я дам вам приглашительную карточку.

— Спасибо, сэр.

Посол понимал, что у Вершмана имеются исчерпывающие инструкции, вникать в которые он не хотел, но мог вполне по наитию их коснуться и даже, сам того не ведая, помочь молодому дипломату. Вершман, беседуя с послом, думал о том, что посол всего лишь на двенадцать лет старше его самого и что Америка — континент возможностей, от океана до океана.

— Мистер посол, что за тип этот их президент? — дерзнул задать свой корыстный вопрос Вершман. — Он в самом деле, как это... православный?

Вершбаум хитро блеснул глазами, оценив бесцеремонность гостя.

— Об этом лучше спрашивать дорогих россиян. Полагаю, что на приёме будет отец архимандрит З. Как минимум, вы могли бы познакомиться.

— Это ценный совет, благодарю вас, сэр. Я смотрел его интервью.

— Вам и карты в руки. Помогите гражданскому обществу, где только можно. Как сказал какой-то их классик, гражданином должен быть тот, кому не удалось быть никем. Мой вам совет: сделайте так, чтобы в каждом городе люди знали о вашем приезде. Устраивайте мастер-класс демократии, а местные печать и радио вам помогут. Российская ассоциация региональной прессы — вполне дружественная организация.

— Да, сэр.

— Итак, дорогой Вершман, желаю вам удачи! Вот моя официальная визитка. Может вам помочь где-нибудь в российской глухомани. Да, и вот приглашение на приём в это самое посольство...

Вершбаум взял со стола стопку карточек-открыток, большим пальцем прошёлся поперёк обрезного края, произведя упругий треск, и выдал Вершману одну из них.

— Странное приглашение, сэр! — заметил Вершман. — Здесь не указан конкретный повод: ни годовщины, ничего...

— Это у них бывает, просто любят напоминать о себе... Восьмая годовщина свадьбы их президента на американской гражданке — чем не повод? Или 111-я годовщина похода гэтмана на Люберцы...

Вершман расхохотался, восхищённый сарказмом посла:

— Я предпочёл бы американскую гражданку! — и, вспомнив о суженой ему незнакомке из Якутии, вздрогнул как от морозного сжатия позвоночника.

Вершбаум заметил эту перемену в лице гостя, но отнёс её на счёт похода незадачливого гетмана.

— На приёме мы с вами общаться не будем, — предупредил он Вершмана. — Это роскошь — и она необязательна.

— Да, сэр. Конечно, сэр!

— Но мы не скрываем нашего знакомства, которому я безусловно рад!

- Я тоже, сэр!
- Что же, удачи вам, Вершман!
- Спасибо, сэр!

15.

Посольство «одной, хм, державы» размещалось между Леонтьевским и Вознесенским переулками, на задах знаменитого театра МХАТ, и размещалось в хорошеньком одноэтажном домике, крашеном бежевой краской. Впрочем, домик имел достаточную протяжённость вдоль переулка. Поднапрягшись, Вершман оживил свои познания в родственном языке: «Яка гарна хатка!» — ухмыльнулся он.

Откуда я это помню? — сам себе удивился Вершман. — Из Гоголя, что ли?

Нет, у Гоголя таких слов не бывало. А во-вторых, Вершман Гоголя не читал. И когда жил в Эстонии, то жителей этой, ещё только будущей, державы он в Таллине не видывал. Осталось предположить, что всему виной московское телевидение: оно щедро предоставляло свой эфир юмористам из Одессы и Жмеринки.

Охранник на входе, увидев паспорт Вершмана, выдвинул вперёд подбородок, растянул губы и поднял снизу вверх на Александра свои коричневые глаза:

— Велкам!

Вершман кивнул и сумрачно сосредоточившись, прошёл сквозь раму-ворота металлодетектора. «Яка гарна хатка!» — пробормотал он, услышав электронное пение контроллера. Больше на этой мове он ничего не знал. Да, но в чём проблема?.. Пхе!

Посол сопредельной державы не произвёл на Вершмана никакого определённого впечатления: так себе, средний покупатель в супермаркете. Пожалуй, только галстук посла обращал на себя внимание. Глаза посла рыскали по сторонам, но неизменно возвращались к собеседнику, превращаясь из напыщенно-настороженных в настороженно-сладостные. «Как у собаки, притом голодной», — отметил Вершман.

Среди гостей были заметны папский прелат, кришнаит и православный служитель, двое индусов в чалмах и один арабский шейх. Вершман собрался пойти на сближение с православным, чтобы завязать знакомство и задать ему подготовленный вопрос богословского характера, но тут он услышал *голос*...

— Какая скука, Александр Геннадьевич!

Невероятным показалось ему, что какие-то банальные слова произносятся по-русски, в Москве, — но *тем самым повелительным голосом*, который провёл по его судьбе глубокую звуковую дорожку — там, на другой стороне Земли, на невидимой стороне Луны, во тьме дрожащих ожиданий брутального греха... Теперь этот голос раздался не сверху, не под сводами зала, не произнес приказаний, а совершенно буднично и где-то рядом, где-то сзади:

— Какая скука, Александр Геннадьевич!..

«И здесь она, эта женщина!..» Потом до него дошло, что здесь он в состоянии её увидеть. Но прежде чем обернуться, он сумел себе напомнить простую вещь: там этот голос говорил по-американски, а здесь — по-русски... Это другая женщина: она — с видимой стороны Луны...

Однако не обернулся Вершман. Надежда на то, что это всё — галлюцинация, наваждение, задетая нервом звуковая дорожка или усталость от смены часовых поясов и прочая, и прочая, мысль о том, что нечего ему, представителю высокого Госдепа, вздрагивать от голоса какой-то москвички — спеленула его, как защитным коконом.

Неизвестный Александр Геннадьевич стал вполголоса что-то внушать *этой женщине* — и в эту минуту, наконец, Вершман обернулся.

— Обещаю, Александр Геннадьевич! А если вы не против, так и вовсе уйду...

— Полчаса побудь, потом отпущу.

Вершман отдался модуляциям её голоса и позволил себе ни о чём не размышлять... Только глазам позволил подобие мысли и соображения.

Точно ли была она красавицей?

Мужчина сделал успокоительный жест — и они проследовали в сторону группы персон восточного вида. Вершман пошёл за ними следом, испытывая странное, до дрожи, волнение и на каждом шагу упрекая себя.

«Зачем я настолько эмоционален?.. Ну да, голос... Почти не отличимый от *того*... Хотя тот уже помню не так отчётливо... Но здесь акустика другая. Но здесь, сейчас, при данных условиях, этот голос неотразим. Надо узнать, что это за тип, что это с ним за женщина».

Александр Геннадьевич и его юная спутница задержались вблизи посла с супругой, щедро поулыбались и куда-то пропали за мельтешащими спинами.

Рядом оказался стюард с подносом, и Вершман взял себе виски, чтобы казаться при деле. Вдруг издали он увидел Александра Геннадьевича за доверительной беседой с могущественным финансистом, досье которого за океаном постоянно отслеживалось... Теперь-то он не мог не опознать и своего тезку: он был тоже финансист, председатель ряда советов директоров и, плюс ко всему, губернатор громадной территории, где Вершману как раз и надлежало побывать. Неожиданный голос красавицы помешал опознать его сразу!.. Впрочем, точно ли была она красавицей? Скорее, да, но впечатление от голоса было сильнее; лицо он запомнил не столь отчётливо... Внезапно сильное желание увидеть его снова овладело им.

Программой Вершмана предписывался этот сибирский регион, сразу после Татарстана. Горячая волна окатила Вершмана: эта женщина для него не окончательно потеряна!

Он более спокойно стал перемещаться по залу, наблюдая за людьми, каждый из которых топил свою озабоченность в аперитиве, прятал за улыбкой, рассеивал в перекрёстных знакомствах — в ожидании приветственной речи посла.

Зазвучал гимн «Ще не вмерла», все на минуту вытянулись, затем посол произнёс на официальной мове триумфальную речь, которую посольский переводчик последовательно переводил на английский. «Однако! — удивился Вершман. — Да ладно, — тут же усмехнулся он, -москвичи способны понять их державную тарабарщину, если захотят, без перевода, а посольским важно, чтобы их понимало «мировое сообщество».

До боли знакомая американская гнусавинка раздалась у него над ухом:

— Привет, ты американец?

Долговязый «джи-ай» в штатском дружелюбно улыбался ему.

— Так точно. Алекс Вершман из Госдепа.

— Майор Уэйн Брэдшоу. Помощник военного атташе. Пойдём, выпьем горилки!

— О, ты освоил местный язык! — восхитился Вершман.

— Если бы! — сокрушённо причмокнул Брэдшоу. — Для меня — что этот, что греческий!

Они прошли к стенду, где грудастая девица в вышитой сорочке и расшитой петухами юбке наливала горилку из разных бутылок на выбор.

Брэдшоу, на правах угощающего знатока, заказал «Nemiroff» со льдом.

— Я здесь три года волком вою, понимаешь?

— А я сегодня прилетел, — ответил Вершман.

— Счастливчик! — с завистью посмотрел на него Брэдшоу, поднимая бокал: — Чиэрз!

— Чиэрз!

— Я из Айдахо. А ты?

— Уошингтон, Ди-Си.

— Это служба. А по рождению?

— Где-то в Европе.

Брэдшоу сморгнул эту неопределённость и отступил на попятный:

— Америка везде и навсегда! (America forever and everywhere!)

Они скрепили этот тост ещё одним глотком горилки. И тут Вершман увидел идущую к выходу, эту, как её, сибирячку...

— Извини, я на минуту, френд!..

С деловитой торопливостью, с бокалом в руке, он настиг её в конце зала:

— Не торопитесь, Москва подождёт!

Она спокойно повернулась к Вершману и спокойно возразила:

— Москва подождёт, зато Подмосковье ждать не может!
 — Вы из Подмосковья? — внезапно поглупев, удивился Вершман.
 — Мы из Великорецка! — с каким-то непонятым задором ответила юница. — А в Подмосковье осталось детство!

Вершман подчёркнуто поклонился:

— Алекс Вершман.

— Очень приятно! Надежда. Извините, я тороплюсь!

— К сожалению, я тоже. До встречи!

— Это угроза? — улыбнулась Надежда.

— Нет, — без улыбки ответил Вершман. — Только обещание.

Остаток вечера утонул в холостяцкой попойке с Уэйном Брэдшоу в гостиничном номере Вершмана. Вершман смотрел на собеседника расширенными зрачками и отвечал слишком часто невпопад. Наутро похмелье было небольшим, но были велики предчувствия.

16.

В главуправлении внутренних дел Великорецка «утренним разгоном» называли инструктивные совещания руководителей районного звена. Их проведение генерал-майор Остолбеницын обычно поручал сразу полковнику Юльдину, но на этот раз всё было необычно.

Во-первых, от районов пригласили «расширенный состав» — помимо начальников, ещё и одного-двух представителей. Но самое необычное — в президиуме было тесно от представителей Москвы.

И сам Остолбеницын разгон проводил.

— Товарищи правоохранители, в нашем крае случилась беда. Журналисты, интернетчики, политические извращенцы пустили клевету, якобы пропавшие мальчики в Ленинском районе

это ритуальное убийство. Мало того, пущен слух, чтобы опорочить уважаемую общину нашего города. Нашлись бесчестные люди... мы проверяем, не из наших ли рядов... допустившие злонамеренную утечку о якобы обескровленных останках мальчиков... Но при чём здесь уважаемые люди?! Я могу согласиться, что это дело рук... так называемых, этих, ну, сатанистов

независимо, понимаешь, от национальности! Преступник, как известно, заведомо выпадает из своего народа, он уже и к человечеству не относится. Мы проверим, кто из наших людей — или, может быть, я извиняюсь, — из прокуратуры... может быть замешан в распространении провокационных сведений. Будьте уверены, мы их найдём! У меня всё! Слово полковнику Юльдину.

Полковник сразу перешёл к практическим делам: надо было проявить себя в глазах москвичей. Он сухо, без прибауток, распределил ответственность и направление действий между подразделениями, определил периодичность докладов «лично мне» и объявил поимённый порядок инструктажа районным начальникам, который должен был начаться немедленно после совещания. Первым был назван майор Колобродько.

«Вот когда жареный петух вас клюнул! — молча констатировал майор. — Даже Аслянский в Москву полетел!»

Майор Колобродько, даром что милиционер, о приподнятых уровнях общества судил достаточно наивно.

Инструктировал майора полковник Юльдин при молчаливом участии московского эксперта Вадима Сергеевича.

«Куда подевался мой бомж-осведомитель?» — успел сокрушённо вздохнуть Колобродько. И тут началось...

Оказалось, что генетическая идентификация... (два подобных слова, одно за другим подряд, были Юльдину не по губам, и он от этого стервенел) — «короче, такой сложный анализ — это дело

не одного месяца...». Кого-то опознали, кого-то не опознали. Во избежание кривотолков, после анализов в Москве останки будут отправлены в Лондон на переаттестацию... тьфу, не то! — на переэкспертизу. Наша задача, правоохранителей, гасить эмоции, страсти, успокоить семьи... Каждая семья получит психологическую и материальную помощь...

— Сколько? — спросил Колобродько.

— Пока — тридцать тысяч каждая! — нарушил своё молчание московский эксперт.

— Рублей? — переспросил Колобродько.

— А какая в стране у нас валюта? — едко ответил вопросом Юльдин.

Колобродько обвёл обоих дикими глазами.

— Не понимаю, Лондон зачем?..

У него не было причин сомневаться в анализах, полученных отечественными лаборантами.

— Решение принято — и всё! — отрезал Юльдин. — Ты думаешь, я решал? Там все — криминалисты, микробиологи, психологи, академики!.. Не нашего ума это дело! Мы отвечаем за спокойствие края. Понятно? И за поимку преступников! Иди, успокой народ и лови убийцу!

— Одного? — вставая, угрюмо спросил Колобродько. — Или всех?

— Стоп! — рявкнул Юльдин. — Ну-ка, сядь!

Колобродько сел на место, а Юльдин оглянулся на московского проверяющего. Тот был невозмутим.

— Ты мне шуток не шути! — грозно прошипел Юльдин. Прикрыв ладонью лицо, он хмыкнул, хрюкнул, потом обнажил свою ухмылку:

— В общем, сколько поймаешь — все наши! Иди!

* * *

«Как мне их искать? — наивно спрашивал себя Колобродько. — Тайны следствия — у следяков, тайны экспертизы — у экспертов. А моя агентура — это Маша и потерявшийся электрик с траулера. Стало быть, одна Маша. А что она может рассказать? Только то, что Бог пошлёт».

Он понимал, что дело тут нечисто, и очень нечисто. Даже вне зависимости от криминальной репутации Великорецка. Припутали даже Лондон.

Поэтому вся наигранность утреннего разгона была ему предельно ясна: и показушный приезд московской бригады, и выступление Остолбеницына. Главное — притушить, пригасить, показать народу бурную суету... И потому Колобродько решил поступить по своему обыкновению: придавить головой подушку. Действительность его разочаровывала. Сон казался ему самой ценной частью жизни — он им дорожил, подходил к нему творчески: выспавшись на одном боку, принимался засыпать на другом, а самым полезным признавал спаньё на животе — в этом положении мозг выдерживал самую долгую спячку. И голова потом не болела.

Иван Пантелеевич приучил себя спать на животе ещё со школы — и повод был для этого более, чем серьёзный. Тот сосед их семьи, тыловик-майор, у которого подрастали двойняшки, получив очередное звание и достойно его отметив с товарищами, под утро ушёл в лучший миръ, захлебнувшись неусвоенной пищей. Потому что спал на спине, когда все обстоятельства были против этого.

В свои тридцать восемь лет Иван Пантелеевич не имел ещё мира в душе. Уроженец Херсонской области, он был призван на срочную службу в 1985 году и служил в Сибири во внутренних войсках. Отец, подполковник ВДВ, уже четыре года как сложил свою голову под Салангом. Мать с сестрой оставались в Херсонской области, а Иван, отслужив срочную, поступил в институт МВД (по результатам конкурсных экзаменов, сданных в Ленинградской артиллерийской академии). Мечтал, что будет у него шестеро детей. Да... А что на самом деле — одна только Настя от распавшегося брака, да и сам он теперь не столь решительно мечтает... Женился он ещё курсантом на дивчине, описанной вот этой песенной строкой: «краше не было нигде вишенки полта-а-вской».

Первый скандал жена ему устроила, когда Ивана командировали в Чечню в 1994 году: «или я, или Чечня!» — ведь ждала ребёнка на предпоследнем месяце. Родила, когда муж туда уехал. Впоследствии оказалась неверной женой — возможно, мстя ему за то, что согласился на сибирское

назначение. Требовала от мужа перевода на Украину, не дождалась, заговорила о разводе. А разведясь, почему-то осталась в Великоорецке, конкретно — в Базаихе.

От воспоминаний Ивана Колобродько обычно клонило ко сну, и когда Маша открыла ему дверь вечером — а он всегда звонил, хотя ключи имел при себе — всё поняла по его лицу и молча пошла стелить ему постель.

Пусть уж она в другой раз на своём настоит.

* * *

Но, вопреки ожиданиям, сон к майору не шёл. Такое бывало, когда день приносил избыток впечатлений и утомлял майора выше меры. «Значит, придётся поворочать жернова... пока не усну...»

Прошедший день порхал мотыльками в глазах, и Колобродько снова напомнил себе: проверить артериальное давление! Он себе напоминал — и тут же забывал. Мотыльки выстраивались белыми буквами, как новостная лента в теляшке: разгон, эксперт, Юльдин толстогубый, ветреная погода, унылая походка майора Колобродько, кое-где трава зеленеет, кое-где ещё снег белеет... Всё обычно, всё обыденно — даже, прости Господи, это зловещее убийство ребят... А что же случилось такого необычного, не дающего ему заснуть?.. Разве что тот старик в соседнем дворе, у жэковского подъезда?..

Стояла кучка людей кружком и слушала седовласого старца:

— Война не случается откуда ни возьмись, и не по плану начинается — она собирается, как от зноя гроза...

Здесь Колобродько опешил от проникновенного пафоса этих слов и остановился послушать.

— Ведь что такое конец любой войны? Начало мирной жизни? Как будто бы так, да как бы не так! Мирное время уже засеивает новую большую войну. Такой на земле порядок от века, дорогие мои!

— Эти порядки — не наши! — возразил мужчина средних лет.

— Не наши! — кивнул старик. — Не мои. И не твои, Серёжа! Но — наши, человеческие, мы им подчиняемся. Это иго всемирное.

Колобродько медленно приблизился.

— Беззаконие — это что? — продолжал старик. — Безверие!

Он стукнул об асфальт сучковатой палкой, на которую опирался обеими руками. Палка давно была неотъемлемой частью старика: отполированная его ладонями на протяжении многих лет.

— Вот кончилась война — и потихоньку начинает копиться мирное беззаконие. Мелкие лгут и воруют по-мелкому, большие крадут и брешут по-крупному. Там и тут устраивают заварушки — чтобы спрятать концы, чтобы узаконить беззаконие.

Старик вещал, не повышая голоса, словно беседуя сам с собой.

— Маленькие войны собираются в одну большую. И вы это увидите. Но пока вы умножаете ваши дела, вы этого ещё не видите...

Колобродько ничего особенного в этих словах не услышал, но его удивило то внимание, с которым слушали старика.

— Да какие наши дела, дядя Коля? Наше дело маленькое.

— Да, Серёжа, наше дело — это капля в море. Но я тебе, дружок, скажу вот что: на войне я не встречал атеистов.

— Понятное дело! — вмешался парень в блузе с капюшоном. — На фронт идут добровольцы, они верующие...

— А призванные повесткой — становятся верующими! — возразила женщина с ребёнком в коляске.

— Потому что откосить от армии не сумели! — хмыкнул густо усеянный веснушками юнец, вставил наушники себе в ушные дыры и покинул собрание.

— Кому дано уверовать — тот не будет косить от войны! — сказал старик, задумчиво глядя вслед ушедшему.

— Как я понял тебя, майор... — вступил в беседу мужчина с могучим животом, как пить дать — отставной полковник МВД... («О, этот старикан — майор!» — сказал себе Колобродько.) — Как я понял, война — по причине накопления безверия. Как наказание, значит?..

— Наказание — побеждённому! — возразил молодой голос. — А победителю — награда!

— Война — это всем наказание, — внушительно произнёс седовласый старец-майор, и Колобродько почувствовал к нему сильное расположение. — Даже тем, кто считает себя победителями. Наградой можно считать только очищение народа. На какое-то время. И только народа, а не богатевших от народа отдельно.

— Ну-у, — с сомнением протянул Серёжа, мужчина средних лет, — кто в сорок пятом у нас разбогател?.. Не знаю!

— Да не у нас! — откликнулся парень в капюшоне. — Америкосы — те разбогатели!

Старик на это не отозвался. Он продолжил начатую тему:

— Война — во вразумление! Она накапливается, вот как тучи собираются, по нашему греховному естеству. Значит, война — естественна! Если бы все мы были праведны, война бы нас обходила, но разве такое возможно где-нибудь на земле?..

«Точно: проповедник! А я ничего о нём не знаю!» — Колобродько посмотрел на табличку с номерами квартир этого подъезда, но удостовериться в номере дома смог, только выйдя к его торцу.

В записной книжке он начеркал: дом..., кв..., дядя Коля (майор). Если бы не записал, то совестливая память упорно держала бы эту мелочь, расходуя силы, и не давала бы заснуть — а поспать уже хотелось...

Так, вспоминая странного старика, Колобродько и уснул: сначала на одном боку, потом на другом, потом — после посещения определённого места — уже брякнулся на живот, прижавшись к подушке щекой, и всего вероятнее, левой... Отоспавшись в этом положении, он увидел в полутьме, в полусне, неподвижно стоящего как будто человека, который смотрел на Колобродько неподвижно и странно, который не смотрел, а созерцал, а руки его были чем-то заняты внизу, словно он собирался чем-то заняться, да вдруг увидел Колобродько — да так и застыл... Колобродько всё это видел в серых потёмках, из которых торчал очень круглый и лоснившийся лоб незнакомца в полукружии курчавых волос — и торчали его неподвижные лоснившиеся глаза; Ивану стало жутковато. Только состояние сна, в котором он ещё оставался, защищало его неким призрачным коконом. В этом полусне он приподнялся над постелью, ни единой рукой ни на что не опираясь, но единственно — силой сновидения, и прижимая к рёбрам что-то в правой руке — давая понять, что этого ни за что не отдаст, он сделал презрительную гримасу и адресовал незнакомцу фырчащий звук, высунув из выпяченных губ распластанный язык... Тот понял — и растворился во тьме, а проснувшийся Колобродько пошевелил правой рукой. Она была пуста. Ощупал постель — это была его постель, постеленная Машей, а он по-прежнему лежал на животе, прижавшись к подушке теперь уже правой щекой.

«Тьфу, какая гадость!» — выдохнул он всё своё отвращение. Вспомнилось и подумалось, что было бы лучше перекреститься — так надёжнее, а то фигура оказалась не изгнанной, а только растворилась.

«Ну, Иван, ну, и горазд же ты спать!» — повторил он слова, не однажды им слышанные в свой адрес, и, чтобы стряхнуть наваждение, пошёл спасаться в объятиях Маши.

17.

Ценность человека для общества и для истории, по Вершману, определяется его финансовым состоянием и сексуальной одарённостью. Всё прочее — решается: самодисциплиной, здравомыслием и верно сделанными ставками. Вот такие трезвые мысли посетили Вершмана в одиннадцать утра на фоне лёгкого похмелья после попойки с Уэйном Брэдшоу.

Наследник ревельского ювелира считал своё финансовое положение более чем скромным — «просто до смешного». В другом же отношении он много о себе не размышлял, считая фундаментом успеха именно финансы.

Финансисты планетарного калибра были для Вершмана равнозначны богам. Они многих великанов обвели вокруг божественного пальца — Наполеона, Гарибальди, кайзера, Сталина... А что касается тех ничтожеств, чья успешность выглядит необъяснимой, то Вершман успел убедиться в том, что всё решается принадлежностью к клану, а приобщение к клану, и то далеко не всегда, удаётся лишь за счёт зоологических способностей в покорении противоположного пола. Поработав какое-то время в Америке, вскоре он вычеркнул из этих выводов даже слово «противоположный»...

В Содомских Штатах окрепла «политкорректная» мода — словно в подтверждение клейма, пущенного в обиход негритянской партией «Чёрная пантера»: USA, the Ugly States of America...

Вершман не мог похвастаться сколько-нибудь значительной любовной историей и соответствующей закалкой характера к моменту посвящения его в начальный градус тайны мира сего. Поэтому он безотчётно ощущал свою душевную травму и глушил её предвкушениями будущих успехов. «Надо признать, что не все евреи одинаково избраны, — печально пожимал плечами Вершман. — А ведь не так уж нас и много: могли бы их величества рокфеллеры со всеми поделиться... Могли бы? Не сходи с ума, Александр!»

Когда-то он раскрыл наугад биографию знаменитого француза Ива Ливи и прочёл его похвальбу своей «феерической любовной биографией»... Ох уж эти французы!.. — со смешанным чувством сказал тогда Вершман, как сказал бы об инопланетянах или носорогах. Но когда узнал, что Ливи — его соплеменник, то испытал чувство, похожее на обиду.

Ощущение своей обделённости любовной биографией заставило Вершмана доискиваться причин такого положения. Не сразу он нашёл утешительный для себя вывод. Сравнивая собственный опыт с историями одноклассников, сослуживцев, родственников и так далее, он возложил ответственность за всё на свою брезгливость. «Я же никогда не возьму проститутку, — признался он себе самому с чувством знаменательного открытия. — А если я вижу женщину, которой обладал неприятный мне мужчина, то эта женщина вызовет во мне отвращение. Короче, как сказать современному: чтоб захотеть — мне нужен сильный драйв... Или — чистый. Потому что я требовательный. Я максималист. Я — Вершман».

Он с детства любил Стендаля и Тургенева, интуитивно чувствуя в них романтическую неудовлетворённость. Я не в самой плохой компании, говорил он себе. Мысль о том, что бессознательно он равняет их с собой, не приходила ему в голову.

Вчера Брэдшоу сильно позавидовал Вершману, знающему русский язык. Топэмэкс, несколько не завидуя, говорил Вершману, что его русский язык — большое преимущество, оно позволит ему оценить положение русского языка в Татарии, в Якутии — не только в столицах, но и в глубине регионов: стоит он там, язык, или шатается, или кое-где уже закопан...

Брэдшоу хочет казаться простым воякой и рубахой-парнем, дошёл даже до того, что восхищался русскими десантниками и говорил, что нам, американцам, лучше с ними не связываться... В Африке он с ними соприкоснулся. Но не проверяет ли он Вершмана? Или эти подозрения напрасны?

С этими ограниченными вояками нужно быть настороже. А в ограниченности Брэдшоу нет никаких сомнений: любит свой штат Айдахо, предан семье, переоценивает противника... Способен ли он мыслить глобально? Напрасно таких простаков отправляют в дипломатические миссии, просто за военные заслуги... Хотя он только помощник — возможно, хороший: память, логика, дисциплина... Коммодору Пенну лучшего не надо?

Сегодня Вершман встречается с Комитетом солдатских матерей Москвы. Не самый лучший комитет в России. Да и Москва не самый лучший город. Один из лучших комитетов — петербургский... Пожалуй, что в России это и самый лучший город. Поэтому (как русские говорят, «по закону подлости») Вершману туда ехать не светит.

Завтра Вершман — на конференции партии «ПАРВУС». Послезавтра — встреча с муфтием... В пятницу — выступление в МГУ плюс дискуссионный клуб. Может, и не придётся торчать в Москве целых три месяца. Двух тоже хватит. А потом — Татарстан... Потом — Великорецк и его громадная территория. К тому времени в Сибири совсем потеплеет.

Он скажет губернатору Аслянскому, что видел его на приёме в посольстве в сопровождении женщины. А губернатор должен будет сказать, кто эта женщина.

У Маши выходной день: она ждёт Ивана Колобродько и «собирает» ему борщ. В Херсоне или на Кубани, откуда Маша родом, уважающие себя хозяйки «собирают» или «складывают» борщ, то есть священнодействуют. А Маша с Иваном — с двух берегов Азовского моря, то бишь земляки.

Пусть Иван порадуется. Судьба у него как у перекасти-поля: где родился — а где пригодился; а потом ещё на ту напоролся, за которую боролся: на первую свою, на красавицу.

Себя красавицей Мария не считала. Она была небольшого роста, полновата в талии; черты лица её были мягкие, женственные, но она уже слышала о себе и могла сама повторить, что недостаточно фотогенична. Однако прошлый Машин муж, отец Олежки, её настойчиво осаждал, склоняя к замужеству, а добившись своего, не отпустил её учиться, усадил на дому, «на хозяйстве». Похоже, они все такие, западенцы. Вот теперь она и мыкается, как простая кастелянша. А муж, практически бандеровец, делает карьеру на Херсонщине и, наверное, разыскивает Машу с сыном, да только руки у него коротки. Олежка боялся отца — потому и Машин побег в Россию удался.

На часах уже полвосьмого вечера, Олежка раскрашивает детскую «книжку», скоро должен прийти её Иван. Защитник — и господин.

Он пришёл. У него неприятности — это Маша сразу видит. Как он входит (медленно), как здоровается («привет»), как смотрит (куда-то в угол).

— Что случилось, Ванюша?

— А то ты не знаешь? Мальчики пропали. То есть их убили.

— Все про это знают, Ванюша! У тебя неприятности?

— Всыпали мне, что одного сотрудника отпустил на родину.

Олежка, против обыкновения, тоже к Ивану не подбежал, смотрит издали.

— Больно всыпали? — спрашивает Маша.

— Юльдин, он умеет! — усмехнулся Колобродько, и Маша снова в нём признала своего бесстрашного майора.

— А ничего, Ванечка! Ничего он тебе не сделает!

— И то правда! Личного состава — некомплект.

— Вот и слава Богу! — невпопад ответила Маша. — Я важнецкого борща сварила!

— Ну, здравствуй, моя хорошая! — по-новому посмотрел ей в глаза Колобродько и легонько охватил её талию.

Олежка осмелел и ухватил дядю Ваню за штанину.

После ужина он забрался к дяде на колени с книжкой-раскраской, Маша перемывала посуду и таяла при взгляде на них, а Колобродько думал о том, что опять он не оставил письмо для Насти в частном секторе Базаихи, в доме по соседству.

* * *

Утром он поднялся очень рано, чтобы успеть в Базаиху с письмом.

Женщина, переправлявшая письма между отцом и дочерью, получала за это скромное вознаграждение, а майор всегда предусмотрительно забирал с собой своё прошлое письмо — вместе с ответным от Насти, чтобы можно было их перечитывать. Да ещё и чтоб улики не накапливались: враг — он же не дремлет.

Майор по телефону предупредил Галину Васильевну о своём приходе (что для неё было равносильно возрастанию на пятьдесят рублей будущего месячного вознаграждения) и быстро, не раздеваясь, не рассиживаясь, получил от неё Настин конверт.

«Здравствуй, дорогой папочка!

Не могу дождаться нашего третьего четверга! И дождаться, когда буду взрослой, чтобы жить на свободе. По химии у меня всё так же тройки, иногда четвёрки, а вообще, я учусь хорошо. Классная руководительница меня не ругает, а химичка меня не любит. Но ты к химичке не ходи, а то она маме наядбедничает. Они почему-то дружат уже целый месяц. Наверно потому что мама теперь приходит в школу за мной. Но меня химичка всё равно не любит, а мама, как всегда. У нас в классе появился новый мальчик, его отец работает на ТЭЦ. У него тройки, двойки и пятёрки по физвоспитанию. Его мальчишки боятся, а он меня не даёт обижать. Он в шестом классе во второй раз, приехал из Железнодорожка. Желаю тебе поймать бандитов, которых ты ловишь. Целую тебя! Твоя дочь Настя».

Колобродько вложил Настино письмо в конверт — к своему письму, возвращённому Настей — и сунул их в нагрудный карман. От рябившей в глаза реки Базаихи стало больно смотреть, защищало в носу. Он прошёл вдоль речки к Енисею, но в это время суток гладь великой реки заставила

его зажмуриться: он постоял с закрытыми глазами, глядя на мир сквозь красную живую пелену кровяных телец, потом развернулся через левое плечо и зашагал по делам, согласно Настиным пожеланиям.

* * *

Эти дела грозили оборваться, не получив развития и завершения.

Дочка думает, что папа ловит убийц... Но когда папа в кругу сослуживцев заводит речь о московской бригаде суперследствия, сослуживцы переглядываются. Почему?

«Почему отмалчиваетесь?» — спрашивает их Колобродько. Кто отвернется, а кто задрезбит мелким смешочком.

Только знакомый гаишник на трассе что-то откровенно захотел сказать. Пошевелив своим жезлом, Виталий остановил машину Колобродько и подошел поговорить:

— Давно не виделись, Иван Пантелеевич!

— Так ведь бензин дорогой! Хожу пешком! Привет!

— Как твоя «семёрка»?

— Всем на зависть! Как ты?

— Я чё тебя остановил... Что со следствием по мальчишкам?

— Ничего не знаю. Только разнобой в речах у генералов.

— Понятно. Так я и думал, — здесь Виталий крепко выразился. — Имитация бурной деятельности. Помяни моё слово — это вечный висяк. Не дадут разрастись: закроют его — и с концами.

— Похоже на то. С другой стороны, крепкий адвокат на стороне потерпевших.

— Адвокат — не следователь. И не министр. Долго ли ему за нищих бороться? Он что — фанатик?..

— Отзывы хорошие. Настырный сибиряк. Но нам запретили с ним общаться.

— Я ж тебе говорю! Это плановый висяк.

Они помолчали.

— Как дочка? — спросил Виталий.

— Через неделю свидание. А твои как?

— Всё путём. Меня пока не выгнали.

— Типун тебе на язык!

— А я пальцы складываю! — шёпотом признался Виталий и показал, как...

Пожав руку друг другу, они расстались, и Колобродько поехал в отдел уже не с таким тяжёлым настроением... Несмотря ни на что и вопреки всему.

После пяти часов сидячей работы с бумажками Колобродько оставил машину на служебной стоянке, чтобы потолкаться в автобусе, а потом вышел за две остановки от дома — неожиданно для себя захотел пройтись. Шёл, ни о чём не думая, повесив буйну голову, ноги несли его сами...

И тут знакомый, с пришепётываньем, голос заставил Колобродько поднять глаза: давешний старик беседовал с людьми на том же месте, но сейчас у него было только двое слушателей — средних лет мужчина и женщина.

Колобродько остановился напротив подъезда, что вынудило эту пару — с поклонами, с поглаживанием старику рукава — попрощаться.

Старик вопросительно посмотрел на Ивана.

— Николай Фёдорович?..

Старик молча кивнул.

— Я живу по соседству. Меня Иваном зовут.

— А выглядишь как Илья, по прозвищу Муромец.

(«Простой!» — подумалось майору.)

— Только сплю не на печи, а где попало.

— Где попало — плохо! — ответил старик.

Он устало опустил на скамью, отставивши в руке суковатый посох как древко, и жестом пригласил Ивана сесть рядом.

— Ну и кто ты, Иван?

«А ты кто, старче?» — подумал Колобродько, но вслух произнёс:

— Начальник райотдела милиции.

Старик переставил палку и оперся на один из суков обеими руками.

— Допрашивай, гражданин начальник.

— Я не допрашивать... Вы разве были в заключении?

— Бог миловал.

— Зовите меня просто Иваном.

— Про убийство мальчиков можешь не спрашивать, Иван. Я не ясновидец — так и родителям Максима сказал. Я только утешитель.

Необычное ударение в слове не ускользнуло от Колобродько, и он его запомнил.

— Так это они, что ли, были?

— Ты угадал.

Колобродько дёрнулся встать, но старик придавил его локоть:

— А что ты им скажешь, Иван? Только спрашивать будешь! Не надо этого.

«И правда, что я им скажу?»

— Лучше расскажи, с чем шёл ко мне...

В тот миг, когда Колобродько услышал и заметил старика беседующим с супружеской парой, он захотел спросить его, не знает ли тот пропавшего электрика с траулера: он воспринимал старика как некоего мудреца-экстрасенса. А сейчас, неожиданно для себя, стал рассказывать ему без утайки свою собственную жизнь. Неожиданным было то, что слушателем оказался не случайный попутчик в поезде дальнего следования, с которым ты можешь и адресами не обменяться — больше никогда не свидеться, а человек, живущий с тобой бок о бок, с которым ты и в магазине, того и гляди, по-встречаешься.

Не сразу Иван спохватился, что Маша его ждёт... Вытащив из кармашка сумки телефон, он стал набирать её квартиру. Николай Фёдорович, уже посвящённый в семейные обстоятельства Ивана, молча слушал их разговор, а потом сказал:

— Венчаться надо.

— Венчаться? — удивился Колобродько. — Или регистрироваться?

— Без регистрации не обвенчают, — пояснил Николай Фёдорович. — Разве что левый поп из какой-то секты.

— Как же она распишется со мной, не будучи в разводе с тем бандеровцем?

— Вот видишь — грех какой! Молитесь — и Господь управит...

— Да я не знаю, крещён ли я сам, а креститься ведь можно только раз...

— Ты что, ни разу в церкви не был?

— Только в малые годы, с бабушкой.

— Значит — крещён! — уверенно сказал Николай Фёдорович. — Не сомневайся. Молитесь, чтоб Господь освободил её от изувера. Сходите исповедаться...

— Да не верю я попам.

— Когда ты им не веришь? Ты же никогда их не видишь. Посмотри, как люди исповедуются, как на батюшку смотрят: если светятся, глядя на него, смело к нему иди!

— Я когда-то спрашивал одного попа: как мне быть — у меня столько грехов! — а он говорит: а ты их все запиши — и подай!.. Мало того, что мне уже стыдно, так ещё эта канцелярская формальность!

— Ты не понимаешь, Иван! Тут нет никакого делопроизводства. Если много накопил нераска-янных грехов — проще их переписать, чтобы ничего не упустить: так ты упростишь и сэкономишь время себе и людям, стоящим в очереди!

— Что, там ещё очередь?!

— А как же! Прихожане стоят. Ты сходи, понаблюдай! Обычно с десяток человек стоят, ничего страшного. Кто в церкви часто, у того короткая исповедь, а у тебя будет батюшке что почитать.

— Так, а потом что? Куда бумага?

— Эх, Иван... Драть тебя некому!.. Прочитав бумажку, священник её рвёт на мелкие кусочки и в корзину бросает: ты исповедался, а он тебе «отпустит» грехи — или не отпустит, наложит епитимью, то есть наказание. Когда отпустит, когда исполнишь епитимью, тогда причастишься тела и крови Христовой.

Эти слова прозвучали диковинным звоном в ушах у Колобродько.

— Ничего не понимаю в этом! — чистосердечно признался он.

— Тогда почитай объяснение богослужений, купи в церковной лавке. Или возьми книгу Гоголя: «Размышления о Божественной Литургии».

— Неужто Гоголь написал? — удивился Колобродько. — Или это однофамилец?

— Гоголь, Николай Васильевич! — с удовольствием выговорил это имя Николай Фёдорович.

Колобродько в изумлении повращал головой: чудеса! И слова-то странные: грехи «отпустить». Куда?

Он спросил об этом Николая Фёдоровича.

— А это так перевели греческий глагол. Ведь Новый Завет был написан по-гречески. А у них, у греков, каждый глагол имеет значений целый сноп... Ну, сноп не сноп, но несколько русских слов понадобится для перевода. У них глаголы многозначны очень. Вот и этот глагол имеет значения оставить, покинуть, отпустить, позволить, обойти стороной, прекратить...

Старик с видимым удовольствием перечислял значения иностранного глагола, и всё объяснилось тут же:

— Можешь мне, как филологу, поверить!

«Ого, с кем я связался!» — сказал себе майор.

— Это ваша специальность?

— Моя специальность — славянские языки: чешский и сербский. Но филологу всё любопытно.

— И что? На славянские языки спрос имеется?

— Никакого! — бодро ответил Николай Фёдорович и рассмеялся. — Но ведь я — пенсионер!

— А кто-то вас называл майором.

— Есть такой чудак. Не знаю, почему он так меня зовёт. Я — сержант, механик-водитель танка.

— Как же вы стали филологом, а не инженером?

— А вот когда я на танке приехал в Чехословакию, наслушался там чешского радио — и полюбил их язык...

Они оба уже продрогли, и начало смеркаться, поэтому майор Колобродько решил задать свой вопрос, с которым изначально и подошёл:

— Вы случайно не знаете такого Геннадия, моряка рыболовного флота? Без жилья он тут ошивается...

— С неделю уже его не видно. А что он тебе?..

— Хотел его поспрашивать, а он пропал.

— Поспрашивать по этому страшному случаю?

— Ну, да.

— Утешься тем, что всё известно Богу. А души, добрые и злые, всё равно бессмертны. Ещё придёшь — поговорим.

Колобродько шёл домой, точнее — к Маше, без той сонливости, с которой он подходил к этому крыльцу. Непривычно бодрое состояние наполняло его. Но он ещё не догадывался о бессонной ночи впереди.

* * *

Маша не узнала своего Ивана: с порога её обнял и закружил, с Олежкой прыгал и скакал, оба разыгрались — так что ребёнок долго не мог уснуть и всё затевал вопросы, утомляя старших.

А когда, наконец, уснул Олежка, уже спала и Маша; Иван долго лежал, глядя в потолок, время от времени жмурясь; потом повернулся на бок и приготовился спать... Задремал. Когда уже сон в нём надёжно поселился, вдруг за окном раздался похожий на ржание издевательский хохот. Именно издевательский.

«Хулиганы поганые!» — подумал Колобродько, не желая обращать внимание. «Ха-ха-ха!» — залиvisto ответил хохот. Тогда Иван открыл глаза.

Стояли привычные комнатные тени, и струился по потолку далёкий уличный свет, пробивавшийся в щель между шторами. Тихо дышала Маша. Задрезжало оконное стекло; но этого быть не могло: прошлой осенью Иван поставил новые окна. Ещё работало отопление, в комнате было тепло.

Он встал и подошёл к окну, выглянул... Ничего непривычного. Ещё не лето, чтобы компании с гитарами и бутылками собирались под окном... На всякий случай он решил наглухо закрыть окно, повернул ручку, проверил — и тут ещё более явственный хохот раздался у него в ушах, и кто-то тяжело отбежал из-под окна, издевательски хохоча.

Машина квартирка была на втором этаже, кто отбежал — было не увидеть...

«Неужели у Маши здесь был до него неизвестный дыхатель?» Колобродько отбросил этот вопрос как безумный и вернулся в постель.

Когда сон стал возвращаться — с головной болью на этот раз — звуки изменились: ему снилась виденная по телевизору сцена, как крокодил пожирал ещё дёргавшуюся в челюстях антилопу... Только по телевизору этих звуков не было, а сейчас они были явственны: щёлканье зубов и хруст костей, шум мутно-зелёной воды, урчание хищника и писк жертвы. И почему-то, вопреки всякой правде, это урчание длилось невероятно долго: до самого утра, до самого подъёма.

20.

В Москву приходит лето: небо совсем уже летнее, совсем уже летний газон — притом совершенно русский. То есть не райграсс английский, а тимофеевка, одуванчик, клевер с подорожником... Типичный для окраины газон: необновляемый кусок земли — и та растительность, какую «бог послал». А если русский коммунальщик, будь он хоть таджиком, станет этот газон подстригать, то скошенную траву оставит обязательно гнить или сохнуть на подстриженном газоне. Поэтому все газоны у русских пёстрые, пятнистые, неудобные — тьфу! На это свинство посмотрелся Вершман, ещё будучи на стажировке. Только девушки красивые. И недаром они хотят эмигрировать, выйти замуж за янки, ездить не абы на чём и грамотно стричь газон. А потом грамотный адвокат научит их выгодам развода и грамотной стрижке капиталов мужа. Экс-мужа. Ибо что есть в мире честного? Почти ничего. А если честность и есть, то это синоним глупости.

Вершман приехал в Подмосковье на экуменическую конференцию: к муфтиям, пасторам, игуменам, архимандритам... Экуменизм — довольно скучная вещь, но терпимая. А вот газоны Вершмана возмущают. Не умеют русские пользоваться землёй, поэтому она у них будет отобрана. Как говорят церковники: аминь.

Но не только девушки, увы. Мужики русские — те воевать умеют. Самолёты у них — тоже отличные. Но мы им крылья уже подрезали: пусть наши «Боинги» покупают. Спросить бы Уэйна — как насчёт истребителей? Неужели у русских они лучше, как о том они сами с индусами трубят?

А ведь после Суворова у них только одно поражение — Крымская война. И то — если бы царя оставили в живых, то ещё неизвестно... Битва под Бородином — боевая ничья. Но потом они все карты Наполеону спутали... Ещё одна ничья — с японцами. Но Витте, молодец, устроил победу японцам!

А интересно, что бы было, если бы они сошлись с Наполеоном: Суворов и выскочка-император. Их, вероятно, наш еврейский бог не свёл, иначе была бы катастрофа мировых финансов. А вот Россию и Америку — сведёт: ради спасения финансов.

Конечно, он велик — Наполеон. Но ему не хватило нашей гениальности. Вообразил себя равным самой британской короне — старейшей интриганке новой эры! Он только один на один бывал непобедим, мог бы, наверно, и Британию одолеть (Суворова оставляем за скобками), но даже Кутузов его перехитрил. А «Битва народов» 1815 года — это, по сути, коллективная облава на одинокого волка. Который не понимал отведённой ему роли и вышел из-под контроля, наивно думая, что он — дитя Французской революции. Не знал он, кто её заказывал!..

Но чтут его по сей день! А почему? А потому, что след оставил! Непустяковый след. Всю Европу

заставил перейти на правостороннее движение (кроме Британии, естественно) — уже этого немало. А ещё оставил «Кодекс» — фундамент современного права.

У русских тут, конечно, провал. Древняя «Русская Правда», Ярослав Мудрый и «Домострой» — разве это серьёзно? Права — нет. Уважения к деньгам — тоже нет или очень мало. Если встретишь русского в поклоне перед деньгами — и скрести его не надо, и к гадалке не ходи: это наш человек. На худой конец — татарин, и то лишь по фамилии.

Как их можно уважать после этого, не говоря уже о том, чтобы любить? Бояться — другое дело: и можно, и нужно! Чёрт их знает, что за номер они могут завтра выкинуть?

* * *

На конференции Вершман гулял с полученной от оргкомитета биркой на груди — «...журналист из Вашингтона, Ди Си (округ Колумбия)». Если бы оргкомитет не раздавал этих бирок, Вершман навесил бы собственную, более вызывающую, чем подмосковная: «Алекс Вершман, Фонд «Херитидж», США». Карточка была важна, на неё клюнут люди с активной позицией. Кроме того, она давала право подойти к любому участнику и без предисловий задать любой вопрос.

Не прошло и пяти минут, как ему позвонили: человек представился анонимно — представителем Русской Церкви — и спросил, где можно, у какого окна, у какой колонны, Вершмана найти.

Подошёл человек с подобной же биркой, где значилась русская фамилия, с улыбкой поздоровался и, дёрнув плечами, по-русски сказал:

- Вы знаете, один мой друг из штата Юта беспокоится...
- Могу угадать о чём: что численность русских мормонов не возрастает?
- «Русских мормонов», говорите? Немыслимое сочетание! Я бы сказал: *российских*.
- Да, понимаю. Но в западных языках оба эти слова переводятся одинаково.
- Так вы, вероятно, внесёте ясность в этот вопрос — в вашей будущей книге?
- Не вижу целесообразности.

Весь этот диалог означал одно: что человек, позвонивший Вершману, никем не подменён, телефон, с которого произведён звонок, никем не украден, и они могут говорить об интересных им вещах предельно откровенно. В том числе и о том, что собой представляет «русская церковь» этого господина.

Ещё это подразумевало, что до наступления вечера им надо поговорить, сойдясь в одной из непубличных организаций, кои безбедно существуют в Москве; а вечер Вершмана уже был отдан деловому ужину с дамой — президентом российской АРМИА, то есть «Ассоциации региональных и местных информационных агентств»: дружеская встреча коллег-журналистов.

Открывая конференцию, долговязый пастор предложил собравшимся предаться общей молитве без слов, каждому про себя, во имя общих идеалов и ради успеха конференции.

Минуты две все стояли — кто, потупив голову, а кто, устремив очи в потолок, и Вершман не мог отделаться от ощущения, что это ритуал похоронного свойства: «минута молчания».

Ведущий предоставил слово представителю евангельских христиан Украины, предварительно похвалив новые украинские власти за «религиозную толерантность» и восприимчивость к проповеди харизматических общин во время так называемой «оранжевой революции».

Сидевший справа от Вершмана худенький мальчик в рясе (или в подряснике? — Вершман не разбирался в облачениях) хмыкнул и обернулся к нему за поддержкой:

- Они что — монополисты на Евангелие?
- Вероятно, лучше других его поняли! — вежливо улыбнулся Вершман.

Инок вытянул шею вперёд, чтобы искоса взглянуть на бирку Вершмана, и молча уставился на трибуну.

Оратор стал рассказывать, как они приближали победу оранжевого президента, который представляет собой Божий огонь для очищения власти: поставили «молитвенную палатку» на Майдане, кормили и обогревали протестантов, перевязывали раны и ушибы, устраивали пересменку, координацию и связь, привлекали популярных артистов и футбольных фанатов...

— Что и требовалось доказать! — с мрачным удовлетворением произнёс инок, больше не глядя в сторону Вершмана. — Новые пятидесятники!

Вершман наострил уши и сделал стойку.

— Простите, а вы какой конфессии?

— Настоящей! — ответил инок. — Православной, значит.

— А разве вы можете посещать экуменистов?

— Батюшка благословил: сходи, говорит, на разведку! Он у нас офицер-афганец, — охотно поделился инок, польщённый вниманием соседа.

На них усердно зашикали, но Вершман не стал упускать контакт. Он шёпотом спросил:

— Скажите, как, по-вашему, президент России в Бога верует по-настоящему?

— Конечно! — искренне возмущившись вопросом, прошептал инок. — Только «президент» и «Россия» — несовместимые вещи. Кошунство — эти слова соединять! Только «президент РФ»!

На них уже возмущённо смотрели отовсюду, поэтому Вершман выждал несколько минут, прежде чем спросить:

— А для России — кто тогда?

— А для России — Царь! — пронзительно глянул инок.

Впрочем, Вершман мог бы и не спрашивать: эту тему он проходил ещё в Штатах и знал имя не одного кандидата на престол. Ему только было важно, со страстью или безразличием ответит ему этот мальчик.

Тем временем оратор приводил громадные цифры людей, освобождённых сектантами от наркотиков или зелёного змия и подчинившихся харизматическому культу. «В России наши успехи пока не столь внушительны, однако наши методики апробированы и адаптированы с прицелом как на провинцию, так и на столичный регион».

— Что и требовалось доказать! — прошептал инок.

Представительница «комитета солдатских матерей» приветствовала собрание, как она сказала, «высокой духовности» и привела статистику «материнских успехов», призвав мусульманские народы России активнее обращаться в комитет за помощью:

— Поможем, подскажем, научим!..

Инок мял пальцы рук и молчал.

Так он помалкивал до самого перерыва, кроме случая, когда показался на трибуне ректор «православно-христианского института».

— Кошечотов! — прошипел инок. — Атаман разбойников! Для него православие и христианство — не совсем одно и то же.

Во время перерыва инок потерялся, а Вершман заторопился на сокровенную беседу с сановитым представителем неопознанной «церкви».

(Тайна этой беседы неприкосновенна.)

* * *

Председатель региональных и местных информагентств разочаровала. То, что у русских называется «бой-баба»: ноль утончённости, верх вульгарности. Когда же пускалась кокетничать, к Вершману возвращалось памятное ощущение, испытанное им — десятилетним — в автобусе на горных дорогах Крыма. В то же время легко было поверить, что она — эффективный менеджер и «промоутер» в контактах с местными российскими «элитами», бюрократами и, чем чёрт не шутит, криминальными авторитетами.

Разговор у них сводился, если не считать банальностей, естественных при общении в ресторане, к такой же банальной просьбе Ассоциации увеличить финансирование, а со стороны Госдепартамента — к расплывчатым обещаниям, при доказанном повышении эффективности.

— Ведь мы с вами чем занимаемся, Алла Борисовна... Собственно, тем же, чем заняты политика, журналистика... Да и та же церковь: нейролингвистическим программированием! Формируйте контингенты друзей: скажем, «Друзья агентства «Алтай-пресс», «Клуб друзей «ARMIA» и так далее. Эти друзья должны быть готовы за вас, я имею в виду, за ваши издания, за свою тусовку, чужие пасти рвать — не хуже футбольных фанатов! Конечно, придётся с ними делиться: что-то отстёгивать.

И когда мы увидим и услышим о резонансных успехах, можете быть уверены: финансирование будет увеличено.

Крупные черты лица Аллы Борисовны отяжелели, а губы подобрались к носу. Вершман почувствовал необходимость её развлечь. Он сообщил ей о запланированном семинаре для региональных изданий, который намечен на сентябрь в Калифорнии и где ей точно понравится, а потом с самым дружеским видом стал давать советы... Отметив, что российские СМИ хорошо освоили придуманный на Западе титул для экранных знаменитостей — «звезда», распространив его на целый ряд смежных видов деятельности, от порнозвезды до звёзд спорта, он предложил продвигать в сознание масс такие титулы как просто «активист» (вместо надоевших слов *хулиган*, *диссидент*, *тунеядец*), опять же недоосвоенное понятие — «блогер»...

— Даже такие старые слова, как *эксперт*, *философ*, *политик*, Алла Борисовна, стоит раздавать более широко, более щедро. Вам не кажется? Чем больше экспертов и комментаторов, тем в большей мы с вами безопасности, Алла Борисовна.

Женщина выкатила на него свои большие глаза и согласно кивнула.

— Вот, скажем, такой остроумный писатель из Эстонии... — Вершман сделал вид, что вспоминает и щёлкнул пальцами, а собеседница тотчас подсказала. — Да, да, он самый! Парадоксально мыслит. И почему бы вам не произвести его в философы? Между прочим, ТВ уже согласилось!

— Да он скучный, по-моему, как элементарный сплетник! — состроила гримасу Алла Борисовна.

— Позволю себе не согласиться с вами. Считайте это рекомендацией.

— Пипл, конечно, схавает! — согласилась мадам президент.

— Ещё, помнится, начинались в России проекты политической «православной партии», но, увы, провалились... Было бы неплохо, если бы продолжилась дискуссия о православной партии как альтернативе... нет, не альтернативе, это не пройдёт... Как о дополнении к той же соборности...

— Это нетрудно сделать! — кивнула Алла Борисовна.

Вершман рассмеялся:

— А чтобы эффективно?..

После этого обмена мнениями ужин проходил в ничего не значащей болтовне и туристских воспоминаниях: Вершман не мог решить, что лучше — Буэнос-Айрес или Рио, зато Алла Борисовна считала раем земным Таиланд.

* * *

Как видите, дорогой читатель, Алекс Вершман — по-своему обаятельный и симпатичный парень: не сионист, а лишь умеренный еврейский шовинист (но это — сентиментальное отношение, без экстремизма), экуменист — без убеждённости в том, что Бог существует. И точно так же он не уверен в теории эволюции Дарвина, в теории относительности Эйнштейна. Даже спор о том, где состоялась высадка американцев на Луну — в Голливуде или наяву, — его несколько не занимает.

Вершман способен подолгу размышлять о деньгах и о планетарных состояниях таких недоступных личностей, как Ротшильд и Рокфеллер, но мыслит он об этом поэтически, представляя себя в их шкуре. Он согласен с Чезаре Ломброзо относительно подверженности соплеменников определённым заболеваниям, но только потому, что к числу патологий он относит и еврейскую гениальность, которая несомненна. Он готов посмеяться над Наполеоном, которого ловко использовал Ротшильд. И, кстати, где сейчас Наполеон, а где Ротшильд?.. Но столь же поэтически он и восхищён Бонапартом.

Есть ещё в нём симпатичная черта: при всей нелюбви к русским и к стране их проживания, он ценит русский язык, особенно еврейских гениев, превзошедших сам этот язык.

Но что в этом странного? Русские — люди, ему неродные. А русский — это его родной язык. Хотя и по-американски он выражается теперь свободно. Но, если по секрету, американский — это совсем не то.

В то время как Вершман исполнял свою миссию в Москве, мысленно готовясь двинуться на восток, из Владивостока начал своё движение на запад, на Москву, знаменитый автор бестселлеров Каку Жервезу. Чтобы никто не подумал, что это «звезда» футбола, повторяем: это знаменитый пи-

сатель, родившийся в Бразилии и пишущий на португальском языке. Кроме того, что знаменит, он ещё и модный писатель-иллюзионист. Это он начал называть свои романы, опираясь на профессию центрального героя: «Знахарь», «Химик», «Судья», это в подражание ему Патрик Зюскинд (опять же — гений!) написал своего «Парфюмера».

И это о нём сейчас спорят в райотделе милиции Джабраилов и Гордус.

— Да никакой он не нобелевский лауреат! — горячится Джабраилов.

— Но его же президент пригласил! Не может быть, что не лауреат! — упрямится Гордус. — Какая выгода ему нелауреата приглашать?

— Откуда я знаю? Значит, книжки ему нравятся!

— Да не читает он книжек! — упрямо спорит Гордус. — Когда ему их читать?.. А знаешь, позвоню-ка я Гришке в транспортное управление, он детективы кропает, наверно, и об этой какашке он в курсе... (пауза, тычет в кнопки мобильного) Гриша, привет! Слушай, вы первее нас должны знать: кто там такой проехать-проследовать должен, к Самому в Кремль?.. Ну да, он Каку... Жервезу, да... Что ты говоришь?! Ой!.. Ну, даёт! Ну, и наш даёт! — Гордус заржал, явно вторя собеседнику. — А сам-то как? Ничего? Завидую транспортникам! Всё у вас по расписанию! Пока!

Отключив телефон, Гордус сколько-то мгновений трясся от беззвучного смеха.

— Ну, мальчики, ржачка! Он думаете, как человек путешествует? Нет: он Каку Жервезу! Сколько вагонов у него, по-вашему?..

— Пять! — выпалил Джабраилов.

— Ну, пять не пять, а два — тоже немало! В одном — он сам и его кабинет, и его повар с кухней. А в другом — подруга, маникюрный кабинет и ванная комната!

— Ни ха-ха себе! — присвистнули «менты».

— Это ж сколько стоило всё это доставить! — изумился простодушный Тоха Венчиков (обычно молчун, поскольку всегда его поднимали на смех).

— Тю на тэбэ! — хохотнул Гордус. — В отечестве нашем чего только не найдётся, если искать по дипканалам!

— А... — произнёс Венчиков, поникая головой, и более не встретал.

— А сколько у него стоянка будет? — спросил Джабраилов. — Экскурсии или чего?..

— Не-а! — Гордус отрицательно поворачивал своей круглой головой. — За наш Енисей он не зацепится, проследует хотя и медленно, но без остановки. Может, на Байкале останавливался... А про то, что в Великорецке есть библиотека, ему Кремль не сообщил.

В это время распахнулась дверь кабинета майора Колобродько — и он показался с красным донельзя лицом.

— Я — к полковнику Юльдину! Если что, звоните на мобильный!..

...Только что майору на его мобильный звонил — нет, не исчезнувший Геннадий, а отъехавший Ваха Косцинский.

Звонил он ему, отчаянно прося о помощи, поскольку находился в обстоятельствах отчаянных. Он уговорил свою сестру Ванду-Фатиму переехать к нему в Великорецк. Или хотя бы погостить. Сестра — она вообще странная — попросила его надеть милицескую форму. Пришлось потратиться на форму, но дело не в этом... Доехали до Ульяновска — и там сестра попыталась улизнуть. Благо, что Ваха взял с собой в дорогу наручники и кое-что ещё. Теперь они с сестрой едут дальше рука об руку, но он не знает, что может произойти в любую минуту... Сейчас она, кажется, спит... Но кто её знает?

Узнав о таких обстоятельствах, полковник Юльдин не выбирал ни слов, ни выражений. Он стал рассказывать майору, что его ждёт в ближайшем будущем, и к чему он сам, полковник Юльдин, приложит руку... («двумя руками сотру в порошок!»)

Выдержав этот ураган чувств несчастного полковника, которого так подло подставил этот злополучный майор, несчастный Колобродько попытался внушить полкану, что в интересах их обоих тихо дожидаться Косцинского с этой женщиной, разделить их — и отдать Фатиму на психиатрическое освидетельствование. Надо только встретить их на перроне, а ещё желательней — встретить поезд на въезде, вместе с транспортной милицией...

— Всё равно тебя в порошок сотру! — не скрывая ненависти, произнёс Юльдин. — Ладно... Иди! Позову, когда надо!

И потянулся к телефонной трубке.

* * *

...Нет худа без добра: у народа низкая покупательная способность, пассажиров не очень много — и в купе, где Ваха с Фатимой, больше нет никого. Проводница обещала, если объявятся люди с билетами к ним в купе, их перемещать на другие свободные места, ссылаясь на милицейский форс-мажор. Уже недолго осталось и, похоже, обойдётся.

Усыпив сестру снотворным, Ваха смог на какое-то время забыть...

Он видит свадьбу из латиноамериканского сериала — про то, как он, Ваха, отдаёт сестру замуж безымянному жениху с чёрно-жёлто-красным пересушенным лицом. Ваха знает о женихе только то, что тот — «безработный коммерсант», а увидеть его глаза он никак не может: они пропадают в кожаных кармашках век.

Свадьба идёт своим чередом, но это не мешает жениху заниматься своим «бизнесом», который он тут же разъясняет Вахе. В своём телефоне он выпилил, по его словам, «гребёнку», чтобы ни провайдер связи, ни какая угодно спецслужба не могли определить номер и место, откуда звонит жених.

Ваха смотрит на свадебные танцы гостей и на обувь гостей, похожую сразу и на лапти, и на сандалии.

— Это «мóцо», — говорит ему жених, — подошва сплетается из веревок, пропитанных глиной, навозом и бычьей кровью, утаптывается на горячем камне и служит после этого — вечность. Так было раньше...

— А что, теперь меньше служит?

— Нет, не в этом дело. Теперь не бычья кровь, а человечья, но люди разницы не чувствуют. Понимаешь?

Ваха смотрит в глаза жениху — и снова их не видит. Отворачивается от жениха и спрашивает:

— А где моя сестра?

— В самом деле!.. — откликается жених и начинает хохотать.

Но свадьба продолжается, несмотря ни на что, а Ваха просыпается... Сестра спит рядом.

Несколько мучительных минут он пытается вспомнить, как звали жениха, но вспомнить невозможно. Странное лицо «жениха» почему-то кажется знакомым — и знакомо отвратительным...

Вспомнить не получается: Ваха давно не смотрит телевизор.

* * *

Придя к себе домой — даже не к Маше и даже не разоружившись — майор проверил, хорошо ли заряжен телефон, и положил его на прикроватную тумбочку. Машинально почистил зубы, потом, поколебавшись, выпил рюмку водки — и брякнулся в постель.

В течение десяти часов, пока спал майор, где-то рядом урчали и чавкали чудища, пищали мыши, скрежетали челюсти, изрыгались проклятия.

В те же десять часов была объявлена тревога, в ходе которой было приказано не трогать майора Колобродько. В ходе контртеррористической операции, ещё засветло, был задержан пассажирский поезд и уничтожен террорист, захвативший заложницу. Спасти заложницу не удалось. Отряд СОБРа обеспечил безопасность проходящих поездов без нарушения графика движения.

По параллельной колее мирно проследовал на Омск-Екатеринбург-Москву состав с четырьмя литерными вагонами элитного класса.

22.

Это невозможно было понять и воспринять — даже майору милиции.

Когда Юльдин сухо сообщил майору, что тот проспал целую КТО (контртеррористическую операцию) и предъявил ему документы об увольнении Вахи Косцинского — личный рапорт «по собственному желанию» и соответствующий приказ, то Колобродько даже не взял эти бумаги в руки.

Перед ним встал мучительный вопрос: как быть? Как дальше жить? И надоевшие прибаутки Юльдина он пропустил мимо ушей:

— По традиции награждать непричастных — можем и тебя наградить! Ха-ха-ха!..

Он сказался больным, но отправился не в санчасть и не к Маше, а на поиски Совертинского.

Старик не признавал оперативной связи по телефону, назвав это «взломом тишины и покоя», а Колобродько до сих пор не испытывал нужды в личной электронной почте; поэтому пришлось идти искать его по-дедовски — ногами.

Несколько раз прошёлся Колобродько мимо подъезда Николая Фёдоровича, но старик не выходил. Офицеру милиции положено знать и номер квартиры, и телефон разыскиваемого, но майор боялся «не вовремя» потревожить отшельника.

Настя верит, что папа ловит убийц, а папа даже пропавшего «осведомителя» не нашёл. Но Николай Фёдорович утешает майора тем, что Богу всё известно, Его Суда никто не избежит.

Весь тот разговор со стариком живо помнился майору. Тогда он старцу возразил, что его, Колобродько, профессия — охранять порядок на Земле: ведь если бы мы, правоохранители, не охраняли, то на Земле прекратилась бы жизнь.

Совертинский только посмеялся.

— А ещё говорят, что если все уйдут в монастырь, то человечество прекратится. Но есть и такое утверждение, что монастыри молятся за человечество... А человечество никогда целиком не уйдёт в монастырь, потому что монастырь... Это же земной прообраз Рая!

— Почему?

— Потому что живут в истине и славят Создателя.

— Но в монастырях, я слышал, как ещё вкальвают!

— А как же! Во славу Божию!.. Ведь это — послушание и труд, и молитва, как иначе?

— Какой же это прообраз, если там неравенство? Всех игумен погоняет! А в Раю все равны!

— Не думаю. Вот ты ведь какой!.. Звук слова тебя останавливает — и ты не доходишь до смысла. А слышал ли ты вот о чём: «Первые станут последними, последние станут первыми»?

— А это откуда?

— Это Евангелие.

— Где-то слышал. Может, в кино когда-то... Но я читал, что прошлый украинский президент сказал: «Перед Богом все равны!»

— Конечно, не сподобившись ни закона, ни благодати, какой-нибудь президент Украины, ещё недавно директор-аферист, может подписывать указы, что «перед Богом все равны»!

— А это не так?

— А это не так. Ни люди не равны, ни народы, ни религии... Только равно будут отвечать.

(Колобродько задумался: «равно отвечать!»)

— Послушайте, Николай Фёдорович, но ведь молитва — это труд!

— Бывает... Это *общение*. Это — обращение к Богу. А мы же и к членам собственной семьи, бывает, через силу обращаемся. Разве не так?

— Слушай, Николай Фёдорович, да ты — святой!

Старик испуганно перекрестился:

— Господи!.. Что ты меня, парень, искушаешь грешного!

— Вы же молитесь!.. — пробормотал Колобродько.

— И ты молишься.

— Я молился — но очень устаю.

— На службе?

— Нет. Начну молиться — и в сон кидает.

— Потому что молишься — слепо и тупо. Думаешь, сынок, молиться — это просто слова говорить? Это же ты обращаешься, просишь! Каешься! Молишь! Не понял, что ли?

— Понял!

— Тебе что — не о чем просить? Не надо ничего?

— Надо.

— Если ты здоров, так думаешь — не надо здоровья просить? Вот тоже, люди!

— Да я много не прошу...

— Ну, не дурак ли ты, майор, прости Господи! Ты уже имеешь много! И всё — от Него! Скромник нашёлся! Да от Него любая милость — великая! Ты у Него на ниточке висишь, но ниточка эта — Воля Его! А ты молись — к Нему в ладошку попасть!

Колобродько слушал Совертинского и таращил глаза: для него это был совершенно неслыханный образ мыслей.

Теперь обстоятельства пригнали его под дверь Николая Фёдоровича, и надо было, кровь из носу, его дожидаться.

У входа на стене виднелась таблица — «распальцовка» квартир по этажам: квартира старика значилась на последнем, на девятом. Колобродько решил отойти от дома подальше, к детской площадке, чтобы старец мог его заметить из окна.

Через десять минут Николай Фёдорович показался в дверном проёме.

— Люблю смотреть в окно и любоваться деревьями — осенью, зимой, весной и летом!.. Вдруг вижу — он гуляет! — сказал он, подавая руку майору и пытливо вглядываясь. — С новостями?

Стараясь не волноваться и ничего не упустить, Колобродько рассказал о последних событиях.

Когда майор умолк, старик молчал на протяжении нескольких минут... «Может, молится...» — подумал Колобродько. Наконец, Николай Фёдорович прервал паузу.

— Один мой покойный друг, француз, после каждого теракта или где-нибудь мятежа говорил: *La vie humaine, Nicolas, n'a aucune valeur!* Но он был неправ...

Увидев недоумение на лице Колобродько, старик опомнился:

— Ой, прости... Это значит: «Человеческая жизнь ничего не стоит!»

— Так почему он был неправ? — спросил майор.

— Жизнь имеет свою цену — каждая, но знает её — только...

Старик глазами показал на небо.

Колобродько ничего не ответил. Этим словам старика ему показалось мало. Он ждал.

Вместо слов, ожидаемых Иваном, Николай Фёдорович предался воспоминаниям:

— Бедняга Мишель... Сначала спятил, потом умер.

Колобродько не ответил, хотя можно было выразить соболезнование. Наконец, он не выдержал, как нетерпеливый пациент у врача на приёме:

— Так что говорит Бог по этому поводу?

— За Него не отвечу, но нам Он даёт понимание... Каждый живёт со своим проклятием — и за своё благословение борется.

— Это как понимать, отче? Слишком много смертей уже!

— Разве? — старик отпрянул и пристально посмотрел Ивану в глаза.

«Что он хочет сказать?» — подумал майор.

— Помнишь стихотворение Лермонтова «Смерть поэта»?

— Помню, — самонадеянно ответил Колобродько.

— А какая в нём строчка самая верная? «И мысли, и дела Он знает наперёд!»

— И что?

— Он смотрит за каждым своим созданием. Как тебе это объяснить по-современному... Он знает и хранит наше прошлое, настоящее и будущее...

— Как компьютер? — спросил Колобродько и тут же устыдился этого слова.

— Из будущего твой компьютер может только один календарь поддерживать, — нисколько не сердясь, ответил Николай Фёдорович. — Но ладно, представь себе такой Компьютер или Высший Разум, как его называют атеисты, журналисты и прочие современники... Только прежде уясни себе — или вспомни — про бессмертие души. А телесная смерть — это переход к высшему Бытию. Это только здесь трагедия, только на земле — для остающихся, и то немногих — и это как перенос файла на новый диск. Теперь о том, почему файлы не одинаковой величины...

— Я всё понял! — прервал старика Колобродько.

— Мне самому неприятна эта аналогия с компьютером, прости меня Господи! — старик перекрестился. — Потому что наш Бог — это Любовь, а не железо с электронами.

— Всё так, но я не понял, что ты мне советуешь.

— Давай думать. Ты не смог помешать убийству; ты служишь под началом убийцы. И фальшивая заложница хотела стать убийцей. Теперь ты решаешь, кем дальше будешь сам... Решай!

— Как?

— Для начала исповедуйся.

«Опять двадцать пять!»

— Это что — мне целую простынь грехов описать?

— Тебе виднее, сколько. Но ты ещё сам себя не понимаешь, поэтому решить не можешь.

— Но пока я ношу погоны, то должен подчиняться.

— А кем ты можешь быть без погон?

Колобродько задумался.

— Ну, плотником...

— Уже что-то... Только не надо скандала, это ничего не даст. Ещё Пушкин говорил: не перекивай глупца и не судись у подлеца.

Колобродько повёл плечом: цитата показалась ему слегка изменённой.

— Ты сейчас, как в узилище. Молись Анастасии Узорешительнице. Молитвослов купил?

— Нет ещё.

Николай Фёдорович промолчал. Вероятно, подумал: «Вольному воля, а спасённому рай». Колобродько прочёл эту мысль у него на лице.

— Узорешительница — что это значит? — спросил он, пряча неловкость.

— Разрешить от уз — это значит освободить. Решить и развязать — это опять-таки два значения одного греческого слова.

— Так точно!.. У нас в украинской школе говорили «розв'язати задачу», а в России — решить...

— Но решить — это ещё и решиться на действие: решил сказать или решил смолчать, а всё равно решение. Значит, разрешить от уз — это развязать путы и отпустить. А ты, сынок, весь опутан грехом. Живёшь не в браке...

— Отче, как мне жениться, если ей не развестись! Она прячется от мужа-бандеровца!

— Не бойся. Молитвой превозможешь. Можно не открываться перед ним, а действовать через адвоката. Не все адвокаты лихоимцы, зато большинство бандеровцев — дураки. Вот адвокат семей погибших мальчиков — честный, благородный сибиряк.

— Вот бы познакомиться! — вырвалось у Колобродько.

— Лучше не мешать ему. И так ему палки под ноги бросают, угрозы шлют.

— А говорят — не ты ли и говорил, Николай Фёдорович? — что без ведома Божия с человеком ничего случиться не может... В том числе — и убийство?

Взгляды их встретились — и Колобродько впервые отметил, что у старца светлые, прозрачные глаза, как вода у скалистого берега в солнечный день. А кругом был день пасмурный.

23.

— Вот ты, Иван Колобродько, ты на чьей стороне — добра или зла? Условимся, что добра. А полковник твой? Он не думает, на чьей он стороне, он добром считает самого себя. Зло — оно ведь тоже ищет воплощений, ему надо в ком-то поселиться. Третью Божьих ангелов стали бесами, похитителями человеческих душ — такова, понимаешь ли, конструкция мира. Падшие ангелы, духи злобы поднебесные — вот они кто. Сосуды Зла — каковое зло существует объективно. Мы страдаем от него здесь, а его носители мучаются в преисподней.

Но в каждом из нас — своя мера добра и мера зла. Мы даже сами не знаем, сколько чего. Знает только Создатель: Он знает, на что мы способны в обстоятельствах «А» и в обстоятельствах «Б». И всё было бы просто, если бы задача была с одним неизвестным — будь то Адам, будь то Иван или Николай. Раб ли Божий или исчадие ада. Но нас, именуемых людьми, сколько уже теперь — девять, что ли, миллиардов? Но и это не девять миллиардов неизвестных: может, в каждом из нас — ещё по миллиарду. А положений и обстоятельств, в которых мы окажемся в течение жизни? Встреч и столкновений?.. И всё совершается в Промысле Божьем — как и наша встреча с тобой, сынок.

И вот родители погибшего Максима... Семья со своими конфликтами, проблемами — грехами, значит. С недостатком внимания к детям, с круговертью в доме посторонних гостей. С неизжитой наследственностью прошлых грехов...

А теперь задумайся: кто убил мальчишек? Это бездна, которую не исчислить, если даже убийц изобличат.

Со стороны убийц — преступление. Со стороны жертв, возможно, искупление грехов родителей. А для родителей — наказание, несомненно. Но для погибших — кому-то награда, венец; а кому-то — преткновение... то есть недопущение ко взрослой жизни и к неким страшным будущим деяниям во имя укрощения зла — прости меня, Господи, за эти слова... Я только объясняю суть задачи, которую нам здесь не разрешить. На Бога уповаем — Ему «себя и живот наш предадим»!

Справедливость на земле — это заблуждение, это юстиция, это недоразумение. Настоящая справедливость не здесь. Но прислушиваться к тому, что происходит с ним, обязан каждый человек. Бог знает наши будущие преступления, а мы молимся Ангелу-хранителю, чтобы оградил нас от греха. И Господь по милости своей дарует нам тяготы и мучения — даже, если требуется, авансом — во искупление того, что предстоит ещё нам натворить.

Я, сынок, тоже грешник великий. Но Господь управил так, что я пошёл не той дорогой, о которой мечтал.

(Здесь Колобродько мог бы задать уточняющий вопрос, поскольку старик остановился передохнуть... Но он был поражён красноречием старца — и только ждал продолжения.)

Я ведь хотел быть офицером, лётчиком, героем... И долго хотел, но не знал, что мечта моя несбыточна. Когда мне было пять, соседский мальчишка пнул меня ногой в пах — и в шестом классе обнаружилась какая-то киста или водянка, или Бог знает что. Меня прооперировали — помню, что доктор Ляпецкая, молодая, с усиками, с волосатыми ножками; родителей моих уверили, что операция пустяковая, что через полгода я буду как горный козёл.

Операция под местным наркозом запомнилась, вместе с разговорами медиков. Как будто из меня вытягивали всё нутро очень медленной лебёдкой.

А года через два, уже в восьмом классе, пришлось операцию делать заново — другому хирургу, женщине постарше и, как заверили моих родителей, вполне опытной. Ощущения были те же; насчёт результата — не знаю. Потому что третью операцию мне делал в армии военный хирург. И угадай результат.

— Неужели тот же?

— Точно. Я даже запомнил способ, которым хвалился хирург: «радикальный по Бергману». Но суть не в этом, не в результате, а в цифре «3». У меня двое детей, но между их рождениями жена сделала три аборта — а я знал и не сильно возражал, то есть я трижды убийца!..

Иван испуганно вскинул глаза на Николая Фёдоровича — и потупил голову.

— Я трижды убийца, но три мучительные операции — разве достаточное наказание? Это только послабление будущего наказания.

Старик прикрыл себе ладонью глаза и отвернулся. Колобродько слышал его прерывистое дыхание.

— И вот, — медленно поворачиваясь к Ивану, продолжил старик, — не стал я офицером, кому-то я понадобился как филолог.

По интонации Николая Фёдоровича можно было догадаться, кого он имеет в виду.

— Так что, сынок, одно и то же событие, но для разных людей, может оказаться в одно и то же время — преступлением, подвигом, наказанием и милосердием.

Против обыкновения Николай Фёдорович не спросил Ивана, как тот его понял; и Колобродько не спешил сказать своё «я понял вас».

Вдвоём они молча подошли к подъезду, чтобы проститься, и Колобродько вполголоса повторял всё воспринятое им как руководство к действию: разрешить от уз Марию; обвенчаться; вернуть Настю; сменить род деятельности.

Хватит, Колобродько, отоспался!

* * *

Дождавшись Марии, забравшей Олега из садика, Иван любовно оценил её, покрасневшую от ходьбы, не без волнения откашлялся — и со всей доступной ему внушительностью произнёс:

— Мария, мы должны повенчаться! Иначе, понимаешь, грех... Низзя!

Мария, как подкошенная, опустилась на стул.

— Я согласна, — слабым голосом проговорила она.

— Но в церкви потребуют, чтоб мы были расписаны!

— Так распишемся! — глаза её широко распахнулись.

— А ты представь, что придётся вытерпеть нам ради твоего развода!

Маша густо покраснела.

— А мы с ним не были расписаны.

Колобродько умолк...

— Так вы что, это... Что ж ты мне голову морочила: муж, муж... И вы что, с Олегом некрещёные? — недоверчиво спросил её Колобродько, начиная раздевать малыша.

— Меня давно крестили, а Олега — ну, никак не собраться...

Иван не понимал, что такое он чувствует: и гора свалилась с плеч, а в груди закипает возмущение.

— Немедленно крестить младенца! — заорал он в неописуемом восторге, облапил Марию и стал трясти её как черкасскую грушу.

(Завершение романа в следующем номере)

Поэзия

Поздравляем глубокоуважаемого, замечательного поэта Евгения Юшина с 60-летием и желаем добра и радости, новых поэтических высот, воплощения самых смелых творческих замыслов и идей!

Евгений Юшин

Родился в 1955 году в Озёрах Московской области. Детские годы прошли на Оке и на Воже, в рязанской деревне Лужски. Окончил историко-филологический факультет педагогического института в г. Улан-Удэ. С 1978 года работал редактором в Центральном доме культуры железнодорожников г. Москвы. Здесь же несколько лет руководил литературным объединением «Магистраль». В 1986 году перешёл на работу в литературно-художественный и общественно-политический журнал «Молодая гвардия». Член Союза писателей России, автор двенадцати поэтических книг. Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии имени Александра Невского «России верные сыны», Большой литературной премии России. Стихи переведены на болгарский, немецкий, французский языки. Живёт в Москве.

КАКОЙ ПОТЕРЕЙ ПОЛНИТСЯ ДУША

Этот мир надо мной — белым облаком, птицей и Богом.
Этот мир подо мной — муравьишкой, пыльцою веков...
Я люблю, когда небо целует дождями дорогу,
Заполняя копытца недавно прошедших коров.
Я навек полюбил эти заводы, эту осоку,
Эти серые избы с певучим печным говорком.
Эти сосны шумят надо мной широко и высоко.
Говори со мной, лес, первобытным своим языком —
Торфяным, глухаринным, брусничным, зелёным, озёрным,
Хороводным — в распеве сырых земляничных полян.
Ой, туманы мои! Ой, вы, жадные вороны в чёрном!
Скоморошья дороги и ратная кровь по полям.
Я прикрою глаза и услышу кандалные звоны,
Безысходный, по-бабьи горячечный плач у берёз.
Как скрипучи дороги! Как мертвенно бледны иконы!
Как селенья ужались, и как растянулся погост!
Тишина на Руси, словно лодка стоит на приколе,
А накатится вихрь, так покуда её и видал.
Мужики, мужики, вам тесны и корона, и воля,
Кто считает деньгу, кто рубаху последнюю снял.
Можжевеловый воздух поминками пахнет, как порох,
На серебряных перьях овса — предрассветная трель.
Сколько вражбых чубов причесалось о вилы и обух —
Помнят травы ночные, кровавый брусничный кисель.
И возносит звонарь колокольни стозвонные соты,
Но сжигает Иуда воздвигнутый предками храм,
И на каждой сосне — золотистая капелька пота,
И на каждой берёзе — полоскою чёрною шрам.
Говори со мной, лес, ведь и мне твоя тайна знакома,
Словно аистам в небе, хранящим на пёрышках синь.
Высоко надо мной золотая сгорает солома
И трепещут стрекозами синие листья осин.

* * *

О любви сказать ещё желаю,
О своей негаснущей любви
К снегом запорошенному краю,
К сёлам, почерневшим на крови.
К этой вот истоптанной дороге,
К трепету весеннему реки,
Потому что на земле не многим
Святят изб родные огоньки.
Всхлипывает лодка у причала,
Яблоня касается руки.
Мне ночная птица прокричала,
Что дороги к детству далеки
Через дымку сумрачных вокзалов,
Через кровь успехов и потерь,
Через холод ложных пьедесталов —
Ко всему, что дорого теперь.
Этот путь, быть может, в жизнь длиною,
Но за весь сердечный непокой,
Может быть, глаза рукой прикрою
И увижу маму молодой.

* * *

Слегка дымится тёплая воронка.
Упал я, землю чувствую щекой.
Я слышу стон убитого ребёнка,
И неба стон витает надо мной.

Бинты дорог измяты и кровавы,
И БТР сгорает до костей,
И труп врага лежит на дне канавы.
Но почему мне жаль его детей?

Они пинают мяч и светлооко
Бегут по лугу. Господи, прости!
Им повзрослеть придётся раньше срока,
Им выпало сиротами расти.

Смеются — да! — подсолнышки в веснушках.
Всё гонят мяч по лугу над рекой.
Но вижу я: ещё дымятся пушки,
И землю твёрдо чувствую щекой.

* * *

От Красного Лимана до Попасной
Визжит железо — солнце не встаёт.
Братишка мой, как глупо и напрасно
Ты позабыл, что мы — один народ.

Нас развели. Воронки дышат адом,
Исходит гарью чёрное жнивье.
Здесь мама наша у родной ограды.
Ты думаешь, что не убьёшь её?

Вот молится она последней силой
За нас с тобой, за родных сыновей.
И падает слеза
на свежую могилу.
И падает слеза —
могилу роет ей.

НОЧЛЕГ

Владимиру Крутину

Дом средь леса, бревно, поляна.
И луна, словно пень, торчит.
Лай собаки истошный, рваный.
Вышел дед на крыльцо, молчит.
— Приюти.
— Заходи покуда.
А в руке у него ружьё.
— Опасаешься?
— Много люда.
Реже добрые, чем гнильё.
Покурили, попили чая.
Образа в заревом углу.
Ходит кот по избе, скучая,
Точит звонкий сверчок пилу.
Огляделся. Берёт зевота.
— Где положишь-то?
— У икон.
На повыцветших жёлтых фото
Над кроватью — она и он.
Улеглись. Из-под пола — сырость.
— Мне-то скоро, наверно, в гроб.
Но скажи, что с землёй случилось? —
То пожарища, то потоп.
Что ответить? Молчу нескладно.
Точат ходики: тик да так.
— Не хочишь говорить, и ладно.
И твои дела — не табак.
Светит полно луна в окошко,
Даже видно: на сундуке
Дремлет щупленькая гармошка,
Позабывшая о руке.
— А сумеешь сыграть?
— Пожалуй.
Поднимается и берёт.
Эти звуки сквозь сердце жалят,
Словно он свою душу трёт.
Отыграл. В темноте пошарил
И опять на сундук её.
— То потопы, а то пожары,
Что же деется, ё-моё!
Наступи — тишину раздавишь.
За диваном скребётся мышь.
— Вот и ты ничего не знаешь.

Утоптался. Поди-ко, спишь?
 В белой майке сидит на лавке
 В мироздание погружён.
 Тени скользкие, как пиявки,
 В листьях плавают у окон.
 — А ведь что-то неладно в мире,
 У земли развернулся крен...
 Расплывается жёлтым жиром
 Лунный свет от сосновых стен.

Тонконогий, как белый аист,
 Он поднялся:
 — Пойду я спать.
 Ничего-то и ты не знаешь,
 Потому что не хочешь знать.

...Вот и думаю о погоде.
 За печуркой прилёг старик.
 — Что в народе, то и в природе...
 Только ходики: тик да тик.

* * *

Мне хорошо, когда осень за окнами
 И листопад, листопад...
 Листьями рыжими, листьями мокрыми
 Стелются роща и сад.
 Падают звёзды за краем околицы,
 Сыростью тянет с болот.
 Сеет луна золотую бессонницу
 Около наших ворот.
 Падают яблоки влажные, спелые,
 Падают так невпопад.
 Дышат туманы густые и прелые
 В светлую рощу и сад.
 Лаает собака за дальней оградой,
 Птица ночная кричит.
 Что тебя, сердце, невзгодит и радует?
 Что так желанно горчит?
 Будут дороги листвой припорошены,
 Иней в лугах за окном.
 Буду делиться со всеми прохожими
 Золотом и серебром.

ДВЕ СОБАКИ

Разбросало солнце маки
 На озёрном серебре.
 Жили-были две собаки
 У соседа во дворе.
 Резвцы и забияки —
 У крыльца гоняли кур.
 Словом, жили, как собаки,
 Не дурнее прочих дур.

А сосед — больной и старый:
 Гамаши да костыли.
 Сели дети: тары-бары,
 Да и в город увезли.
 Ходят грустные собаки,
 Ищут деда — нет его.
 Хоть бока у них обмякли,
 Вид пока что — ничего.
 Но страшит их
 двор уныньем,
 Дверь, забитая доской.
 Зарастает сад полынью,
 Как собачий взгляд тоской.

НА РУССКОЙ ДОРОГЕ

Здесь русский дух в веках произошёл...
Н. Рубцов

Меня здесь знает каждый муравей,
 И каждый куст, и каждая сорока.
 Задумалась о прожитом дорога,
 И солнце в лужах плещется по ней.
 По ней — века, в туманах и крови,
 И поступь уходящих поколений,
 По ней струится столько сладкой лени,
 Как в женщине, сомлевшей от любви!
 В ней столько слёз прощальных —
 в дальний путь,
 И в вечный путь — до ближнего погоста,
 И потому она, в крестах и звёздах,
 Встречая нас, стоит в цветах по грудь.
 Гудят шмели, где каторжник прошёл,
 Где проскакало пламя Чингисхана,
 Где под гармошку радостно и пьяно
 Мужик в избу смолистую вошёл.
 Снуют, как стрелы, юркие стрижи,
 Болота дышат холодом и прелью,
 Боровики сутулятся под елью.
 Попробуй этот мир перескажи!
 Здесь все века и каждого из нас
 Хранит, как память, русская дорога.
 А это поле и река у стога —
 Немеркнувший, живой иконостас.

* * *

Свобода пошлости и трёпа
 То розова, то голуба.
 Прощай, продажная Европа —
 Американская раба!
 Раба... Хоть сколько можешь злиться,
 Иудин предрешён исход:
 Тебе осталось удавиться,
 Ты предала и свой народ.

Прощай! Нам путь иной известен,
Где нет ни злата, ни межи,
Где зреет поле волей песен
И взглядом васильков во ржи.

ПОЛУСТАНОК

Обочина стремительного мира.
Промчался поезд — и угасла даль.
В извёстке станционного сортира
Навеки замурована печаль.

Коза у покосившейся ограды
И пыльный свет нестройных тополей.
И здесь живут, и здесь чему-то рады,
И здесь хватает муки и страстей.

Всё на виду: из бани струйка дыма,
Девчушка на качелях. Чья-то песнь.
Промчался поезд — мимо, мимо, мимо.
Никто его и не заметил здесь.

В СТАРОМ ДОМЕ

Как прежде, ровен статных сосен шум.
Года прошли, скорее — пролетели.
Я в дом вхожу, как будто в старый трюм, —
Давно корабль уплыл от колыбели.

Но свет избы, желанный и родной,
И пятна солнца на полу дощатом
Все эти годы прожили со мной
И в трудную минуту были рядом.

Какой потерей полнится душа!
Как будто я стою на пепелище,
И вот душа всё что-то ищет, ищет.
На месте всё — и нету ни шиша.

Вздыхнут сиротски форточка и дверь
И по-сиротски скрипнет половица.
Они теперь до смерти будут сниться
Средь горьких неминуемых потерь.

Кровать, сундук и вековая пыль.
Не возвращайтесь в детские просторы!
Пусть давние леса твои и горы
Живут в тебе, как прожитая быль.

Но как влечёт в родимые места!
Как хочется из мира нажитого
Попасть туда, где у крыльца родного —
Отец и мать,
и жизнь твоя — чиста.

* * *

Они с утра опохмелятся
И станут думать: что продать?
И снова будут пить и драться,
И обниматься, и рыдать.

И мальчик бледный, словно щепка,
Пока глаза его теплы,
Приметит всё: и шаг некрепкий,
И эти серые полы.

Гряда бутылок на комоду,
В тарелках — плесень и гнильё,
И, как ботва на огороде,
В углу навалено бельё.

Табачный дым, экранчик бледный,
И потолок, как правда, гол.
Отец нацедит по последней
И рухнет на копчёный стол.

С утра трясун возьмёт придурка,
И череп сдавит — хоть кричи.
Ни сухаря и ни окурка,
И чёртик возится в печи.

* * *

Поплыли селенья на том берегу,
Поплыли холмы и овраги,
И всё, что недавно лежало в снегу,
В весенней запенилось браге.

Пустынные дали разбил ледоход,
Задвигали скулами льдины.
У пристани старой проснулся народ,
Скользит сапогами по глине.

Выводит петух засидевшихся кур.
От облака — длинные тени.
У Любки-буфетчицы — синий прищур
И солнцами светят колени.

Анюта соседу несёт молока.
Наладил сетёнку Василий...
Пока что негромко, пока что слегка,
А всё ж оживает Россия.

ИЮНЬ

Какой поэт тебя придумал?
Каким ты вырвался огнём?
Май полыхнул, пропел — и умер,
И скачут зори день за днём.

Срывает шапку одуванчик,
Дорога прячется в пыли,
И колокольчик в свой стаканчик
Мёд поднимает из земли.

И всё гудит: поля пшеницы,
И в жилах кровь, и дальний гром,
И шмель велюровый кружится
Над полыхающим цветком.

Ныряют на верёвке майки.
Кружи, июнь, меня, кружи!
По-женски вскрикивают чайки,
Стрижи черкают чертежи.

И, обомлев под небесами,
Склоняются на водопой
Коровы с волглými глазами
И кони с бархатной губой.

Я здесь родился: в этих травах,
В счастливом щебете лесном,
В искристых волнах-переправах –
Лучом на листике резном.

Здесь вечерами свет старинный
Зари тягучей, словно мёд.
В мохнатой шубе комариной
Июнь по берегу идёт.

Его мы ждали с новостями
От земляничных бугорков,
С туманом, с полными горстями
Росы в ладонях лопухов.

И он пришёл! Ликуют птахи,
Густы и пенны острова,
И реки синие рубахи
С утра вдевают в рукава.

Пасут мальков Ока и Кама,
Хрустят кабаньи камыши.
О дорогой и близкой самой
Малинник шепчется в тиши.

И сладковато тлеет сено.
Я жду, любимая, когда
Твоих кудрей густая пена
Меня заманит в невода.

Звезда сорвалась, словно кречет,
И на стожок туман прилёт,
И сердце бьётся и трепещет,
Как подфонарный мотылёк.

И ты горячая, родная,
У костерка, где сон и тишь,
Зарёй колени поливая,
Меня, конечно, соблазнишь.

И долго будет ветер жгучий
Ночную заметать золой
Певучий луг и сад кипучий
Под самоварною луной.

ПО РЕКЕ

Мимо правого, левого берега, сёл крутоярных,
Мимо тропок, сбегаящих к серым мосткам у осок,
По кочующим волнам, поющим в осоках туманных,
Я плыву и плыву, как оброненный ветром листок.

Эти воды не раз над землёй поднимались парами
От жемчужных озёр, от рубах мужиков на полях,
От солдатских дорог, от горючей слезы моей мамы,
Но очистились небом — и крыши мокры на домах.

И очищены небом под окнами вишни и груши.
И плыву я, плыву, и роятся на сердце стихи.
Кабы так вот дождями и наши очистились души!
Кабы так вот очистились боли и наши грехи!

У тебя под окном муравей на травинке хлопочет.
У меня под окном развесёлая птаха поёт.
Что он хочет от нас этот мир золотой, что он хочет?
Я плыву по реке, и река подо мною плывёт.

И случайный листок проплывает то слева, то справа.
По заливку волны заревой растекается мёд.
Кто-то смотрит в прицел, выжидая гордыню и славу,
Кто-то завистью выжжен, а кто-то у брата крадёт.

В неустанной вражде берега затаились и воды,
Что же я, проплывая рекой, не пойму одного:
Ничего этот мир не желает, а только свободы,
И ещё, чтобы мы уважали за правду его.

И кукушка у дальнего бора всё что-то пророчит.
Огурцы под студёным туманом поникли плетьюми.
Ничего-то от нас этот мир и не ждёт и не хочет,
Разве только, чтоб мы оглянулись и стали людьми.

Проза

Елена Тулушева

В литературу Елена пришла сложившимся человеком. В 27 за её плечами Московский институт клинической психологии, аспирантура. Работа во Франции и Соединённых Штатах (в рамках проекта “Духовность для детей”). Елена — старший медицинский психолог в реабилитационном центре для подростков, переживших насилие, а также страдающих алкогольной и наркологической зависимостью.

Писательство для Елены — ещё одна возможность продолжить борьбу за своих подопечных. Герои её рассказов — реальные люди. С каждым она работала не один день, пытаясь понять, где истоки обрушения молодых судеб. (Александр Казинцев)

В ХОРОШИЕ РУКИ

Рассказ

— Уважаемые члены комиссии! Начнём, наконец!

Гомон собравшихся в большой комнате начал стихать. В раскрытые окна ни ветерка, только крики детворы со спортплощадки.

— Рыжик, давай же, съезжай! — веснушчатый мальчишка, упираясь в перила, пытался столкнуть растерянного пса с горки.

— Сам ты — Рыжик! А он — Мустанг! Муста-а-а-анг, иди ко мне, ну, давай, ну, скатись, тебе понравится! — девчушка лет восьми приманивала собаку у подножия горки, изображая, что в руках у неё есть что-то вкусное.

— Такого имени вообще нет, не выдумывай! Ну, давай, я сразу за тобой съеду, это не страшно! — мальчишка погладил пса по холке.

— Если хочешь знать — есть такое имя! И он на него отзывается! Давай, толкни сильнее! — она застучала по горке, отвлекая собаку. Мальчик выпрямился, пёс воспользовался моментом и, прыгнув под его рукой, неуклюже заскакал вниз по ступенькам лестницы.

— Не удалось причинить добро! — засмеялся молодой парень, повернувшись от окна к стоящей рядом девушке. Его рубашка прилипла к спине от пота. Девушка коснулась его плеча и улыбнулась в ответ.

— Аня, хватит кокетничать! Работать надо! — нарочито громко объявила председательница, тётка лет пятидесяти с бородавкой на брови.

Девушка смущённо порскнула за столик секретаря.

— И вы, Игорь Алексеевич, присядьте тоже, — довольная эффектом, продолжила чиновница. — Мы подбирали время, в том числе и под вас, поэтому затягивать не будем. Что у нас сегодня?

— У нас Саша Савельев... — на столике суетливо зашуршали листы. — Саше десять. На право опеки подал дед, Виктор Анатольевич Савельев. Его старшая дочь, мать мальчика, покончила с собой в пьяной горячке. Там история такая: не рассчитала — хотела напугать, но оступилась и выпала с двенадцатого этажа. То есть это как бы не суицид, а несчастный случай. После чего над мальчиком взяла опеку тётка, младшая сестра погибшей, тоже пьющая. Через три года она умерла...

— Это всё мы уже знаем. Что там по факту: отдавать — не отдавать? Давайте порасторопней. Что с документами?

— Да-да, Татьяна Михайловна, я просто подумала... у нас же тут приглашённые специалисты, чтобы они тоже были в курсе дела.

— Специалистам все эти детали ни к чему. Игорь Алексеевич — психолог, а не следователь.

«Психолог? А это ещё зачем? — Саша с тревогой поднял глаза. — Ребята в приюте говорили, что эти психологи всегда что-нибудь навыспрашивают, а потом в «психушку» сдадут!»

— А Александра Ильинична из детской комнаты полиции, — с раздражением продолжала тётка, — нужна нам, чтобы подтвердить положительную характеристику на подростка. Чтобы дедушка знал, что мальчика мы отдаём вполне нормального, на учёте не состоящего, и ответственность опекуна перед государством — сохранить такой статус ребёнка, — на этой фразе тётка перевела недовольный взгляд с тощей девушки на Сашу с дедом.

«Взгляд у неё неприятный. Раньше ласково говорила, обещала, что в обиду не даст, что у него всё в жизни будет хорошо. А теперь пугает. Психолог, полиция... Сандалии дурацкие, ступни от пота скользят, теперь мозоль натрут».

— Так, значит, вы, Виктор Анатольевич, решили забрать Сашу к себе? — тётка выразительно посмотрела на деда поверх очков.

— Ну да, вон документы, — дед кивнул головой в сторону шуршащей бумажками секретарши.

— Да-да, мы уже ознакомились. А почему?

— Чего «почему»? — нахмурился дед.

«Зачем она вопросы задаёт? Раз решил, так чего тянуть. Вдруг он передумает и уйдёт!» — Саша сидел, скрестив пальцы. Он загадал, что если так просидит до самого конца, то его обязательно отдадут деду, а если не сможет, всё пропало. Так уже было в шесть лет. Он попросил у Деда Мороза полицейскую машину с сиреной. Он хотел запускать её на кухню, когда мать и тётка будут ругаться, надеясь, что звук сирены заставит их замолчать. Тогда он загадал, что, если по дороге домой наступит на все чёрточки между плитками тротуара, то желание точно сбудется.

На пути дворник расчищал снег. Саша хотел переждать, но мать была не в духе и, резко дёрнув его за руку, потащила к подъезду. Машины он так и не получил. В тот Новый год он вообще ничего не получил. Утром 1 января мать сказала, что он плохой мальчик, и Дед Мороз ничего ему не принёс. До самого вечера он ещё надеялся на подарок. А вечером, протрезвев, мать подошла к нему и, погладив по голове, сказала, что Деда Мороза нет. «Ты теперь взрослый, Сашенька. А это сказки для детей. Просто родители покупают деткам подарки и кладут под ёлочку. И я тебе так клала. А в этом году у мамочки денежек нет, ты же знаешь. Мамочка тебя любит. Но теперь давай без подарков». Следующей зимой, за неделю до Нового года, мать умерла. Подарков он больше не получал...

— Почему вы решили взять Сашу к себе именно сейчас? Почему не раньше?

— Так мать у него была и тётка, — дед достал из кармана вибрирующий телефон и посмотрел на экран.

— Ну, у матери были проблемы с употреблением алкоголя. Мальчик рос в некомфортной обстановке, почему раньше не забрали? — с напором продолжала председательница.

— А я с ними не общался.

— Из-за того, что они пили?

Он нажал клавишу и убрал телефон в карман. Тётка замолчала, дед стоял спокойно. Саша решил, что надо обязательно сказать что-то хорошее о нём. Но ничего кроме давно подаренного самосвала вспомнить не мог.

— Он мне подарки давал, дедушка мой! — зачастил Саша высоким ломким голосом. — Самосвал! Кузов поднимался.

— Ну, вот видишь, — председательница мельком глянула на Сашу, попытавшись изобразить улыбку. И, уже обращаясь к деду, жёстко спросила: — Вы не могли бы уточнить, по какой причине перестали общаться? Мы должны представлять, какова ситуация. Поймите правильно, родственников больше у Саши нет. Вас-то разыскали с трудом только через месяц после смерти Сашиной тёти.

— Если отдавать не хотите, — проворчал дед, — так и скажите...

— Нет-нет, вы не поняли. Ребёнок государственный. Есть определённые нормативы ведения дел. Никто же не хочет, чтобы потом Сашу у вас забрали, решив, что вы не подходите.

— А чего забирать-то? Ну, если им надо, пускай делают, как знают, — дед засунул руки в карманы и начал раскачиваться. Саша испугался, что, качнувшись в очередной раз, он пойдёт к выходу.

— Виктор Анатольевич, вы не раздражайтесь. Это формальные требования. Мы обязаны собрать информацию. Собственно, даже если соврётё — мы и проверить-то не сможем! — примирительно продолжила тётка. — Спросить больше не у кого.

— А чего мне врать? — снова насупился дед. — Я и не врал никогда. Как забрюхатела она, так и ушёл.

— Кто, простите?

— Да Маша, кто ж ещё, старшая. Забеременела она в шестнадцать. Я ей: «Иди, избавляйся, дура!» А она: «Рожать буду!» Ну, я и рявкнул: мол, не позволю. Сам к врачу отвезу, позорище такое! А тут мать её нашла повод заступаться: грех это, грех!

— То есть вы были против того, чтобы дочь родила?

— А вы бы дали своей родить в шестнадцать? Школу даже не закончила! Впереди экзамены, институт, или техникум хотя бы. «Всю жизнь изломаешь!» — говорю.

Дед сильно покраснел. Саше стало его жаль. Он не знал про эту историю.

— Конечно, вы переживали за дочь...

— Говорил жене: я с таким срамом жить не стану! Да и кому он нужен будет — ребёнок этот безродный?! Но нет, кто ж меня послушал! А результат? — дед вытянул руку и начал загибать пальцы. — Я из семьи ушёл, жена через три года померла, дочь сама спилась, да ещё и сестру споила! И вот, — дед ткнул пальцем в сторону внука, — сидит: кому он теперь нужен?

Слова деда не сразу дошли до сознания Саши. Так, значит, он ушёл... из-за него?!

— Ну, что вы, нам каждый ребёнок нужен! — приторный голос председательницы вывел Сашу из забытья.

— Да не придирайтесь к словам! — раздражённо махнул рукой дед. — Вы же понимаете, о чём я. Что у него теперь — ни дома, ни родителей, ни жизни нормальной.

— Ну, у него есть вы, раз решили забрать...

Психолог при этих словах выразительно хмыкнул.

«Чего ты лыбишься, — разозлился на него Саша, — как будто что смешное говорят! Лезут все не в своё дело».

— Да. А чего он по приютам мотаться будет, — уже спокойнее произнёс дед.

— Ну, почему мотаться, — приосанилась председательница. — Государство устраивает сирот, предоставляет хорошие условия. Но вы родной человек, будете заботиться с душой.

— Вырастим как-нибудь.

— Трудностей не боитесь? Подростковый возраст всё-таки, нелёгкие времена мальчик пережил.

«Нелёгкие. Тебе спасибо! — ехидно подумал Саша. — Сразу ты мне не понравилась, ещё тогда, когда решали про приют. Наобещала всякого: ты там всего на пару неделек, там будет хорошо, друзья появятся, в цирк сводят, в театр, на экскурсии...»

В первую ночь, в туалете его обступили мальчишки. Он попытался спрятаться в кабинке, но все щекотки были давно выбиты, и ребята с гоготом начали его лупить. Так происходило со всеми новичками. Саша тогда не знал, что первая драка — это как проверка, после неё всем станет ясно, чего ты стоишь... На весь следующий месяц — самый ужасный месяц в его жизни — за ним закрепилась репутация лузера. Он пытался жаловаться, но становилось хуже. Правда, уже не били. Мстили по-другому: наливали воду в кровать, могли и помочиться. Саша терпел, надеясь только на то, что скоро заберут. А теперь... Детский дом? Да он ничем от приюта не отличается: народ там такой же, и лупят так же...

При воспоминании о драках всё внутри съёжилось. Обрывки беседы с трудом доходили до него.

— У меня всё есть, вон список документов: квартира двухкомнатная, машина наша, зарплата нормальная, можете проверить, на еду хватит.

— Да-да, вы молодец, все документы в порядке. Вы же опеку захотели оформлять, а не усыновление, — значит, государство будет выплачивать на Сашу пособие, льготы предоставит...

— Пособие сейчас оформлять будем, или отдельно приходите?

— Ну, вы погодите, — улыбка неловкости скользнула по лицу. — Мы сначала должны решить, остаётся ли Саша у вас или нет.

— А что, в детский дом его, что ли, решили?

Саша вздрогнул. Если в детдом — сбежит, он уже решил. Ему Костик рассказывал, как потом устроиться. В приюте Костик появлялся раз в три месяца. Он был вроде как сам по себе, пацаны его не трогали, потому что знали, что у Костика в друзьях воры Казанского вокзала. А в тюрьме его батя — выйдет, всем отомстит. Костик приходил в приют сам, получал полный комплект

одежды, обуви, немного отъедался и отдыхал от своей воровской жизни и через месяц уходил снова. Он именно уходил, неспешно, обдуманно, загодя аккуратно сложив всё положенное государством добро. Вещи он тут же продавал, спуская получку на игровые автоматы. А потом жил и «работал» на вокзале, пока снова не тянуло в тепло.

— Да нет, нам бы не хотелось, естественно.

Саша испугался, что из-за своих воспоминаний пропустил что-то важное, и не мог понять, чего именно тётке «не хотелось бы». В какой-то момент он перестал понимать, чего теперь бояться. В детский дом? Нет, туда точно нет... Дед?..

«Да отвяжитесь, наконец, от меня! Все, все! — Незнакомая прежде ярость ударила ему в голову. — Тётка, ишь, заботу изображает («Нам каждый ребёнок нужен»), а ведь ей на него плевать, Саша это сразу понял. И дед не лучше! За столько лет даже не поинтересовался, как там внучек. Другим подарки к каждому празднику. А ему — за всё это время — самосвал: капот не поднимается, дверки не открываются... Один проживу! С Костиком на вокзале!»

Саша будто заглянул в бездомную пугающую неизвестность. Ему стало так жалко себя. Ожесточение схлынуло. Он растерянно прислушивался к разговору взрослых.

— Мы здесь за тем и собрались, чтобы решить вопрос об опеке, — председательница напряжённо оглядела присутствующих. — Уважаемые члены комиссии, есть ли у вас вопросы?

Судя по скучающим лицам, вопросов не было.

— Ну, вы тогда подождите в коридоре, а мы обсудим и вам скажем.

— Сейчас скажете? А то мне ещё на работу сегодня надо заехать.

— Да-да, мы сегодня примем решение. Вы пока можете пойти передохнуть.

Как только дверь прикрыли, дед начал отзваниваться на работу, что-то раздражённо объясняя. Саша проводил его взглядом до лестницы и прильнул к щели, оставленной для сквозняка.

— Ну что, я так понимаю, будем отдавать? — после выхода деда с внуком все зашевелились, кто-то снимал пиджак, кто-то жадно пил уже нагретую воду. — Проблем с документами, я так понимаю, нет?

— Нет, он всё принёс. По доходу всё нормально, квартира на него оформлена, никто больше не прописан. Мальчику по исполнению восемнадцати лет предоставлять жильё не нужно, за ним будет числиться эта жилплощадь.

— Хорошо, меньше инстанций, меньше бумаг. А остальные — что скажете? Вроде дед нормальный?

— Да, вообще-то, по нему не поймёшь, — откашлялся окончательно взмокший Игорь Алексеевич. — Может, нам надо побольше о нём узнать, пригласить их на наши тренинги или консультации, а там и решать?

— Вот вы, психологи, молодцы какие! — взъелась председательница. — И куда ж мы его должны деть, пока они к вам ходить будут? Сейчас конец мая, если не отдать деду, то нужно Сашу в приют или детский дом пристраивать. А они все с июня разъезжаются по лагерям. Ему нужно будет срочно путёвку с кем-то оформлять. Вы представляете себе, как на государственного ребёнка оформить путёвку за неделю? Это гонка невозможная: ходить, выпрашивать, выбивать — списки-то все оформляются чуть ли не с зимы. А если не возьмут — тогда в инфекционную больницу придётся, сидеть мальчику, как минимум, месяц, если на июль смогут пристроить! Вы считаете, это лучше будет?

— Да не то, чтобы... — уже с меньшей уверенностью продолжил психолог. — Может, обязать их походить к нам в ближайшие месяцы. Непонятно, где раньше-то дед был, почему вдруг объявился? Десять лет с семьёй не общался, не интересовался никем, а теперь вдруг решил мальчика взять. Опека подразумевает приличное финансирование от государства, тоже настораживает. Всё-таки не котёнка отдаём...

— При чём тут котята? Вы один тут озабочены судьбой ребёнка? Мы все ищем наилучший вариант для мальчика. Мало ли, какие споры в семьях могут быть. Дочери-алкоголички, вот и не хотел общаться, что тут непонятного! Вам нужны консультации, чтобы это узнать? Человек в будни работает, вот лично вы готовы по выходным с ними заниматься?

— По выходным не хотелось бы... Ну, давайте хотя бы предложим?

— Конечно, предложим, посоветуем, проконсультируем. Всё как обычно, приложим максимум усилий!

— Да, как обычно... — ухмыльнулся психолог.

— Вы хотите что-то конкретное предложить, Игорь Алексеевич? — голос зазвучал озлобленно.

— Нет, конкретного пока ничего, надо подумать...

— У нас нет времени думать! — оборвала председательница. — Мы должны принять решение сейчас. Пригласите их, пожалуйста!

...Вошли. Мысли в голове у Саши кружились, он не знал, за какую ухватиться.

— Виктор Анатольевич, на сегодняшний момент комиссия решила передать вам право опеки. Поздравляю! — она активно изображала улыбку. — Вы вполне подходите по всем параметрам. Мы надеемся, что у вас всё получится. Документы будут оформлять некоторое время, так что вам ещё придётся к нам приехать, но уж такова система.

— Долго ещё надо-то будет? — дед методично укладывал в папку бумаги. — Чтоб с работы отпустили, нужно договариваться.

— Да-да, мы понимаем. Вся процедура займёт около месяца. Но забрать Сашу вы можете уже сейчас!

— Месяц, ладно. Понял, забираю.

— Мы бы хотели вам рекомендовать занятия у психолога.

— Это зачем? Он же нормальный вроде, — буркнул дед, постукивая листами по столу, чтобы стопка была ровнее.

— Это для вас обоих, чтобы лучше привыкнуть друг к другу, всё-таки давно не общались, могут быть конфликты...

— А без этого никак? — он перестал складывать бумаги и удивлённо посмотрел на председательницу. — Работа у меня.

— Ну, не то, чтобы никак! — заторопилась та, как будто тоже переживая, что дед передумает. — Это наши рекомендации. Может, позже, в июле.

— Нет, в июле у меня отпуск. Мы на дачу поедem к моему другу, — бумаги отправились в портфель.

— А, ну на дачу — это замечательно. Отдохнёте на свежем воздухе. Ну что, Саш, я же говорила тебе: всё будет хорошо! Ты-то рад?

Саша молча глядел в пол — в приюте это вошло у него в привычку. Он хотел взглянуть на тётку, но никак не мог поднять глаза. Почувствовав, что на него смотрят и ждут ответа, он едва заметно кивнул.

— Что ж, тогда всего вам хорошего! Остальные бумаги вам сейчас передадут в 102-м кабинете. Удачи!

Когда они вышли на улицу, начинало темнеть. Собиравшиеся всю неделю тучи, казалось, готовы были вот-вот затупить раскалённый асфальт. Мамочки спешили увести детей с площадки и собирали разбросанные игрушки, пока разгорячённая детвора пыталась поиграть впрок.

Рыжий пёс бродил по площадке, провожая взглядом убегающих ребят.

— Рыжик, Рыжик, на, чё дам! — закричал ему Саша. Пёс подбежал к незнакомому мальчишке, как будто знал его целую вечность. Саше вдруг захотелось уткнуться в эту длинную пушистую шерсть, почувствовать тёплое прикосновение, мокрый нос... Пёс улыбнулся открытой пастью, обнюхал протянутую руку.

— Нечего дразнить собаку, если у тебя ничего нет, — нахмурился дед.

— Да я просто погладить хотел! — Саша присел, было, на корточки, чтобы потрепать пса, но остановился и перевёл глаза на деда, боясь его неодобрения. Только теперь он понял, что совсем не знает этого человека. Не знает, что можно делать, а что нет. А ещё не знает, любит ли дед футбол, умеет ли жарить картошку, и как его нужно называть: дед, дедушка или по имени-отчеству.

— Бездомная собака — чего её гладить, только подцепишь что-нибудь! — Дед посмотрел на часы. — На работу не успел! — Он ещё раз открыл портфель, проверил бумаги, и, махнув Саше головой, пошёл к машине. Саша выпрямился и поплёлся за ним. Под ногами замелькали бледные от засухи чёрточки тротуарной плитки.

TU ME MANQUE

Странный язык. Вроде бы хочешь сказать: «Я по тебе скучаю», а дословно переведёшь — «ты меня скучаешь». Как будто это не мои чувства, а *ты* делаешь так, что я скучаю. А может, и впрямь, ты так и делаешь?

А чего ждалось-то? Как на рекламных буклетах: зелёная лужайка, а на ней развалились белозубо улыбающиеся парни и девушки... Кстати, тогда бы уже насторожиться. Не девчонки-мальчишки у них, а именно парни, со щетиной, загрубевшие, девушки с весёлыми морщинками — а ведь только закончили школу. Наши-то курса до третьего ещё как дети, если не размалюются. На выпускных фотографиях мы в смешной форме — бордовые жилетки, белые рубашки — гимназисты. Они же окончание школы отмечают в мантиях и кафедралках, как будто достигли вершин науки. Всё другое, даже надежды другие, самоощущение иное.

Она налила себе чая погорячее. Очередная суббота. Окно большое, во всю стену, распахнуто настежь. Как будто открыла дверь в своё одиночество: может, кто заглянет?

Весна... А там у нас зима только отпускает. Тают уродливые, проступившие чернотой сугробы, замызганные дворники-таджики почёсывают лопатами потрескавшуюся от холода кожу асфальта. Каждое утро, часов в шесть...

Она закрыла глаза и вспомнила тот разрывающий утреннюю тишину звук: когда до подъёма есть ещё полчаса — самые сладкие, будто всю ночь не спалось — и тут кших-кших. Бррр...

А когда здесь дворники убирают? Что-то и не припомню, чтобы их видела. Зато собачники ходят с мешочками, так мило. Эдакий верзила выгуливает своего пуделька и семенит за ним к каждому дереву: «Вы закончили, сэр? Позвольте...» И неловко ему, но, попробуй, не позаботься, сразу найдутся — причём не обязательно старушки, как у нас, любой прохожий: «Месье, вы забыли убрать!» И оправдание, что забыл пакетик, не сработает, будут стоять над душой и ждать, пока не выполнит предписание. Даже деревья вдоль тротуара растут по одной линии, зажатые асфальтом в жалкие квадратики земли. Здесь как будто всегда чисто. Так чисто, что аж...

Не начинай! Что, лучше как у нас? Остановки, устланные следами торопящихся влезть в автобус курильщиков. Высыпать бы им прямо в постель всё то, что они за месяц выбрасывают под ноги — мягкий матрас выйдет, зацените. А эта уникальная манера плевать. И главное, идёт тебе навстречу по дороге, глянет победно, с хрипом втянет воздух и... хрясь!

Фу, так можно напрочь аппетит отбить. Впрочем, не помешает его хотя бы временно обезвредить: полка со сладким почти опустела за два дня. Интересно, долго можно себя убеждать, что «мозгу нужна глюкоза»?

Что там у нас завалюсь в шкафчике? А, чипсы! — пошарив рукой, дотянулась. Вот они: сыр-ные, арахисовые, с пиццей. Состав в самый раз: штук тридцать разных «Е». Сырный воздух, воздух арахисовый. Отличный вкус — без поводов для вкуса. Как и вся жизнь здесь: одни усилители. Море, природа, горы... Вроде как сами ингредиенты есть, но почему такие пресные? Не приправишь баночкой местного пива, распрекрасная эта жизнь в горло не полезет. Комом стоит!

Комом... Как в зале вылета в Шереметьево, когда до последнего всё машешь, машешь, уже и не можешь увидеть своих за таможенной перегородкой, подпрыгиваешь, машешь... и хочется сглотнуть, но никак... И непонятно, ради какой такой идеи мы это делаем, если так пусто становится внутри? Но куда там, гони такие мысли, мы же за «светлое будущее», жертвы необходимы, чтобы потом... И утешаешь себя этими иллюзиями, по несколько раз созваниваясь до вылета, пытаешься наговориться.

И вроде как ещё на своей земле стоишь, но уже и не коснёшься её, сразу в воздух. И хочется, как в детстве с карусели, вытянуть вниз ногу и хоть чуть-чуть, но зацепить при разбеге землю. Но садишься в самолёт, и уже никак не дотронешься до неё, как ни тянись, только из иллюминатора цепляешься взглядом за исчезающие огоньки, узнавая очертания улиц...

Сырые, мартовские улицы... Народ никак не оттаёт, лица измотанные, зелёные, в метро, как в лифте: поскорей влезть, поскорей выйти, захлопнуть дверь за этим миром. Весь день перебежками. И каждый рядом с одинаковыми мыслями: не видеть бы никого, скорее домой! Там тепло, там дети смеются, родные обнимают, там стоптанные тапочки, там своё место за столом. Такой нежный, нужный мир. Такой хрупкий, что не дай Бог кому в него заглянуть — разрушат, сглазят, натопчут. Вот и прячут его за угрюмыми лицами. И чем мрачнее стража, тем надёжнее. Едешь с ними, с такими же, растворяясь в этой дремотной молчаливой массе. И ещё больше свой мир любишь...

Улыбки у наших — редкость. Если увидишь — удивишься, сразу додумываешь: что у него такого, у этого лысого, случилось, что так сияет? Повысили? В лотерею выиграл? А может... Вот он до сорока дожил и решил для себя давно, что навсегда один, глупо ждать дальше, не хватило на него человека, чтобы рядом до самой старости, прямо перед носом раздалось резкое: «Сказала же, дальше очередь не занимать, кассу закрываю, идите в другую!» А другая — очереди-и-ина... В этой двадцать с хвостиком лет стоял, в той как минимум столько же. И сил стоять и ждать больше нет. И смотрит он на эту свою уже ставшую почти родной коробочку «Счастье семейное»: вся поистрепалась, пока в руках столько лет теребил, уже и забыл, какие ещё на полках стояли... И понимает, что проще оставить где-нибудь здесь у кассы (обратно на полку возвращать совсем тоскливо), авось не заметят, и потихоньку к выходу, стараясь не смотреть на счастливых, пробивающихся на кассе... И тут ему в спину: «Мужчина! Мужчина, я вам! Вы брать что-то будете? Да вам я, вам! Подходите, я сейчас за кассу сажусь! Только скажите, чтобы за вами больше, чем на пять лет, не занимали, я не обедала ещё».

И вот он, как школьник, рванул к кассе, задевая кричащие полки со всякой бессмысленной мелочью. Вмиг вспотел от напряжения: вдруг кто ещё услышит, набегут, попробуй, докажи, что ему первому тётка сказала. И вот: стоит! Первый! Сияет! Гордо смотрит назад: «Да-да, сейчас она откроеет, только просила занимать не больше, чем на пять лет, вы им туда дальше передайте». Бегут, выстраиваются за ним. Ну, что же она так долго?! Уселась, включает, шуршит чем-то: «Давайте!». И вот уже у неё в руках она самая, родная — «Счастье семейное». Смотрит недовольно, поистерся штрих-код, вручную набирать придётся. Только бы получилось, а то ещё отправит менять! И тогда, знай, всё пропало, обратно уже не протолкнёшься. Смотри-ка, пробивает... Пробивает!!!

— Упаковать?

— Что, простите? — волнуется, о чём спрашивают, не поймёт.

— Упаковку брать будете? Дом там или квартира, комната? Во что упаковывать?

— А! Нет-нет, спасибо! Пока нет! — а сам боится, за это бы суметь расплатиться, хватит ли? — Я сам упакую, потом.

— А, ну держите. Всего хорошего!

И вот он идёт, светится! Теперь бы, главное, всё правильно сделать! Инструкции-то внутри не оказалось, но не возвращать же обратно.

Улыбается, как ребёнок, сжимает в руке телефон, и всё посматривает, проверяет. А там на экране эсмэс: «И вам спасибо за вечер! Завтра могу после восьми. Я тоже этот фильм ещё не видела, с удовольствием схожу!»

И мир теперь другой совсем, пьянящий, как карусель. Идёт он и любит эту псевдовесну, этот воздух, эту угрюмость вокруг. И сияет, провожаемый взглядами исподлобья. И видно такого из всей толпы аж с той стороны улицы...

А здесь? Выйдешь... и все они улыбаются! Взглядом с кем встретишься — *трынь*, уже натянули для тебя сорок лицевых мышц. *Трынь* — и ты в ответ: ты ж интегрируешься, культуру их поддерживаешь. И не удивляешься этим взаимным улыбкам. Как блаженные! Приятно? Должно быть. Они же искренне. Только не от радости, а из вежливости.

Даже тот, надутый в аэропорту, тоже улыбался:

— Боюсь, мадмуазель, вы опоздали, — *трынь*.

— Как опоздала?! До вылета ещё 52 минуты!

— Да, мадемуазель. Полагаю, в вашем билете написано, что посадка заканчивается за час. Давайте я покажу, внизу строчка.

— Да видела я! Не могла найти нужную стойку! Пожалуйста, я успею, вы только зарегистрируйтесь скорее, — *трынь* ему в ответ пошире.

— После регистрации пассажиру нужно пройти ещё общий досмотр, затем паспортный контроль, затем повторный досмотр перед посадкой. Сейчас Рождество, очереди очень длинные.

— Да-да, я знаю, конечно, длинные! Пожалуйста, поскорей! — умоляющая *трынь*.

— Тогда вы должны понимать, что не успеете, — *трынь*.

— Прошу вас, вы мне дайте попробовать, сами же сказали — Рождество, праздник. А уж я постараюсь, попрошу, чтобы пропустили вперёд.

— Не думаю, мадемуазель, что это корректно: просить пассажиров, пришедших вовремя, пропустить вас только потому, что вы не рассчитали своё время. Судя по вашему билету, вы не относитесь к льготной категории граждан, проходящих вне очереди. Это люди, нуждающиеся в физической помощи персонала, пассажиры с детьми, беременные женщины...

— Да знаю я! Какая вам разница, это же я попрошу, а не вы! Пожалуйста, время идёт!

— Да-да, мадемуазель. Время вышло, я же сказал. К сожалению, ничем не могу помочь.

— Так зачем вы мне всё это объясняли, раз «нет»?!

— Это моя работа, разъяснять правила перевозок, — *трынь*.

— Отличный сервис! — гневно пышет в упор.

— Пожалуйста, мадемуазель.

— А поговорить с кем-то компетентным в этом вопросе можно? С вашим начальством свяжите, пожалуйста.

— Боюсь, что по данному вопросу я предоставил вам полную информацию. Мне очень жаль. Вы можете купить билет на другой рейс на первом этаже.

— Да неужели?! — уже не получается *трынь*, убить бы его взглядом.

— Счастливого Рождества! — *трыннннн*.

До сих пор всё бурлит, как вспомнишь! А главное: улыбка-то с лица не сползала. А за ней — полное к тебе безразличие.

Интересно, а если жениться передумают, они тоже с улыбкой сообщают?

— Согласны ли вы, месье?..

— Простите, кхм, полагаю, что нет. *Désolé*¹.

— Дорогой? Ты что — передумал? — нервное *трынь*, хлопывает прилепленными ресницами.

— Боюсь, что да... — поджимает губы в извиняющейся улыбке.

— А почему сейчас? Мы же семь месяцев готовили свадьбу, все гости здесь! — растерянное *трынь* заморозило мышцы.

— *Oui, mais... m-m-m, je ne sais pas... donc, c'est la vie...*²

— Но объясни, что случилось? Может, ты всё-таки передумаешь? — заискивающее *трынь* пробежало по лицу, упало на букет, задрожавший так некстати.

— Сожалею, дорогая, боюсь, что нет. Ничего не выйдет. *Von jounee...*³ — *трынь*: — Мне пора.

И все гости, поддельно сочувствующие и неподдельно злорадствующие, заулыбаются.

Ну, не идёт учёба! Надо бы засесть, но ведь не идёт. О чём угодно мысли лезут, но не о налогообложении. Школьную медаль надо было с собой взять, что ли, хоть смотреть иногда, стыдно бы становилось. Куда ушла сила воли? Наверное, захла вместе с иллюзиями об интересной профессии. Хотя какие иллюзии, себе-то врать не надо. Что предложили, на то и согласилась. Даже подумать не успела. Да и что можно надумать в шестнадцать? У нас народ только начал подниматься после 90-х. А тут — Франция... Ноги в руки и вперёд, а уж потом полюбишь то, что имеешь.

Что ж ты, мама, не запрещала смотреть «Элен и ребята» — не примеряла бы я на себя киношное счастье! Хотелось, как в сериале: друзья, все такие улыбчивые, заботливые. Целыми днями: универ-спортзал-кафе. Не жизнь — песня! И вроде бы есть и универ, и спортзал (кстати, надо посещать поактивнее)... Только в кафе сходить не с кем! Да и понятия о дружбе у них не те, что в сериале. Каждый сам за себя. И жёстче: каждый за *правила*. Узнают, что списываешь — сообщат: беспорядок! Приведёшь в общагу гостей — доложат. Лекцию пропустишь, на море поедешь — тем более проинформируют. Потому что так — *правильно*. Потому что из этих *правильно* вырастает образ жизни. Рождается Законопослушный Гражданин. Бунтари Европе не нужны.

Хотя и плюсы есть: горы, море, солнце... Солнце... Навязчивое, депрессивное. Так шпарит — только лежать на пляже. От яркого света уже тошно, как от их улыбок.

У нас и солнце-то более искреннее, редко подмигнёт, но зато как. Что-то праздное есть в этих южных краях. Вечная тусовка. А наше лето...

¹ Сожалею (*фр.*).

² — Да, но... м-м-м, я не знаю... ну, такова жизнь (*фр.*).

³ Хорошего дня (*фр.*).

Она присела на так и не застеленную кровать, поджала колени и с улыбкой зажмурилась, вспоминая нежно-серое московское утреннее летнее небо. Дождь шуршит. И от стекла глаз не оторвать: целая Вселенная скользящих капель; ползут, сливаясь в ручейки, скатываются «паровозиком», снова замирают. А за стеклом — танцующие листья, будто невидимые человечки едва касаются их балетками: парара-рара-пам-пам, пам-пам. И вся скудная городская природа перезванивает колокольчиками, передавая сплетни шептавшихся ночью звёзд.

А внутри как будто мурлычет что-то, лениво перекатываясь. Окна откроешь — зябко, свежесть врывается, охватывая тело мурашками. Кутаешься в свитер, плед, дремоту... и втягиваешь в себя эту музыку, нежность, сказочность. И мысли внутри медленно танцуют в такт. Всё идёт так отлаженно, надёжно, просто. И с каждым вдохом всё больше сил, энергии набирается. И хочется двигаться, делать что-то... Творить, вытворять, гениальничать — в такт разыгравшемуся ливню. Нарастающие потоки будят всё накопившееся в душе. И жить — хочется!

А потом вдруг раз — тишина... И как будто после потопа жизнь замерла, насторожилась, прислушивается... Несколько мгновений — и уже зашуршало, закопошилось, задвигалось всё, выползло к небу в ожидании лучика. И солнце лениво раздвигает уютные свои подушки-тучи, неспешно потягиваясь, поглядывает на этих муравьёв внизу, начинает *свой* день. И листья уже не танцуют, а робко выгибаются, подставляя спинки погреться, щеголяя хрустальными россыпями дождинок. И хочется туда — с ними, — хоть краешком ухватить солнечного блеска, как будто сотни ночей провёл в подземелье.

Она открыла глаза и невольно нахмурилась от резкого кричащего света. Из сада вызывающе смотрело солнце. Довольное, целиком заняло всё окно, пролезло в комнату, оттеснив тени к стене. Уселось.

— Не скроешься от тебя! Зашторишь — придётся лампу включать, как в больнице, тоска. А с тобой ни на чём сосредоточиться невозможно, лезешь всюду! — она раздражённо встала, выплеснула чай, снова открыла холодильник.

— Ну вот, докатились: с солнцем разговариваем. Пожевать, что ли, чего-нибудь... — полупустые полки предлагали либо занудно-полезное, либо приятно-отравляющее: суррогатные шоколадные пудинги, глютоматные колбаски, кислотного цвета желе... — Ну что, видимо, очередь антидепрессантов! — она запустила в рот пару острых колбасок, отломив хрустящий багет.

— Хм... то есть врут они всё про зимнюю депрессию. Вот вам палящее солнце — и депрессняк к нему. Заедем-с. Не проходят, товарищи психологи, ваши рекомендации: чаще бывать на свежем воздухе, получать солнечные ванны, гулять... Как было тошно, так и осталось. Ну, что теперь скажете?

А и, правда: что бы они сказали?..

— Заелась, деточка. Сидишь тут, на средиземноморском побережье, летом наслаждаешься, учишься, пока не работаешь, какие заботы?

— Да, но... — запнёшься, не найдёшь, что ответить.

— По шкале от 1 до 10, как бы ты охарактеризовала комфортность своего быта?

— Баллов 8–9, вроде всё есть...

— Вроде? А чего это у тебя нет?

— Ну...

— Еда?

— Вон, в холодильнике.

— Тепло?

— Весна вовсю.

— Крыша не протекает?

— В каком смысле? Если вы про здание — нет. А вот моя собственная, кажется, едет потихоньку.

— Условия для обучения есть? — иронию проигнорирует.

— Ну, стол, стул, учебники, лекции, интернет...

— Мозги? — уже сердито.

— В прошлом году были. Сейчас, судя по проваленным экзаменам, не уверена...

- И куда это, интересно, ты дела предоставленные природой мозги? Жировыми клетками обтянула? К сессии не готовилась?
- Готовилась, но сосредоточиться не могу. Слова эти...
- Какие слова?
- Да эти, на лекциях: прибыль, процент, продажа, выгода, спрос, прирост, налог, прибыль.
- Прибыль уже была.
- А, ну да. Вот, кстати, прибыли от всей этой затеи я не ощущаю.
- От какой?
- От того, что я здесь. Не моё это, кажется...
- Кажется? — перестанет писать в блокноте, уставится в упор.
- Не знаю...
- А кто знает?
- Может вы подскажите? — взглянешь с надеждой.
- Я, дорогая моя, занимаюсь делами поважнее. У меня до тебя сегодня уже пятеро. Мать с ребёнком-аутистом, мужчина, потерявший жену после тридцати лет брака, молодой человек с ночными кошмарами после службы в горячей точке.
- А пятый? Вы сказали пятеро.
- Пятый, к сожалению, в другое место должен будет обратиться, тут уже моей помощи не хватит, нужна медикаментозная поддержка. Так что ты давай, определяйся поскорее. А то мне на эту ерунду время тратить некогда.
- А с чем определяться?
- Как — с чем? Не твоё, говоришь?
- Не моё.
- А чего здесь сидишь?
- Да меня родные уже француженкой считают! Мечтают — в солидной фирме работать буду. Как же я всё это брошу? Неудобно...
- Неудобно спать на потолке, одеялко спадает. Давай быстренько, не раздумывай: чего сама хочешь, не анализируй, раз — и что пришло в голову, то и сказала.
- Не знаю...
- Я не спрашиваю, что ты там знаешь. Давай быстро первое, что в голову придёт.
- Ну, может, работу, как у вас. Людей слушать, а не какую-то прибыль считать.
- И чего сидишь тогда? С кровати поднимись, соберись и вперёд.
- Прямо так?
- Да как тебе будет угодно! Хотя пижаму лучше переодеть, а то приросла к ней. Всё, мне пора. Сейчас следующий будет: сорок лет, наконец, нашёл девушку, теперь боится, что сделает что-то не так, и она уйдёт!
- О, что-то знакомое, кажется... А что он от вас хочет?
- А это уже дело не твоё. Всё поняла?
- Ага.
- Ну, вперёд, действуй. И вот ещё: заканчивай со своими «вроде», «может», «как бы», «кажется». У тебя помимо мозгов ещё и душа есть, ей, знаешь ли, понадёжнее доверять...

Хм, какой-то у меня не добрый психолог получился. И вообще, они, наверное, на «вы» должны обращаться и как-то подушевнее, добрее. Но с этими «как бы», «может» и впрямь завязывать надо. Сплошная неуверенность. А в чём тут будешь уверенной? Разве только в том, что домой хочется.

Как же хочется! Скучаю по тебе... По каждой чёрточке... Детская, шторы, мамин пирог с капустой, папино кресло, код на подъезде, уже лет пятнадцать не менявшийся, трамвайная остановка на перекрёстке, город — звенящий, гулкий, бесконечно большой, люди — торопливые и медлительные, тихони, безбашенные, замкнутые, рвущие рубаху на груди, страна... огромная, нищая и богатая, измождённая и праздная, чужому непонятная...

Скучаю по тебе — ты меня скучаешь... *Tu me manque*. А ты? Ждёшь ли меня? Заметил ли, что меня нет, примешь ли обратно, *дом*?

ДРУГАЯ ВОЙНА

Прозвенел звонок, но решили не расходиться. Лысоватый профессор предложил работать без перемены, зато раньше закончить второй урок. На экране мелькали чёрно-белые кадры. Он видел их несколько раз по телевизору. Смотреть не хотелось: как здорово было бы развалиться на лужайке хоть на десять минут, снять кеды, носки, ощутить ступнями прикосновение уже тёплой земли, погладить пахнущую близким летом траву, почувствовать сквозь закрытые веки пробивающиеся солнечные лучи.

Спина и ноги затекли, но он приучил себя не подавать вида и подолгу сохранять одну позу. Так было надёжнее: никто не придерётся, что ему не интересно, что он не хочет слушать. С годами он научился жить в новом мире с его правилами. Это было сложнее, чем *там*. Правил больше, и некоторые уж очень странные. В прежней жизни правило было одно: хочешь выжить — попробуй! Здесь всё запутанней, но он принял условия игры, даже не пытаясь понять.

Вот и сейчас решили сидеть в наглухо зашторенной аудитории и смотреть, как дети на экране засучивают рукава и показывают оператору номера, набитые на тощих руках, как они жадно вылизывают алюминиевые миски; как взрослые мужчины, похожие на скелеты, закапывают горы таких же скелетов, едва удерживая в руках лопаты. Он не понимал, почему его одноклассники смотрят, не отрываясь, на эти смерти, когда там, за дверью, в саду лица пахнут жасмином, а в столовой уже начали подавать обед: сегодня спагетти с мясом. При мысли о еде в животе заурчало. Он глубоко вздохнул, пробежал глазами по знакомым лицам и снова вернулся к экрану, изображая интерес. Кадры на экране сменяли друг друга, вызывая дремоту...

— Итак, я предлагаю вам поработать в группах, — профессор включил свет, и класс постепенно начал оживать. — Ваша задача — сделать к следующей неделе небольшой проект. Обсудите увиденное, соберите информацию у своих близких, может быть, семейные истории, найдите фотографии тех лет. Попробуйте максимально подробно воссоздать хотя бы маленький кусочек того времени. Вы можете выбрать один день из жизни лагеря или конкретного человека, будь то солдата или ребёнка, один час боя, или ночь бомбёжки. Проявляйте фантазию и творчество! — закончил он, жестикулируя, как фокусник.

Фантазия и творчество... Как учитель мог применять эти слова к такой теме? Он вспомнил, как впервые услышал их ещё на родине, когда ему посчастливилось попасть в детский лагерь какой-то благотворительной организации. Их собрали в огромной зелёной палатке с длинным столом. Перед каждым положили новую футболку, и молодая белая девушка с рыжими веснушками и широкой улыбкой объявила: «Привет всем! Меня зовут Джулия. Сейчас мы с вами будем заниматься творчеством. Вы сможете сделать из своей футболки настоящее произведение искусства, используя блёстки, краски, фломастеры и аппликации!» В палатке повисла тишина, никто не шевелился. Девушка немного растерялась: «Вы можете придумать всё, что хотите, используйте вашу фантазию!» — для двадцати детей эти слова звучали непонятно, оттого и пугающе. «А потом вы сможете забрать футболку себе!» — ребята начали переглядываться. Первым рискнул толстяк Дуби, самый старший и самый глупый: он ухватил футболку и прижал её к себе. Двадцать пар глаз с испугом уставились на рыжую девушку. Она, как ни странно, улыбнулась: «Да-да, это ваша вещь, вы можете сделать из неё, что хотите, и забрать домой!» Кто-то начал натягивать футболку на себя, тогда можно будет убежать, если захотят отнять.

«Нет-нет! Подождите! Не надо надевать. Вы же не сможете ничего нарисовать!» — она хотела было, подойти к детям, чтобы помочь снять футболки, но, увидев испуганные взгляды, остановилась, задумалась и направилась к ящикам в другом конце палатки. Вернувшись, она небрежно бросила на стол новую футболку, открыла баночку с красной краской и, расправив складки ткани, что-то нарисовала. Он хорошо помнил своё изумление: зачем эта добродушная девушка портит такую замечательную новую вещь. Другие тоже настороженно наблюдали, как Джулия, по очереди подходя к каждому, показывала, какие рисунки можно сделать, обведя ладонь или наклеив блестящие кусочки бумаги.

Когда через полчаса очередь дошла до него, он крепко вцепился в неожиданный подарок и, не смотря на то, что вокруг уже кипела работа, старался не поднимать глаз, пока Джулия открывала

стоящие перед ним яркие баночки с краской. Если эта вещь его — он ни за что на свете не будет портить её краской.

Он был восьмым ребёнком в семье и ещё ни разу не получал новой вещи, купленной специально для него. Одежду скидывали подросшие братья, он терпеливо ждал, пока к нему перейдёт очередная рубашка или шорты. Обидно было, когда вещь не доходила до него, потому что заплаток было слишком много. Тогда мать бережно разрезала её на небольшие кусочки, чтобы потом заштопывать ими прорехи других обносок.

— Да что с тобой, малыш? Я же сказала, это твоя вещь, я не заберу её обратно! — Джулия погладила его по голове. — Смотри, ты можешь сделать, как у меня. Вот видишь, тут нарисован замок и принцесса. Это сделала моя младшая сестра. А у тебя есть братья или сёстры? Ты можешь подарить им — футболка большого размера! — Он взглянул на стол и с ужасом понял, что все они одинаково большие. Всё пропало! Дарить её он никому не хотел, но мать и не спросит, отдаст старшим братьям.

Он грустно смотрел на Джулию, с улыбкой описывающую возможные узоры и украшения.

— А на рукаве ты можешь написать имя своего брата или друга, чтобы это был подарок специально для этого человека!

Он ухватил фломастер и быстро большими буквами написал единственное слово, которое успел выучить в свои восемь лет: «Jamaica».

— М-м-м, оригинально. Ты знаешь про эту страну? Мы можем нарисовать её флаг или пляж с пальмой, я где-то видела здесь аппликацию.

— Это его имя, мисс Джулия! — влезла его беззубая соседка и одноклассница Габби.

— А! Вот как! Спасибо! Ты можешь звать меня просто Джилл. Так, а тебя, значит, зовут Джамайка. Очень красиво. Немного крупновато получилось, зато издали будет видно твоё имя!

Надежда блеснула в его голове. Может, мать и не отдаст футболку с его именем. Теперь он делает самую красивую вещь в своей жизни. Он оживился, стараясь успеть наклеить как можно больше картинок и блестяшек. На спине он оставил несколько разноцветных отпечатков своих ладоней и для надёжности вновь написал имя.

Его восторгу не было предела. Занятия длились целый месяц, каждый раз они делали что-то, и Джулия называла это творчеством: украшали кружки, кепки, носки, обклеивали коробочки, мастерили бусы. Все эти богатства они уносили с собой. Вот это было творчество и фантазия!

— Джама! Иди сюда, мы все здесь!

Он послушно поплёлся к своей группе за широкий стол под акацией. Эмили была их лидером в этом проекте, и он с тоской понял, что обед испорчен: она захочет начать обсуждение прямо сейчас.

— Мы как раз выбираем, какой формат нам интересен. Пит предложил сделать реконструкцию и отснять на видео! — Он перевёл взгляд на Пита, но тот был занят поеданием непомерно большого гамбургера со стекающим сбоку кетчупом. Не совсем понимая, что от него ждут, Джама по привычке кивнул.

— Надо решить, что мы будем делать. Можем, например, составить подборку историй, которые в детстве слышали от своих дедов. Принести фото стариков, какие-нибудь их вещи! — пока Пит это произносил, из его набитого рта летели крошки на стол и на футболку.

— Пит, прожуй сначала, фу! — скривился Ману. — Не подойдёт, Джама тогда не сможет участвовать с нами. У вас ведь там не было Гитлера?

— Нет... Гитлера не было, — он опустил глаза, стараясь настроиться на добротный обед.

— Повезло вам! — снова включилась Эмили. — Представляете, европейцы гибли тысячами, а где-то в это время люди наслаждались жизнью, ни о чём не задумываясь...

Джама посмотрел на её лицо: белая, почти прозрачная кожа. А волосы длинные и прямые, как будто отглаженные.

— Во-во! — оживился Пит. — Отлично выйдет! Серия историй от дедушек внукам, одна другой тяжелее, их драмы. И в конце: бац, контраст! Что-то вроде: «А на другой стороне Земли маленький мальчик слушал от своего деда совсем другие истории... Про беззаботную молодость, песни и танцы, про рыбалку, солнце, океан...» Здорово получится! Как будто для кого-то война, а для кого-то лишь слова.

Джама медленно накручивал спагетти на вилку, разглядывая свои шершавые руки со следами ссадин. Он никогда не слышал от своего деда таких историй. Он вообще его никогда не слышал. Мужчины в их краях редко доживали до сорока. Деда по линии отца никто не знал, а второй погиб со всей бригадой на стройке во время обвала. Ему повезло: несчастный случай. Семье выплатили его жалование за целую неделю! Отцу Джама повезло меньше. Он умер от малярии. Мать говорила, он долго мучился. За него никто не заплатил, а кормить его было нечем. Старший сын отвёз его в больницу. Там таких не лечили, но раз в день давали суп. После смерти тела больных сжигали, чтобы зараза не шла по округе, и родственникам не нужно было хоронить. Отца Джама не помнил. От него остался журнал, тот самый, посмотрев который мать выбрала имя для младшего сына. Читать она не умела, только разглядывала фотографии волшебной страны, где, как ей казалось, чёрные жили на роскошных виллах и ни в чём не нуждались. Он берёт журнал, перелистывая с детства знакомые страницы, обводя пальцем большие буквы на обложке: «JAMAICA».

— Нет, не получится. Я не знал своих дедушек. Умерли. И фото их тоже нет.

— Оу, извини, мне жаль, — Пит с лёгким усилием открыл банку с газировкой, она зашипела, и пена полилась через край. — Тогда давайте про один день. Например, самый первый, когда люди узнали, что пришла война. Ну, какая-нибудь деревня глухая, где никто ничего толком не слышал, и вдруг — на тебе! Обычный день, люди работают, отдыхают, ходят в церковь и тут... Какой-нибудь налёт, как в Пёрл-Харбор, или внезапно ворвались фашисты на мотоциклах. Это ведь самое страшное, когда война приходит внезапно. Раз — и вокруг уже маршируют новобранцы, копают окопы, строят казармы, везде военная техника. От одного вида людей в военной форме мне бы жутко стало!

Джама не помнил, был ли в его жизни похожий день или час. В какой-то момент белые разъехались. Не стало машин с едой, подарков, школьных занятий. Военных в форме он тоже не помнил. Просто начали появляться мужчины с мачете, реже с автоматами, обычно это были те, что главнее. Они не маршировали, не ходили колоннами и не строили казармы. Они приходили в чей-нибудь дом и оставались там на ночь. Хозяева старались поскорее уйти. Если не успевали, из дома раздавались страшные крики. Он помнил их до сих пор. Крики женщин, похожие на звериные. Больше всего он тогда боялся, что услышит такие из своего дома...

Криков женщин своей семьи он, к счастью, не слышал. Однажды летом мать слегла. Он заметил, как мать резко похудела, перестала вставать. Позже ему сказали, что это пневмония. Он не понимал смысла слова, забравшего его мать, и просто кивал. Ещё через год умерла старшая сестра. Он уже был большим, и ему рассказали, что она обнималась с плохим мужчиной, больным. И потому заболела сама. Старший брат часто кричал на неё, обвинял в чём-то. Джама не понимал за что, ведь виноват какой-то другой человек. Разве могла она догадаться, что заболит только оттого, что кто-то её обнимал.

— Джама! Ау-у! Ты опять где-то в своих мечтах?! — маленькая сердитая складка на лбу у Эмили делала её похожей на обиженного ребёнка. — Мы работаем в группе! И даже если тебе не интересно, каждый должен участвовать!

Он понял, что от него чего-то ждут, и вжался в скамью.

— Извини, я просто задумался про день начала войны... — Джама почувствовал, как потеют ладони, и потянулся к бутылке с водой.

— Парень, мы уже развили тему. Ты давай, правда, включайся! — Пит смотрел не столько с раздражением, сколько свысока. Он был не из отличников, но из тех счастливицков, которые умеют повести за собой, предлагая всевозможные идеи. Его любили и одноклассники, и учителя, в шутку называя балбесом, не использующим свой потенциал. — Мы про детей, которых отправляли в концлагеря.

— Это про тех, которые в фильме показывали свои руки с номерами?

— Бинго! И он снова с нами! — Пит поднял банку, изображая, что чокается с невидимыми друзьями.

— Пит, кончай! У нас времени мало. Давайте решать уже! — Ману был из толковых учеников, но очень нервный. Он объяснял это тем, что его родители уже два года как пытались развестись и постоянно вовлекали его в свои конфликты. — Я тоже за то, чтобы сделать акцент на детях. Это

за душу берёт. Маленькие, ни в чём не повинные люди. Их собирали толпами и отправляли в эти бараки. Почти не кормили, заставляли работать...

— Не знаю, это совсем жутко. Вроде не Средневековье, а откуда такое варварство? Как дикари. Мне даже страшно делать проект. Это — позор человечества.

— А я вот не пойму, как они отбирали туда детей? — Пит закончил с газировкой и теперь лепил что-то из пустой банки. — Это как можно понять по ним, маленьким, еврей или нет. Да и какая им, собственно, разница была, ведь они могли забрать детей себе и воспитывать их в верности Гитлеру! Дети-то ещё не выбрали, за кого они.

— Правда, ребят, давайте, может, не про детей? Это же страшно и несправедливо. У кого-то было счастливое детство, а у кого-то ад только потому, что он родился «не у тех» родителей. — Эмили посмотрела на часы, порылась в сумке, достала расчёску и начала медленно ею приглаживать и без того ровные длинные волосы.

Джама смотрел заворожённо на эту красоту. Он вспомнил волосы Габби — тоже длинные, но жёсткие, из сотни мелких косичек. Она всё время их теребила, поэтому с её головы сыпались соринки и песок. У остальных женщин в его деревне волосы стригли коротко. А Габби была из другого племени, и по их традициям у неё, как у её мамы, волосы не стригли, только заплетали. Он помнил, как они торчали из-под грязной простыни, когда выносили её тело. В отличие от Германии, на его родине никто не отбирал детей и не заставлял работать. Дети были не нужны, их просто выгоняли, и каждый мог идти, куда глаза глядят. Когда убивали родителей Габби, она не ушла. Какой-то человек с автоматом вытолкнул её и двух младших на улицу, но она, рыдая, побежала обратно в дом, и братья за ней. Джама слышал, как она плакала там. Из дома вышли трое. У одного был автомат, а у двух других мачете. С них текла кровь. Они крикнули Габби, чтобы та проваливалась, но плач продолжался. Тогда один подошёл к соломенной крыше и поджёг её. Крыша вспыхнула быстро, издавая сильный треск. Люди начали подходить к дому, но тот, с автоматом, несколько раз выстрелил в воздух, и народ разбежался. Потом все трое ушли. Жители вернулись тушить пожар, чтобы огонь не перешёл на другие дома. Из хижины вынесли шесть тел, покрытых простынями и тряпками. Никто не плакал.

Джама не знал, по каким признакам отличались люди разных племён. Но в их деревне все знали, кто какого племени. Первое время убивали только людей другого племени. А потом всё смешалось. Люди с мачете и автоматами просто убивали. Все стали ещё злее, еды не хватало. Дети ходили в джунгли за пропитанием. Так было безопаснее: взрослого сразу расстреливали, если он наткнулся на какую-нибудь группу с оружием в лесу. Детей не трогали.

Его сестрёнке Таре не повезло. Она пошла с подругой в лес и набрала много съедобных кореньев и ягод. Они несли их в корзинах, не спрятав под одеждой. Их остановили и потребовали отдать съестное. Подруга Тары испугалась и отдала. Она рассказывала, что те с автоматами были злыми и тощими, и крикнули девочкам, что они их охраняют и воюют за них, потому те должны их накормить в благодарность. А Тара сказала, что ей надо отнести еду голодным братьям. Её убили. Так рассказала подруга, прибежавшая к ним домой. Она рыдала, широко открыв рот и теребя руками короткие кудряшки. На её платье остались брызги крови. Малик, старший из братьев, схватил нож и убежал из дома. Остальные не шевелились. Малик так и не вернулся. Никто не знал, что с ним стало. Джама надеялся, что Таре не было больно, и она не кричала.

Когда двое с автоматами пришли к ним в дом, ему и братьям предложили вступить в отряд. Но старший — Кирки закричал, что они убили их сестру из-за еды, и он ни за что не будет с ними заодно. Это было глупо. Джама понял это спустя годы. Кирки было шестнадцать, они голодали, и у всех нервы были на пределе. Один из пришедших направил на него автомат и, засмеявшись гнилыми зубами, сказал, что их жадную сестру съели вместе с её едой. Кирки бросился вперёд, и тот выпустил в него целую струю патронов.

— Ну, что решили? Джама, тебе вообще хоть какие-нибудь предметы интересны? По-моему, ты на всех скучаешь! — Эмили укладывала свою сумку и собиралась на урок.

— Да нет, просто мне не очень хочется делать проект про войну. У нас она тоже была.

— Ты же сказал, что фашисты до вас не добрались. Они были в Либерии?

— Они — нет. Наша война была позже, уже в моём детстве.

- Да ладно, прям настоящая, как с немцами? — Пит недоверчиво посмотрел в глаза Джаме.
- Настоящая...
- И там даже кого-то убивали?
- Да, точно! Я же слышала в новостях: в Африке всё время кто-то с кем-то воюет. И люди ходят из одной страны в другую.
- А кто на вас напал? Русские или американцы? — не унимался Пит.
- Она была между нашими.
- Воевали сами с собой, что ли? И кто победил: вы или вы? — хмыкнул Пит, но, заметив выражение лица Эмили, сделал вид, что закашлялся.
- Получается, что никто.
- А, ну, это другая война... Пойдёмте, сейчас звонок прозвенит.

ЛИПКИ

Голоса в холле

Что такое Липки, пишушим объяснять не надо. А читателям расскажу. Вообще — это подмосковный пансионат, где ежегодно проводился Форум молодых писателей. Но название давно стало брендом, живущим своей жизнью. В прошлом году Форум прошёл в другом месте, но всё равно говорили: «Липки». В сущности, это молодёжная мифологема, сотканная из газетных отчётов, литературных сплетен и яростных постов в ЖЖ. А ещё — царство непризнанных гениев. Цыганский табор, без устали гомонящий всю отпущенную ему неделю. Семинары в Липках устраивают в холлах. Подходишь, и уже из коридора слышны возбуждённые голоса. А кто-то слушает молча. Но посмотрите, как сосредоточены лица! О чём же здесь думают и говорят?

— Пишу я с четырёх лет! — сияющие глаза победоносно оглядели присутствующих. — Читать меня научили в три, а в четыре я уже написала стихотворение!

Удивительно, что не в два. Господи, хоть бы кто разбавил это однообразие вундеркиндов, рассказал о тяжком, порой нудном ежедневном труде. О тоннах прочитанного, переосмысленного, прежде чем рука поднялась и рискнула написать что-то своё. А потом о таких же тоннах уже собственного, разорванного, скомканного, выброшенного в порывах гнева, отчаяния, потому что всё это — не то, недостойно, ничтожно; о месяцах молчания от осознания собственной бездарности, ради... Ради нескольких строк, выстраданных, выплаканных и оттого блестящих, которые теперь... привёз сюда! Я пронёс это чудо сквозь трёхдневное уныние плацкарта, с его потно-луковыми зловониями, туалетными сквозняками и липкими попутчиками. Я привёз его вам, готовый к битве, к борьбе, жаждущий каждого нового мнения, слова. Хотя бы взгляните, прошу вас! И я месяц буду запрещать себе прикасаться к бумаге, разгромленный, полный смятения и тоски, чтобы однажды посреди ночи вскочить и выплеснуть всё то, что смог нажить, начувствовать. А потом править, править, править! Вычёркивая снова и снова! Вспоминая каждое ваше наставление, будто впервые понимая всю ценность той беспощадной критики!

— В семь лет мама напечатала мои стихотворения, их было уже больше пятидесяти! Потом она размножила их на работе, и мы раздали эти сборники всем нашим знакомым! — девушка откинула назад чёрные пряди с фиолетовым оттенком, оправила преждевременно уползшую вверх юбку. Бордовые колготки несколькими выразительными стразами подмигивали словам хозяйки. — Так что писала я всегда очень много, мне никогда не было лень писать! Сюда, как вы могли заметить, я тоже очень много послала.

Какая умница, не лень писать. Ну, а нам, по всей видимости, должно быть не лень читать. Вчера с самолёта, так и засел на весь вечер. В полёте не до чтения, уже зрение не то, пришлось дома... Жена такой штрудель испекла, ждала меня, неделю не виделись, а я вот занят талантами. И не поговорили толком, а теперь ещё неделю не свидимся. Работа...

— Вас вчера на открытии не было, сегодня приехали из Волжска? Как говорится, прямо с поезда?

— Я? А, не-е-ет! — кокетливая улыбка растревожила длинные серебряные сосульки в ушах. — Вчера я была у подруги на *деньрождения!* — просияли сосульки. Их хозяйка не заметила, как вытянулось лицо вопрошавшего. — В пять утра закончили отмечать, и к десяти я уже сюда! А в Москву мы переехали уже три года назад, потому что дома у нас творческим людям делать нечего. Мама считала, что мой талант там пропадёт впустую. Кому в этой глухомани нужны поэты, вы же понимаете. Поэтому я уже как бы из Москвы, просто на конкурсе указала, что из Волжска.

Что, Серёжа, купился на диалект? Увы, уже и здесь всё реже услышишь голоса малых городов. Они все нынче москвичи! Только для таких мероприятий вспоминают, откуда они. Что ж, удобно: живёшь в Москве, можешь в избытке пользоваться её ресурсами — литературными мастерскими, студиями, круглыми столами. А как на конкурс, то, пожалуйста: я из городочка N, у вас наверняка не найдётся и пары представителей нашей области, не отвертитесь, берите. Это мы, Сергей, ездим, ищем, а они уже тут! Ждут похвал и публикаций. Только мы, чудаки, не замечаем их шедевры.

— А учитесь вы где? — чеканная речь и пристальный взгляд как будто пытались выудить единственно правильный ответ.

— Ну, я пошла учиться на менеджмент в Институт культуры и бизнеса.

— Ага. Ну, как говорится, искусство всюду, — ответ, по всей видимости, не столько разочаровал, сколько озадачил.

Что, Сергей Сергеевич, грустит? Думал, они в Литературный идут или на филологический? Да ну что ты, им же деньги ковать надо, покорять столицу. А название-то какое: культуры и бизнеса! Хотят стать бизнес-поэтами.

— Ну, как бы писать я и сама умею, диплом для этого не нужен, а пошла учиться на менеджмент в сфере культуры.

Вот видишь, «как бы писать» они все умеют. Ну, разве не замечательно? Нам можно и не трудиться, просто читать и радоваться!

— А ещё я напечатала свой первый сборник, ну, первый профессиональный, а не как в детстве. Конечно, не в твёрдом переплёте, но у меня друг на дизайнерском факультете сделал обложку. Вот, привезла вам, Сергей Сергеевич, и вам, Алексей Иванович, со своим автографом! — гордой поступью в четыре шага, предварительно ловко одёрнув юбку, она вручила свой дар. — Приз в студию! — звонко рассмеялись сосульки.

На яркой обложке в стиле поп-панк-трэш-арт сложно было вычленить передний план или хотя бы основной мотив. Перо с чернильницей, свеча, окно и книги, и при этом половина зелёной женщины, отражающаяся в зеркале шестикрылым ангелом, роковой револьвер и подобие статуи Давида.

— Так, на чём я остановилась? Столько всего нужно рассказать ещё! — скрипучее кресло вздыхало от избытка энергии. — Значит так, дальше я продолжила писать в школе...

— Прошу прощения, поближе к сути! — резко прервал Сергей Сергеевич. — Всё-таки мы ограничены во времени, и хочется обсудить вас не второпях... — словесный поток юной поэтессы словно вытеснял из кресла его, харизматичного, пружинистого, жёсткого.

— Да-да, я вот как раз о сути. Ну, основная идея моего творчества, она может быть понятна далеко не каждому! Но это для меня не главное. Мне важно выразить себя, я иногда ощущаю, что просто не могу молчать.

Ну что ты, Серёжа, так на меня смотришь? Видишь, не может девушка молчать. Ну, ладно-ладно, подключусь и я:

— Голубушка, почитайте нам, на ваше усмотрение, из того, что вы привезли, — мягкая улыбка, тем не менее, указала жёсткое направление для продолжения беседы.

— Ой, хорошо! Даже не знаю, что выбрать. Или всё читать? Но это мы с вами надолго тогда засядем! — локоны мелодично подключились к танцам сосулечек. — Я лучшее сюда привезла, оно мне всё нравится.

Ну, кто бы сомневался. Как же замечательно, когда всё в себе нравится, только завидовать остаётся. А мы, старая гвардия, всё ищем кого-то. Вот она — наша смена. И ведь надо же их принять, надо успеть им что-то дать, пока не уничтожили русскую литературу. А как до них достучаться? Молодые, горячие, хотят напролом, не услышат. А вдруг услышат — ещё натворят дел от обиды. Работка у нас... А ведь достучаться, Серёжа, надо! Мы же в ответе за них, недоучек, за исковерканную школьную программу, за Донцовых и Шиловых на лотках, за скудость свежих идей. Ну что ж,

будем стучаться. Прилепных не штампуют сотнями, будем шлифовать. Читает... Ну, хоть читает с душой. Может, не всё потеряно.

— Хорошо, спасибо. Ну что ж, начнём. Кто готов к обсуждению? Здесь задача высказаться всем, как можно строже и жёстче. Автор должен получить качественную суровую критику! — глаза медленно сканировали каждого, как будто проверяя готовность полка. Чёрная рубашка, крепкий ремень, идеально отглаженные стрелки брюк — придавали образу воинственности.

— Ну, Сергей Сергеевич, не будем забывать, что стоит говорить и о положительных сторонах, автор всё же трудился, — улыбка осветила лицо второго «мастера», её тёплый отсвет скользнул и угас, затаился в крупной вязке мягкого свитера. — Помните, мы здесь объединены светлыми целями, мы создаём литературу.

— Тогда давайте я. Я читала Анжелику, и мне очень понравилось!

— Можно просто — Лика! Ой, извиняюсь, что перебила! — нетерпение юбки, по-видимому, охватило и хозяйку.

— Ну, да, так вот. Пять стихотворений мне очень понравились, а два не понравились, про пальмы и про смерть. А так и идеи понравились, и как вы пишете, Анжелика. То есть, Лика. Ну, вот... Спасибо.

Началось. Ну, не смотри ты, Серёжа, так жалобно, у самого уже сил нет. Предлагал же ещё в прошлом году запретить слово «нравится». Ну, сядь ты накануне, подготовься, накидай хотя бы десять синонимов «нравится» и «не нравится». Да, Серёжа, что делать. Значит, нужно их растормошить, нужно расшевелить. Какой год воюем, не унывать! Зря я, что ли, здесь глотаю вегетарианский борщ и хлебные котлеты вместо домашней запечённой утки? Раз живы-здоровы, надо бороться.

Эстафета «нравится» передавалась от одного к другому. Сосульки благодарно покачивались, запуская по стенам солнечных зайчиков. Новые лица, новые строки, новые судьбы... Новая литература — будет ли, придёт ли с ними? На столе в номере, как обычно, стопка их текстов. На некоторые даже и времени жаль: с таким багажом обсуждаться рано, с трудом тянет на этюды, но они же не хотят тренироваться. У них всё, что пишут — шедевры, всё надо обсуждать, а лучше — сразу печатать.

За пару дней стол заполнится целиком — потянутся пострелы с других семинаров: «Посмотрите, пожалуйста, оцените, подскажите, порекомендуйте, возьмите в журнал»... И стопки, стопки, стопки текстов... В большинстве своём однообразных: типовые герои, схожие сюжеты, эклектика стиля, штампы, штампы... Но в двух-трёх подборках засветятся искорки. Крошечные, дунешь — погаснут! Значит, надо защитить, сберечь, помочь развиваться...

* * *

Потрясающие! Да это просто потрясающие колготки! Глаз не оторвать! Такие стразы, наверное, вручную приклеивают... Эх, в Снежинске и не достать такого. У нас только чулки сеточкой, да и те папа даже примерить не позволит. Сразу все шептаться начнут, как будто фильмов не смотрели. Ого, у неё и маникюр со стразами! Наверное, кучу денег выложила. Интересно, она ещё и работать успевает или родители помогают? Нет, наверное, она сама уже им помогает, учится на «бизнесе», наверняка подрабатывает, платят много. А говорят, Москва людей портит! В Волжске, небось, она выглядела как все, жила как все, а теперь вон какая! Красивая, ухоженная, учится и работает! И стихи пишет. Правда, вот стихи... Совсем корявые. Или это верлибр? Да нет, рифмы есть, только иногда странные: мне — в траве, куда — весна. Но уже третий человек говорит, что нравится. Не могу же я сказать, что меня совсем не тронуло, что стихи скучны, скрипучи. Да и потом, когда она меня будет обсуждать, ещё наговорит суровой правды, а я и расплакаться могу, вот позор будет, приехала папина-мамина дочка.

А вдруг, и правда, стихи у неё отличные, просто я бестолковая. Вон «мастера» сидят вроде бы вполне довольные. Хотя по ним и не поймёшь. Может, они просто довольны, что выбрались в санаторий, на природу, с бассейном и полным питанием. Гуляй да читай — отличная работа. Сколько же лет нужно пахать, чтобы тебя вот так приглашали отдыхать. Тот, что помолчаливей, вон как к ней ласково: «Голубушка, почитайте». Обидеть не хочет. Значит, я тем более права не имею сказать жёстко. А второй вот-вот выскочит из кресла, хотя и не скажешь по лицу, что он в восторге, но глаза у него загорелись, наверное, впечатлён. Нужно сказать что-то хорошее, только

бы найти, о чём. Так, ритм... Нет, ритм сбивается. Посчитаем: 7-8-8-9 и 8-9-7-10. Нет, никуда не годится, вот потому и спотыкаюсь. Ритм и рифмы отпадают. Может, выразительные средства... Так, про смерть, про часы, хотя они тоже, кажется, про смерть, про дорогу, опять-таки к смерти... Что-то выразительные средства совсем не выразительны. Может, просто сказать, что я не поняла её стихи, закосить под дурочку? «Если нужно объяснять, то не нужно объяснять»... Кстати, это откуда? А, не важно, не до этого, Машка, соберись! Машка-дурашка, как лодку назовёшь... Вот у неё имя — сразу понятно, какие горизонты откроются — Анжелика. Загадочное... Ну, вот, бесполовая, опять прослушала, чем же её стихи нравятся. Ведь кажется, и обсуждать здесь нечего! Теперь я... Ну, выкручивайся! Главное — не молчать, а то не за дурочку сойду, а за круглую дуру, а это уже совсем обидно.

— Анжелика, я с интересом читала ваши стихи...

Так, ну и что же я там интересного нашла?

— Мне кажется, их объединяет тема тяжёлых экзистенциальных переживаний.

Господи, ну, что за бред! Что она, сама не знает что ли, какая у них тема? Надо активно пошуршать страницами.

— Ну, кроме стихотворения «Бабочки». Оно светлое, нежное.

И абсолютно пустое, так что сказать мне нечего.

— Оно мне понравилось больше всего, ближе мне по настроению. Остальные тоже понравились, но они более мрачные. Ну, вот, спасибо.

Фуф, отделалась, вроде, без позора. Она вон сидит, сияет, значит, не обиделась, уже хорошо.

* * *

Сидит, сверкает! Безвкусица какая, новогодняя ёлка! Из Москвы она, деловая. Припёрлась туда и уже, видимо, считает, что талант, бренчит висюльками. У нас в Сургуте тебя бы приняли за проститутку. Красные колготки, да ещё с блестяшками, на карнавал приехала королева Анжелика. Подделка под роскошь. Уже, небось, отхватила себе хахаля с лысиной, а там, в Волжске оставила всё настоящее, живое. Обещала звонить, писать, рыдала, упёршись лбом в стекло поезда, всю дорогу строчила эсэмэски. А потом первые пару месяцев и правда звонила каждый вечер, тараторила про свой день, плакала, как тяжело, как скучает, как считает дни до Нового года, чтобы приехать и больше никогда не уезжать в эту чужую Москву. А он-то, дурак, верил, кидал ей деньги на телефон, чтобы могла чаще звонить, никак не мог наслушаться, в век интернета каждый день слал почтовые открытки, романтик недобитый. А по выходным загружал себя подработкой, чтобы не замечать заунывные сумеречные дни, и ждал. А она так и не приехала! Дура. Московские выпендрёжки со всей России. «Мама решила, что мой талант пропадёт!» Мама решила, что замуж тебя не возьмут и денег у тебя не будет. А тут вот на тебе, доченька, Москва! Женихи так и побегут! А мы, значит, в остальной России — только алкаши да нищие?! Тьфу, тошно смотреть, кукольная улыбка.

Стихи она с четырёх лет пишет! Хотя бы кто правду сказал — бездарно! Так и застряла на уровне лет двенадцати! О чём твои стихи? О Любви? Ну, нет, куда, ты же такая особенная, о любви не пишешь, ты о «высоком» — о смерти! Нашла, на чём выезжать. Да их отличить можно только по названиям, стихи твои, а так — тасуй строфы, как колоду карт, всё равно суть не поменяется, потому что нет её, сути, пустота! И ты — пустота, только разукрашенная. Что сияешь? Думаешь, напечатает? Да нужна ты им, не туда попала, я здесь уже третий год. Таких, как ты, тут каждая вторая, и все с трёх пишут, гениальные вы наши!

А чтоб напечатали — пахать надо! Сначала год пахнешь, приезжаешь, а они — фиг тебе, сиди дома. Обижаешься, злишься и весь год снова пишешь, как дурак. Потом приезжаешь, уже не такой смелый, знаешь, что скажут. А они раз, и удача, говорят! Из твоих двадцати трёх пострадавших, родных, один-единственный рассказик, может, и возьмут, только вот тебе, дядя, список доработок. А ты уже счастлив! И потом полгода им пишешь, а они возвращают и возвращают: то начало затянута, то финальная фраза не играет, то диалог не прописан. Уже и не веришь, думаешь, отписываются. А они — бац: «Приняли в третий номер!» И вот тут... думаешь всё, танцуешь и радуешься? Ну, если больше литературных интересов нет, то можешь и танцевать. А так — сядишься и пишешь, и вычёркиваешь больше половины.

И едешь в третий раз, зная, что здесь — как русская рулетка. Ходишь по разным семинарам, за каждым ведущим по пятам, как мальчик-гимназист. Тексты свои тоннами распечатываешь, всем раздаёшь, чтобы, может, хоть один тебя заметил. А половина из них выкинет, не читая.

Нравятся тебе твои стихи, вот и сиди, пиши! Сказал бы я тебе про них откровенно... А то тошно, пятый человек, и все — «нравится-красавица». Ладно Костик, я с ним второй год в одном номере, ему, уж конечно, «нравится», вы ему все очень нравитесь своими формами, только не поэтическими. Сначала предложит в баре посидеть — «половить» писателей, чтобы представить юное дарование. А дарование сидит, сияет, стопки текстов набрало с собой, как на кастинг пришло. Правда, «мэтры» по ночам в бар не заглядывают. Рукописи читают. Вон у наших уже глаза красные, а только второй день! Потом Костик и бассейн покажет, куда ж без него. А потом под утро довольный припрётся и давай трепаться, хоть рассказ пиши, только уж больно пошлый выйдет. Ему вы все безумно нравитесь, и нахвалил-то тебя как, вроде даже конструктивно, если стихи не видеть. А вот девчонки-то что хвалят — обалдели что ли?! Это же и стихами не назовёшь. Рифмы глагольные, ритм скачет, ударения исковерканы. А главное — пустота полнейшая! Ну, держись, я всё скажу...

* * *

Ну, вот и осень снова. Холодно здесь в этом году, а у нас в Сибири уже совсем по-зимнему. Сейчас как раз время окончания первой смены, все плетутся к Николаичу, согреться хорошенько... А тут ещё весь день. С утра можно было бы чем-то «разбудиться», голова ноет, да не с кем особо. Девчонка вроде неплохая, а сколько шуму. Как может, так и пишет, что привязались к ней. За пять лет и не таких видали здесь. Пришла счастливая, а сейчас сидит вся красная от обиды — прям как её рейтузы. Или это колготы такие, не разглядишь отсюда. Какие-то они ещё с камушками, нарядилась, молодец, а вы напали, мужики. Руководители-то ладно, понятно, хотя в резкости им не откажешь. «Это всё надо оставить для себя, в стол, так сказать»... Ну, а как будто по большому счёту мы пишем для кого-то ещё. Для кого? Раз в год собирают нас здесь, потерянных, недооценённых, чтобы как-то подбодрить, на недельку дать почувствовать, что хоть кому-то наша литература нужна. Вот, ребят, почитайте, погрызьте друг друга. Да и второй «мастер» тоже забавный: «Мы создаём литературу». Ну, у вас в Москве, может, и найдутся любители словесности, а вы к нам приезжайте. В шесть смена закончилась — и что им делать, обычным работягам? Выпил, поел, до дома дотащился, а там жена нудит: опять денег с трудом на еду хватает, а у дочки учебный год начался, из туфелек она выросла, новые нужны, а ещё бы на физкультуру спортивный костюм новый... И вроде и не злая она, Верка, крутится, как может, сама работает, а от такой жизни заскрипишь. Но она хоть любит послушать вечером, иногда даже что-то скажет про рифмы, про идеи. А ребятам на шахте даже и читать смешно, на что они им — писульки наши. Дорогие наши руководители, спасибо, что хоть время потратили, но что уж вы так эмоционально всё воспринимаете, второй вон совсем разошёлся!

— Обратили внимание: Наталья высказалась, похвалила, за ней ещё пять человек похвалили. А высказался Андрей — начал ругать, и за ним остальные начали ругать. Но что же это, хорошие мои! Ведь вы же писатели! У вас должно быть своё мнение, исключительно своё собственное! Если толпа идёт в одну сторону, то писатель должен идти в другую! Не обязательно против толпы, но обязательно в другую! Иначе какой же ты писатель?!

Ну, да, сказал хорошо, в другую... а какая другая нам остаётся? Сейчас и не поймёшь, куда толпа: эти правые, те — оппозиция, другие — вообще неформалы, четвёртые — смотреть тошно. Куда ни пойдёшь, ты всё равно с толпой, только под разными лозунгами. А у нас на шахте всё просто. Утром туда, вечером обратно. И жизнь, брат, сама тебя возьмёт и понесёт.

Поэзия

Александр Лайков

Родился 16 февраля 1953 года в селе Икряное на Астраханщине. Окончил литературный факультет Астраханского педагогического института, работал учителем в сельской школе, служил в частях ПВО. После службы в армии был корреспондентом районной газеты «Северо-Каспийская правда». С августа 1980 года проживает в Ульяновске, трудится в газете «Ульяновск сегодня». Один из создателей ульяновских альманахов «Карамзинский сад» и «Беседка муз», заместитель главного редактора журнала «Симбирск». Автор поэтических сборников «Из пепла и света», «Подкова в золе», «Зимородок» и других. Лауреат ряда журналистских премий, а также литературной премии им. Николая Благова. Член Союза писателей России и Союза журналистов России.

«В БЕЛОМ КРУГЕ КРУТЫХ ФЕВРАЛЕЙ...»

КУРГАНЫ ПАМЯТИ

Я пилотку сошью из травы на кургане
И звезду приколю цвета горьких калин...
Я — ровесник солдат, убиенных в Афгане.
Мне приснилось: убитый меня хоронил.

Мне приснилась война и смертельная рана,
Сквозь пространство и время ударил свинец!
... Я ведь тоже стрелял – да простит меня мама! –
Как мой предок и как в сорок первом отец.

Я ведь тоже солдат! Уходил я из дома -
Мама долго и гордо смотрела мне вслед.
По велению сердца, присяги и долга
Я дежурил у пульта могучих ракет.

Нам судьба — выбирать запредельные цели,
Задышаться во тьме легендарных атак...
А как вещей «Коран» переделать хотели,
Пусть расскажет Генсек, и припомнит Аллах.

Знаю, друг с «бетэра», как ангел слетая,
Умирал на чужом, на афганском песке...
И дымилась, и бухала кровь молодая
На родном, поседевшем, как небо, виске.

А какой-то иудушка-христопродавец
Оскорбляет ряды наших братских могил.
... Жарко дует в лицо, сушит губы «афганец»,
Но вовек не растопит солдатских седин.

Не согреют души ни медаль боевая,
Ни параграфы льгот, ни Верховный Совет.
Страшно раны болят, и свербит пулевая
Под коленом, которого нет...

* * *

У друзей не попросишь взаимы
Ни судьбы, ни удачи, ни дара...
Не сбежишь от себя и земли,
Где с рожденья тепла не хватало,

Где звезда среднерусских полей
Осыпалась в мерцающий иней...
Что же делать? По сути своей
Я судьбой и характером — зимний.

В белом круге крутых февралей
Все надежды мои и утраты.
Было всё. Но всего тяжелей
Выбираться из пут полуправды.

Вот лежит ослепительный снег
После стыллой протяжной метели...
...Я от правды внезапно ослеп,
Где другие прозреть не успели!

У ОБРЫВА

Чем порадую ровней своих
В пенсионные годы?
Гул поэзии медленно стих
И выходит из моды.

В каждом доме мерцает дисплей,
Электронные книги...
Всё тревожней пурга новостей,
Изошрённой интриги.

Никогда не приму я услуг
Меркантильного века.
Всё роднее друзей моих круг
И далёкая Вега!

Только Штольц появился опять
В Гончаровской беседке...
Страшно мне у обрыва стоять,
С валидолом в барсетке!

Там, на дне, — белокаменный храм,
Города и деревни.
На слуху — старомодный роман,
Значит, ждут перемены.

Нет покоя от «розы ветров»,
Не на пользу — уроки.
Он провидец, Иван Гончаров,
А Поэты — пророки!

* * *

Александр Дашко

Я наелся ягод волчьих.
Стал, как волк, матёр.
Посреди заветных строчек
Запалил костёр.

Здравствуй, Волга, бакен-пеленг,
И столетний вяз,
С камышом в кувшинках ерик!..
Я сегодня — ваш!

Там, где был я, мир порочен,
Город — нелюдим.
Кто-то плачет, кто хохочет,
Кто-то пьяный в дым.

Кто обрывом, там, где омут,
Два шага — и вниз...
Не рассказывай другому
Про такую жизнь!

Про утраченную нежность
К деревьям и псам,
Как бродил я, безутешен,
По глухим лесам.

Как зверел в плену бессонниц,
Как, бывало, пил...
Не предал друзей и совесть,
И кого любил!

А вот к небу был причастен:
Я — рыбацкий внук,
Заселял, как Бог, Прикаспий
Мальшнёй белуг!

В ПВО, на дальней «точке»
Был судьбой храним.
...Я хочу не ягод волчьих —
Горсточку рябин!

ИСТОКИ

Исток мой — устье Волги,
Созвездие проток,
Моряна — ветер волглый
Да горький полынок.

Курганы рыжей масти,
Глухие камыши...
От Дмитрия да Насти
Добро и свет души!

Икрынка, как Непрядва,
В туманах до бровей...
Прабабушкина правда
Расхристанных церквей.

Всхлип филина ночами
Над полем страшных сеч,
Будённовских тачанок
С кар-р-ртвинкою речь!

Да врытые навечно
Над Волгой и окрест
И обелиска свечка,
И православный крест!

Мне предков с Куликова
Не уронить бы честь.
От Дмитрия Донского
Во мне кровинка есть!

* * *

Мне кажется, что я когда-то был,
Что раньше жил и вижу не впервые
В ночной траве стреноженных кобыл,
Холмы в крестах и кедры вековые!

Во мне дремучий первобытный век
Щетиной пробивается на скуле...
Я был не птеродактиль — человек!
И женщину любил на волчьей шкуре.

Столетия шли — я знал и мрак, и свет,
Добыл огонь, посеял хмель и злаки,
Прекрасной Даме посвятил сонет
И корчился на дыбе в мрачном замке.

Я знаю смерть. Я слышал смертный хрип,
Когда погиб, как Пушкин, на дуэли!
Я видел в небе ядовитый гриб,
Пища, как ангел, в зыбкой колыбели.

В тугой гудрон впечатан бледный след,
И «Реквием» играют на рояле.
...Зачем опять родился я на свет,
Коль мамонт вымер, а Христа распяли?!

В ИКРЯНОМ

Вот опять я босой, без рубашки и кепки,
В жаркий полдень стою на пригорке крутом,
Где мои православные русые предки
Всей артелью над Волгой поставили дом.

Стал посёлок намного уютней и краше!
И, как век, опалённый тугим кумачом,
Обложился по самые древние крыши
Красно-бурым и белым кой-где кирпичом.

На высоких верандах — корзины черешен.
Не в печах, а в духовках пекут пироги.
Красотища кругом! Да не видно скворечен,
И беднее уловы из вечной реки...

Отступает вода. Дальний берег всё ближе.
Все слышней над ракушечником гомон грачат!
А над жёлтым песком головёнки мальчишек,
Точно крепкие шляпки опёнков торчат!

Зной густеет, как сок передавленной сливы.
Выгорает трава вдоль седых берегов...
По горячей тропе я спускаюсь к заливу,
В голубую прохладу, как в толщу веков.

Все печали мои, как рукою снимает,
Утишается боль, отступает беда!
Кто сказал, что живою вода не бывает?
В речках детства осталась живая вода!

Я наплаваюсь влать и взойду на пригорок
Просветлённым душой и таким молодым!
... Дым Отечества сладок, приятен и горек.
Только где он, Отечества сладостный дым?

По-над Волгой туман. Красный бакен мигает
Догорающим углем в древесной золе...
Клён печально шумит — клён меня понимает,
Прикипая корнями к родимой земле.

ПРИМЕТА

Когда под моряной пружинили ветки,
И волны качали изменчивый мир, -
Я бросил на стрежень три звонких монетки,
Чтоб снова вернуться к реке Бахтемир.

Чтоб снова увидеть морские разливы,
По берегу детства пройтись босиком...
Услышать, как в сумерках падают сливы,
И гуси на Каспий летят косяком.

Чтоб вспомнить друзей закадычных ватагу,
Футбольные страсти и знойную тишь...
Но там, где купал я гнедую конягу,
В протоке шумит шелапутный камыш.

Белёдые чайки похожи на плавки,
Рыбацкие шляпки гребут по волнам.
И вечный трудяга — знакомый мой бакен,
Рисует фарватер гудящим судам.

Я помню: под вёслами дымно и жарко,
Мы смолим бударку с умелым отцом.
...Где вёсла и добрая наша бударка?
Спилили тутник у ворот, за крыльцом...

Под ним мы в обнимку с девчонкой сидели,
Всё было впервые и сложно у нас.
И сердце стучало на самом пределе,
Как севший на мель одинокий баркас.

...Гуляет моряна, и сушатся сетки.
И чалится к пирсу могучий паром.
А я уезжаю. Бросаю монетки...
И белая лебедь мне машет крылом!

* * *

Вот не спится уже по ночам,
Ноют старые раны и кости...
Заварю я с малиною чай,
Приглашу полнолуние в гости.

Пусть наполнит сиянием зал,
Где висит, как усмешка, подкова.
Сколько строк я ночами писал!
Сколько лун до заветного Слова?

В полумраке мерцает экран,
Где плывёт белый лебедь по гранке...
В Интернете я рифмы не крал —
Их надула моряна с Икрянки!

Там под вётрами старенький дом,
Где живёт моя добрая мама.
Там меня под гусиным пером
Целовала Крестовая Дама.

Я на стол упаду головой.
Ведь, как сын трудового народа,
Я устал от рекламы пустой,
От платёжек, толпы, гололёда...

От неверных друзей и бумаг,
И от судей, которых «на мыло!»
Да, в стране моей что-то не так.
А когда-то по-моему было!

Сколько лет я в ночи недоспал,
Головою склоняясь к Востоку?
...Я от жутких бессонниц устал,
А усну — возвращаюсь к истокам.

Поэзия

Николай Артамонов

Артамонов Николай Иванович родился в Москве 2 февраля 1932 года, умер в Волгограде 20 октября 2009 года. Своих родителей не знал, сначала попал в дом младенца, потом — в детский дом. Большую часть жизни провёл в Волгограде. При жизни автора вышло два сборника — «На изломе» и «Я боль твою, Россия, постигаю». Поэзии посвятил всю свою жизнь, хотя у него не было возможности заниматься поэтической деятельностью профессионально. Стихи писал не благодаря, а вопреки.

Душа не ведает себя

НЕЧТО О СЕБЕ

Помнишь,
И в школе —
Давали нам на дом
Выучить что-то
Скажу тебе...
Нынче не так,
Потому что надо,
Просто былое
Забыть теперь.
Это ведь в книгах
Бывает лучше...
Люди, им надо
Хоть что-нибудь
В жизни...
А мне всё равно,
Послушай
Я и не прячу
Свою судьбу
Мы не с тобою...
Перед глазами, —
Ветви...
А дальше?...
Где облака?...
А ещё дальше?
И голос замер.
Необъяснимо,
Как жизнь далека.
Так навсегда
В беспредельном,
Бескрайнем
Море, как лодку,
Уносит волной.
Нечто подобное
Случилось и с нами
Только не нынче,
А страшно давно, давно...

* * *

О, юность вечного огня!
О, ярость тела!
Я выпью красного вина,
Чтоб сердце пело.
Чтоб крылья мудрого вина,
Рассыпав пенье,
Умчали пьяного меня
В стихотворенья.
Там нет обидчиков моих.
Там ветер льётся.
И, как свободный этот стих,
Душа смеется.
В ладони положу весь мир,
И пусть мне снится,
Как Млечный тысячами искр,
Змейй струится.

* * *

Видишь, и в доме
Нет вечного мира.
Рядом — ладони,
А прочее — мимо.
Милый и смелый
Ты мой человек!
В сердце горелом
То слёзы, то смех.
Жил я, не мешкал.
Да вот второпях
С горькой усмешкой
Взглянул на себя!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Путая прошлое и настоящее,
В странной игре от зари до зари,

Если не свадьбы далёкого пращура,
Что означает торжественный ритм?
Если не истина, что же всё это?
После дождя и за тучами вслед
Тонкими нитями белого света
Кружится в городе в сумерках снег.
Сразу вот так, словно шапкою об пол.
Праздником сразу, без всяких затей
Кружат по улицам снежные хлопья
С доброй улыбкой случайных гостей.
Только, по-моему, это не танец,
Это из ткани загадочных снов,
Это в улыбке задумчивой тайны
Древняя клинопись солнечных слов.
Это загадочность музыки Грига.
Это, наверное, сразу для всех
С детства далёкого умная книга,
Вечная книга про ветер и снег.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Ощущенье ещё не стиха.
Ощущенье — как сны и как замять,
Но уже, далека и тиха,
Не умеет сказать себя память.
И живёшь, словно не было дня,
Всё идёт, всё плывёт, всё летает,
Всё, как будто до самого дна,
Беспощадно себя вспоминает.
Смотришь в окна, а окна — слепы.
Слышишь звуки, а звуки — не слышат.
Так зимой оставляют следы,
Пробежавшие в сумерках лыжи.
Так, взгрустнув о себе в тишине,
Тишины этой вечной не знаешь.
Так о детстве вдруг вспомнишь во сне
И об этом потом забываешь.
И опять этот день у лица
Льёт с крыла серебристые блики.
И опять, и уже до конца —
И в стихах, и в слезах, и в улыбке.

* * *

Душа не ведает себя.
Душа — всему основа.
Она и сущность и судьба,
Подай ей только слово.
Она живёт, она горит.
Она не хочет взятки.
Она и с Богом говорит
И с сердцем — без оглядки.

* * *

Необъясним у наших ног
Песок, целующий дорогу.
Необъясним и тихий вздох
Земли, когда мы одиноки.
Необъясним и ритм стиха,
Рождённый, будто по ошибке,
И прозвеневший на века
Во мгле космической улыбкой.
Необъясним и бег дождя,
Лучам дающий перемену.
Необъясним напор гвоздя,
Который забивают в стену.
И как туманы с древних гор
Нисходят в тёмную долину,
Так каждый ищет до сих пор
Во всём свою первопричину.
И так зимой, седой, глухой,
Ночь стережёт нас у порога,
И снег кружит. И вдруг покой
Рождает в сердце тайну Бога

* * *

Я не пишу крикливых од,
Как не писал их Гесиод.
И жизнью этой не стихам
Обязан я, а потрохам.
Он добывал свой хлеб мечом,
Я добывал мой хлеб киркою.
Он убивал, а я плечо
Измаял, дёргая рукою.
Он знал дожди и холода
И, очевидно, что-то стоил;
Он жёг чужие города,
А я их на болотах строил.
Бродяга, воин, забулдыга,
Рыча и брызгая слюной,
Он на одной ноге бы прыгал,
Когда бы был теперь со мной.
Мы столкнулись бы с ним кстати
Во всём — и важном и простом.
Пусть спят чиновники в кровати,
А нам сойдёт и под кустом.
Вот Тибр с его ленивым блеском
Он не любил, ведь он не слеп.
И потому дворцам имперским
Предпочитал ночной вертеп.
Когда ж по Тибру шли галеры
И под дождём он слышал крик,
Шурша накидкой своей скверной,
О чём он думал в этот миг?

О том ли, что и он подобен
Рабу тому, что у весла,
Что нравом стал он дик и злобен
Из-за пустого ремесла...
Мотаясь по дорогам дальним,
Он иногда писал стихи.
Он человеком был плохим,
И был поэтом гениальным.

* * *

Когда вас мудрость посетит,
Быть может, прежнее припомнится
Таким высоким и простым,
Как день в мерцающей оконнице.

И вас потянет в этот мир,
К моим стихам и перелескам,
Где и сегодня каждый миг
Согрет тревогой вашей детской.
И мало что переменилось;
Всё так же в листья дождь гудит,
И над холмами с той же силой
Рассвет на хмурый Дон глядит.
И новым дням всё то же снится
И машет снежный, как и встарь,
У придорожья вольной птицей
Седой и яростный январь.
И тайны древней не нарушив,
От правд, и злых и невпопад,
Зовёт навстречу вьюгам душу,
Туда, где с облаками дружат,
Костёр, окно и листопад.

Вологодские берега

Ольга Фокина

Родилась в 1937 году в деревне Артемьевской Архангельской области. Окончила Архангельское медицинское училище, работала фельдшером в лесхозе. Затем поступила в Литературный институт имени А.М. Горького. После окончания института переехала в Вологду, где работала литсотрудником в газете «Вологодский комсомолец». Член Союза писателей СССР с 1963 года. Автор двадцати сборников стихотворений. На её слова написаны многие песни. Лауреат Государственной премии РСФСР (1976), Всероссийской литературной премии «Звезда полей» им. Николая Рубцова (2001) и других. Почётный гражданин г. Вологды.

* * *

Песни у людей разные,
А моя — одна на века:
Звёздочка моя ясная,
Как ты от меня далека!

Поздно мы с тобой поняли,
Что вдвоём вдвойне веселей,
Даже проплывать по небу,
А не то, что жить на земле.

Облако тебя трогает —
Хочет от меня закрыть...
Чистая моя, строгая,
Как же я хочу рядом быть!

Знаю, для тебя я не Бог,
Крылья, говорят, не те...
Мне нельзя к тебе на небо,
На небо к тебе прилететь.

Бродят за тобой тученьки,
Около кружат они,
Протяни ко мне лучики,
Ясная моя, протяни!

* * *

Памяти В.М. Шукшина

Сибирь в осеннем золоте,
В Москве шум шин,
В Москве, в Сибири, в Вологде
Дрожит и рвётся в проводе:
«Шукшин... Шукшин...»
Под всхлипы трубки брошенной
Теряю твердь.
Да как она... да что ж она,
Ослепла, смерть?!
Что долго вокруг и около

Кружила — врёт,
Взяла такого сокола,
Сразила влёт!
(Достала тайным ножиком,
Как те, в кино,
Где жил и умер тоже он
Не так давно...)
Ему — ничто, припавшему
К теплу земли...
Но что же — мы? Но как же мы
Не сберегли?..
Свидетели и зрители —
Нас сотни сот —
Не думали, не видели,
На что идёт
Взваливший наши тяжести
На свой хребет...
Поклажестый? —
Поклажестый,
Другого нет.

* * *

А в деревне сейчас
Непроглядная тьма
И с трудом побеждаемый холод...
И в слепой безнадёге,
Сутулясь, дома
Собираются двинуться в город —
Не нужны здесь уже
Никому и нигде
Сани-подсанки, бороны-плуги,
Пустота гаражей,
Без скота и людей
Бывших ферм измождённые дуги.
Одичали луга,
Зарастают поля,
Остаётся несобранной клюква.
Через месяц-другой
Заметелит пурга...

Вот тогда я пойду и приду к вам.
 Я тропу до крыльца
 Пробреду-протопчу,
 Громко брякну кольцом на воротах,
 И берёсту в печи
 Подожду-засвечу,
 И возьмусь за родную работу:
 За водой к роднику —
 Он ещё не замёрз! —
 В час не ранний — прилунный, призвездный.
 И обсохнет ведёрышко,
 Полное звёзд,
 И при мне мой родник не замёрзнет.

* * *

Под берёзой нетверёзый
 Распластался мужичок,
 Распутали все колхозы —
 Он остался ни при чём.
 Член колхоза, сорок лет он
 Никуда не убежал,
 На колхоз зимой и летом
 Конюшил, косил, пахал...
 Конюх — не механизатор!
 Выдаёт ему на пай
 Тракторист-приватизатор
 Кнут. Хомут. Телегу...
 — Дай, —
 Говорит мужик, — лошадку!
 А приват ему в ответ:
 — Не проблема, я не жадный,
 Но ведь их, в натуре, нет.
 Знаешь сам, что их на мясо
 Извели, на колбасу,
 Так что хошь не хошь — впрягайся,
 Сани сами не везут.
 Под берёзой нетверёзый
 Распластался мужичок.
 Есть вопросы? — нет вопросов!
 Есть верёвка, есть сучок...

* * *

В темноте да наощупь
 Девки косы полощут,
 Припозднились в бане,
 Греховодницы — ой! —
 На полке налегались,
 Жар-парком надышались,
 Воду всю издержали,
 Неохота домой.

У них талии осьи,
 Они дома-то — гости,

Только летом приветом
 Прилетают к родне,
 Чтобы в баньке помывшись,
 Да, остыв, нарядиться,
 Да смутить-озадачить
 Деревенских парней —

Одноклассников бывших,
 В свой черёд отслуживших,
 Не решивших, куда же
 Им главу приклонить,
 Потому как в деревне
 Без зарплат и без премий,
 Без коня и коровы
 Новый дом не срубить.

Не срубить, не поставить,
 Лишь себя обесславить,
 Ведь невесты, известно,
 Бредят царским дворцом.
 А какой он царевич,
 Хоть в «в огне несгоревич»,
 Хоть «в воде неутонич»,
 Парень с русским лицом!

...В темноте да ощупь
 Девки косы полощут.
 Парни бреют щетину,
 Ваксят обуви чернь.
 Скоро в клубе сойдутся,
 Попроют, посмеются,
 Потанцуют, попляшут...
 Просто так. Низачем.

* * *

На дворе трава, на траве дрова.
Скороговорка

И у Шуры были брёвна,
 Но — без мужика —
 Не смогла поднять Петровна
 Своего домка.
 За полвека поосел он
 Аж на три венца,
 Почернел, когда-то белый,
 Поопал с лица.
 По своей, считай, охоте
 (Сплав, лесоповал)
 Шура билась на работе,
 Лишь бы брёвен дал
 Несговорчивый начальник.
 Таки допекла —
 Сладко брёвна застучали.
 Склала. Прибрала.

Окорила. Приукрыла –
Сохните пока.
С тем-другим поговорила –
Нету дурака,
Кто бы взялся за работу.
Ладно, погодим,
Ан, в стране перевороты,
Без руля сидим.
Брёвнам что? Лежали, ждали
Лучших дней-времен,
Мокли, сохли, замерзали
И теряли звон.
А когда до них коснулась
Плотника рука,
На ладонь ему плеснулась
Жёлтая труха.
— Лес на дело не годится.
— Что ты? Неужли?!
Надо заново трудиться,
А года ушли.

На дрова распилен домик.
Шура умерла...
Ни о чём таком не помнит
На дворе трава.

* * *

Славный какой получился пирог,
Просто подарок,
В пору посажен и выдернут в срок,
Не перегарок,
Не недомерок, как вечно у нас
Прежде случалось,
В самый-то раз, словно Бог его пас, —
Пряность-румяность!
Видно, всему свой назначенный срок.
Ставши умелым,
Щуку поймал мой подросток,
В том-то и дело.
Весело тесто месилось, и печь
Жарко топилась...
Дело, как видите, стоило свеч —
Всё получилось!

* * *

Молчите, гении, молчите!
Убеждена (в который раз):
Важнее доктор и учитель —
Всё нам до них, им — не до нас.

У них рутинная работа,
С утра до вечера всё то ж:
То наш понос, то наша рвота,
И нам леченье вынь-положь!

Мы нервны, мы эгоистичны,
Нетерпеливы, злы, вредны...
А доктора милы, тактичны
И всем, как боженка, должны.

И словно время их не старит,
И словно свой недуг не ест —
Они нам дарят, дарят, дарят,
Служебный долг неся, как крест.

* * *

Внуку Фёдору

Не на лугах ковровых,
Как позже скот привык,
В лесу паслись коровы,
И вместе с ними — бык.
В лугах траву косили,
В полях растили хлеб,
Лишь дебри отводили
Коровам для потреб.
Что там они жевали —
Листву? Багульник? Мох?
Трава была едва ли,
А гнусу — ах и ох!
И мы ребячьим стадом
На тех же комарах
Паслись, бывало, рядом,
Одолевая страх, —
Под чуры-перечуры
Речёвки озорной,
Не встретиться б с бычурой
Под ёлкою-сосной!
Пока ты ягод ищешь
Или уже берёшь,
Возникнет бычье лбище
Лоб в лоб... И обомрёшь —
Его рога тупые,
Его «бум-бум» гроза
И кровью налитые,
Безумные глаза!
И тут уж не до прятков,
Меж хвоей и листвой —
Мельканье наших пяток,
Беги, пока живой!

...Но голод гонит снова
Встречаться до зимы,
Колхозные — коровы,
Колхозниковы — мы.
Всё ж в той большой артели
Нас обошла беда:
И комары не съели,
И бык не забодал!

* * *

Брату Владимиру

Кругом некошеные травы,
А у него земля лыса:
Траву — на сено, а отаву
На удобренье искромсал —
В запас, на будущее лето,
Под помидоры, под морковь.
С закатом лёг, а встал — с рассветом
И — за свою косилку вновь.
Журчит, на всю округу слышен
Косилки «пламенный» мотор...
Он не отчаялся. Он выжил —
Цветочки. Пасека. Забор.
Живёт без зависти и злости
Уж двадцать лет пенсионер.
На юбилей приедут гости,
А он, как юный пионер,
Всегда готов — сплясать ли, спеть ли,
Тост поддержать, пригреть внучат...

И старость стопорит, и медлит,
И удаляется, ворча.

* * *

Сорняки, сорняки, сорняки...
Сорняками заросшая нива
На соседнюю смотрит ревниво:
Так ли стебли на ней высоки?

Колоски, колоски, колоски —
То ячмень, то пшеница, то ржица,
Им под тяжестью зёрен клониться,
К сорнякам ревновать — не с руки.

Лопухи, молочай, иван-чай,
Вездесущая с ними крапива
Заступают дорогу хвастливо,
Жгут, цепляются, — мол, замечай!

Замечаю! Всеми на земле
Полагается пища и место,
Чтоб живое стократно воскресло,
Спасшись семенем, стеблем, — истлев.

Семена, семена, семена —
Элитарные и самосейки...
За одни не дадут ни копейки,
За другие — всё выше цена.

* * *

Из заскребышей души,
Друже, вирши не верши,
Дай страдальце душе
Отдохнуть, похорошеть,
Переполниться добром,
Стать не ямой, а бугром...
От любви и от щедрот —
В мир, а не наоборот!

* * *

Все мы — не любви, любви ль —
Споро идём на убыль,
Старшему поколению
Срок становится тенью.
Кто ж они, наши дети
В новом тысячелетье?
Под капитала гнётом —
Нынешний, что поёт он?
Сам из времён советских,
Что он унёс из детства?
В это лихое время
С «этими» он или с «теми»?
Смирен или отважен,
Светел или загажен?
... Двадцать второе лето
Трепетно жду ответа.

* * *

Злато и серебро сыплются с неба,
Тешится взгляд:
Листья летят вперемешку со снегом,
Листья летят...
Шаг мой замедлен, а ум заторможен.
Хватит ума,
Чтобы понять: если след подморожен,
Рядом зима.
Скоро с родных палестинок подует
Сиверко мой...
Что же не ноет душа, не бунтует,
Славно зимой!
Снег да мороз — от хвороб панацея.
Что горевать?
Шуба готова, и валенки целы,
Время гулять,
Время обкатывать новые санки,
Лыжи крепить
И в Новый год из хрустальной стеклянки
Будущность пить!

Вологодские берега

Александр Ломковский

Александр Ломковский — член Союза писателей России, лауреат премии В.И. Белова «Всё впереди». Автор повестей и рассказов. Живёт и работает в Вологде.

Два костра

Рассказ

— Да куда ж ты в экую темень и попрёшься-то? — Евлампиевна зевнула, перекрестила рот и свесила голову с печи. — Да и дождище эвона зарядил нараз. Поди-тка и танцулек-то никаких не будет.

Степан молча продолжал натягивать сапоги.

— Слышь-ко, чевой говорю-то... — опять начала Евлампиевна. — Ты вон ухороводисся незнамо куда, а без тебя опять посетитель-то пожалует. А, Стёп? Да и дождище-то, вишь ты, как хлобыста-ет... Каки-таки танцульки-то?

— Да я тебе уже, мать, сто раз говорил, — наконец подал голос Степан. — Под крышей танцы-то. В клубе. А «посетителю» я мышеловок наставил, заместо капканов. Авось лапу-то прищемит, дак отпадёт охота курей таскать.

— А плевал хорь на твои мышеловки-то, — живо заинтересовалась Евлампиевна. Судя по всему, ей просто хотелось подольше поговорить с сыном, приехавшим нынче на выходные из своего «лесного» техникума. — Он, поди-тка, не дурак, лапу-то туды пихать. Обойдёт все мышеловки-то.

— Дак мне чего? Всю ночь с отцовым ружьём его караулить прикажешь? «Посетителя-то», — всерьёз набычился Степан. И так в эту минуту стал похож на своего отца, которого пять лет уже не было в живых, что у Евлампиевны защемило сердце.

— Дак почто с ружжом-то? — удивилась она. — Ты бы хошь покурил сходил на двор-то, дак хорь на табачишше-то и не полез бы. Отец завсегда на дворе-то у порога покурит, да и окурки в баночку сложит. Запах-то и остаётся.

— Да плевал хорь на табак, — передразнил мать Степан. — И к тому же я ить курить-то бросил.

— Ой ли?! — взволновалась Евлампиевна, сразу позабыв о хоре, и начала слезать с печи, обрадованная сверх всякой меры.

Степан солидно прокашлялся.

— Я, мать, в бокс теперь хожу. Перед армией пригодится, да и для здоровья оно... Тренер курить и не разрешает.

— Вот хороший-то человек! Дай ему Бог здоровычка, — зачастила мать и подсела к сыну на лавку. — А то ведь неповадно со школы-то смолокурить. Ай, что это за бокса-то такая? — помолчав, спросила она.

— Там, мать, нужно соперника на пол повалить. Либо в дышалку ему подсунуть, либо в челюсть. И всё время прыгать нужно.

— Ой, а почто прыгать-то? — перепугалась Евлампиевна.

— Это так нужно: всё время в движении быть, — пояснил Степан. — Чтоб противник не достал тебя. А вот... Покажу.

Он соскочил с лавки и, легонько боксируя, запрыгал вокруг стола, подныривая и уходя от воображаемых ударов. Половицы жалобно взвизгивали, а стол начал легонько подпрыгивать и пристукивать ножками. На столе опасно закачался самовар.

— Вот так, — приговаривал Степан, нагибаясь и одновременно нанося удар правой рукой. — Так... И эдак. И так ещё...

— Ой, уймись, — замахала руками Евлампиевна. — Вишь, жеребчик какой! Стол ведь уронишь, окаянный!..

Степан перестал скакать по избе и снова уселся на лавку. Он слегка вспотел и тяжело дышал.

— Вот это и есть бокс, — объяснил он матери. — Кто кого раньше достанет.

Евлампиевна призадумалась. Потом осторожно поинтересовалась:

— Ить и супротивник тоже верно хочет тебе в эту, в челюсть?..

— А как же! — гордо ответил Степан. — Тут-то вся и закавыка выходит: врезать самому и не дать, чтоб тебе врезали.

— К добру ли такая бокса-то? — заволновалась мать. — А как да парнёк-от здоровше окажется? Помню вот дедушке моему так на Троицу наподдавали, так он, бедной, неделю ить пластом вылежал. Я-то ишшо девушкой была, а помню ведь. Бабушка ему травку всё подсовывала для лечения, а он ругается страшно, траву-от не пьёт, а грит, мол, самогонки давай — и всё тут. Энто, грит, лучшая лечения...

— И как? — начал проявлять интерес Степан. — Вылечился?

— Дак, знамо дело, вылечился, — вздохнула мать. — Только и помер вскорости.

— Повредили внутри чего при драке? — проявил компетентность Степан.

— Какое там! За дровами в лес на снях попёрся, ну и самогонки-то проклятушкой в прихват с собой взял. Ну, на повороте где-то в сугроб и клюнул. Гнедко-то один домой и пришёл. А дедушки-то и нету. Отец-от мой — дедушко твой Евлампий — с мужиком соседским Никитой и схороводились в поиски.

— Нашли? — Степан забыл уже о том, что собирался в клуб, заинтригованный рассказом матери.

— А тут же и нашли, — закивала головой Евлампиевна. — Так уж поздно было. Замёрз дедушко-то.

— Да, — Степан встал и походил по избе, — вишь ты как! А я думал, в драке ему чего повредили.

— А и в драке тоже, — охотно поддержала Евлампиевна. — Поясницу долго потом, ажно до зимы ломило.

— Ну, поясницу-то ломило, видать, по возрасту. А вот то, что он самогонкой вылечился — это интересно.

Евлампиевна снова замахала руками.

— Да какое ж то лечение-то? Просто дурака валял он, дедушко-то. И не помышляй даже. Какая ж лечения от самогонки? Вред буде один.

— А кто ему наподдавал? — Степана живо интересовали подробности драки.

— Да кто, кто... — начала припоминать мать. — Пьяные все были дак.

— Дак кто пьяные-то? — терял уже терпение Степан.

Евлампиевна встала с лавки, подошла к столу и потрогала рукой бок самовара.

— Едва уж тёплый. Ты бы, Стёпушка, вздул бы самоварчик-то, а?

Степан молча подхватил самовар, отнёс его к печке, долил воды и подсыпал углей. Затем сунул к углям горящую лучину и тут же вставил в самовар трубу, ловко заведя второй конец трубы в специальную дырочку в печи. Затем снова подсел на лавку.

— Ловко у тебя выходит-то, — похвалила сына Евлампиевна. — Не то, что у меня — вошкаисся, вошкаисся, куда вздуешь.

Степан требовательно взглянул на мать, ожидая продолжения рассказа. Та расправила на коленях старый ситцевый фартук и начала вспоминать.

— Дак, ить как вышло дело-то? Помню, все мы на погост в Сосновоё пошли — Троица тады случилась. А как уходили, дедушко-то и стренул знакома — вместях плотничали. Ну, и начали оне выпивать. Дедушко-то и сказал, что вы, мол, к дому-то идитё, а я вас догоню. А токмо парнёк нас догнал чей-то. На полдороге уж. Там говорит, баушка, вашего дедушку убивают. Смертным, грит, боём лупцуют. Спыхватились мы, да взад-то и повернули. Прибегли, а дедушку уж добрыё люди на телегу укладывают — домой везти собрались.

— Ну-ну, — подбодрил Степан задумавшуюся мать. — Дальше-то говори.

Евлампиевна привычным движением подвязала у подбородка платок и продолжала:

— Случилось-то уж после погоста. Дедушко со знакомцем-то выкатились в село да цыгений-то и стренули. Знакомец обрадел и грит дедушке — это, грит, хорошиё цыгане. Я им лонись меринка

продал. Пойдём к ним — может, водки у них добудем. А цыгане-то к ряду этого человека и искали — деньги хотели у него взад возвратить. Околел меринок-то сразу после продажи. Ну, и сунулись наши к ним-от. А цыгане тоже обрадовались — не пришлось, вишь ты, искать долго. Вот, слово за слово, и случилась у них перепалка. Цыгане-та уж за вожжи схватились. А тут и дедушка встрянул. Не позволю, грит, знаконца избивать. Он, грит, человек честной, не то, что вы — голь перекатная. С места на место шлёндайте, только бы людей в заблуждениё ввести, а меринок околел — значит, планида эму такая выпала. Ну, цыгане-то энти хорошиё, на дедушку и попёрли всем габузом. А знакомец-то, раз эдакое дело выходит, под шумок и сбежал. Всё дедушке-то и досталось. Отходили его батогами, да на кибитки свои и попрыгали. И уехали.

— Не нашли цыганей-то?

— Какое там! — махнула рукой Евлампиевна. — Ищи ветра в поле. Правильно дедушка-то сказал — голь перекатная. Сегодня здесь кочуют, завтра уж в другом месте.

— Эх, не знал дедка бокса, — огорчился Степан. — А то бы и отбился, от цыганей-то. Одному бы хук подсунул, другому апперкот, остальные-то, глядишь, и не полезли бы.

Он встал и широкими размашистыми шагами заходил по избе. Подошёл к окну и пристально взгляделся в вечернюю темень. Потом взглянул на наручные часы.

— Заболтала ты меня, мать. Поди, и танцы-то кончились.

— А и ладно, — тут же откликнулась Евлампиевна. — Вона, самовар уж скипел. Неси-ко ко столу. У меня тут и вареньё припасено.

— Я, мать, на танцы-от не задурно хотел идти, — немного погодя, за столом уже, говорил Степан Евлампиевне. — Там, вишь ты, Наталья меня дожидалась. Ещё на позатой неделе договорились нынче свидеться.

— Энто какая Наталья-от? — поинтересовалась мать. — Та, что в почте работает, фершала Василия Николаича дочь?

Степан даже поперхнулся.

— Да ты чо, мать? Ёй же, поди, лет двадцать будет. Я ещё в пятом учился, а она уж восьмой-то окончила. Да и замуж, говорят, она собирается.

— За ково?

— За Мишку Гунина.

— А-а-а, — протянула Евлампиевна. — Мишка-от, парнёк правильной. Дай Бог, дай Бог... Дак ты-то с какой Натальёй уговорился?

— С Токуновой.

Евлампиевна улыбнулась.

— Дак ить половина, почитай, деревни в Токуновых-то ходит. Догадайся тут. Уж не Тамары ли Валерьевны, учительки дочь-от?

— С ей.

— Баская девка-то, — сказала мать, отпивая чай из блюдца мелкими глоточками. — Токо волосья-то рыжым намазала почто?

— Это, мать, модно счас.

— Ну-ну, — неопределённо протянула Евлампиевна. — Дак ты, стал быть, не пойдёшь уж никуда?

— Дак куда уж теперь? — ответил Степан и начал снимать сапоги.

Евлампиевна прибрала со стола, ополоснула чашки и опять полезла на печь. Степан в одних носках походил немного по избе, остановился возле ходиков и недолго послушал их торопливый бег. Затем подтянул гирю на цепочке и ушёл за перегородку, где стояла его кровать. Засыпая, он вспомнил о хоре, который уволок уже двух куриц. Решил завтра позвать Мишку Гунина, у которого водились разные ловушки и капканы — Мишка сызмальства был охотником. И ещё он жалел прадеда, который не знал бокса. Знал бы бокс — так уж показал бы этим цыганам! Против апперкота ни один цыган не устоит. А хотя.. В чём виноваты те цыгане? Виноват-то больше тот знакомец, который сбежал от греха подальше, а все шишки дедке и достались.

Незаметно для себя Степан уснул. Снилось ему Наташка Токунова, пляшущая возле цыганского костра. Её длинные рыжие волосы горели в ночи, словно тот костёр, возле которого она кружилась в диком, завораживающем танце. А старый, седой как лунь, цыган с батогами, упорно доказывал Сте-

пану, что он тоже знает бокс, и предлагал ему выйти завтра на ринг. Но Степан почему-то не менее упорно отказывался и всё из-за плеча старика смотрел на два костра горевших в ночи: цыганский большой кострище и маленький костерок, полыхающий на голове Наташки.

Деревянная морда

Рассказ

Сенькин осторожно раздвинул высокие, почти до пояса, стебли травы с алмазной россыпью россыных бусинок и тихо вышел на берег. Низ плаща и брюки повыше сапог давно были настолько мокрыми, что хоть выжимай! Но Сенькин не обращал на это никакого внимания. Он стоял на малюсеньком пятачке вытопанной земли берега и задумчиво смотрел на парящий белёсый омут. За спиной только-только нежно зарозовел самый краешек неба. То тут, то там, несмело ещё пробовали голоса какие-то незримые птицы.

«Часам к шести разорутся всюю, — подумал Сенькин и, не спеша, начал разматывать удочку. — Сегодня. Я её поймаю сегодня... — почему-то окрепла в нём уверенность. — Сколько можно издеваться над человеком?»

У другого берега омута тяжело плеснула какая-то рыбина. Сенькин внимательно посмотрел на расходящиеся по коричневой, почти чёрной воде, маслянисто отсвечивающие круги.

«Не моя, — равнодушно подумал он. — Эта килограмма на четыре, пожалуй, будет. Моя поменьше. Да и пасётся она у этого берега. И я её, хитрую собаку, достану... Три крючка сожрала? — спросил он сам у себя. И тут же подтвердил: — Сожрала... Две недели почти за нос меня водит? — и был вынужден опять же согласиться: — Водит... Ну, и готовься тогда, брат рыба. Мы с тобой непременно спознакомимся!»

Насадив на крючок розового шустрого червя, он аккуратно, почти без замаха сделал заброс к замшелой, торчащей наполовину из воды коряге. Поплавок немного поплясал на воде и успокоился.

— Так. Начали, — пробормотал Сенькин и взглянул на часы. — Четыре утра. Отлично.

Воткнув заострённый конец удилища в землю, а середину уложив на торчащую из воды рогатку, он присел на какую-то валежину, достал сигареты и закурил. Вокруг буйствовало лето. Берега Комёлы, куда ни посмотри, густо заросли лесом. У самой воды нагло пёрли ивняк и черёмуха. Чуть подальше от берега степенно стояли вековые ели и сосны. Одна из них, подрубленная года два назад какими-то туристами, этой зимой упала в воду и наполовину загородила выход из омута. Там уже было течение, и в небольших водоворотах у затопленных ветвей крутился различный мусор: какие-то щепки, кора, были даже две пластиковые бутылки. То тут, то там на воде раздавались тяжёлые всплески. Щebetали птицы, у самой воды маленькими вертолётками шустро шныряли стрекозы. Одна, голубая, с почти невидимыми крыльями, гордо уселась на торчащий из воды поплавок и кольцом поджала под себя тонкое брюшко. По спокойной глади воды крохотными стрелами скользили водомерки, то собираясь в кучу, то опять брызжа в стороны. Над ухом надоедливо звенели комары. Но Сенькин почти не обращал на них внимания — перед выходом он намазал лицо и руки мазью от комаров и поэтому чувствовал себя довольно комфортно. Поплавок внезапно исчез под водой и так же внезапно появился. Возмущённая такой бесцеремонностью стрекоза, отпрянула к коряге и умчалась на бреющем над самой водой.

«Чёрт!» — ругнулся Сенькин. Он знал, что так хватает наглая мелочь. Но делать было нечего — надо было её вытаскивать, иначе эта рыбёшка переполошит весь омут. Он нехотя подсёк. На берег шлёпнулся небольшой ершишка и запрыгал, затрепыхался в сырой траве. Сенькин прихлопнул его ладонью, потом осторожно взял двумя пальцами под жабры. Внезапно на ерша упал первый луч солнца, показавшегося из-за старых елей. Ёрш так и вспыхнул коричневым крапчатым тельцем с растопорщенными плавниками, отсвечивающими всеми цветами радуги. Он ещё пытался грозно щеперить свой, не по росту огромный спинной плавник, надеясь, видимо, испугать Сенькина. Но тот лишь усмехнулся на эти ухищрения ерша и принялся доставать крючок. Червяк был почти целым — ёрш взял взаглот — и Сенькин тут же снова забросил удочку, а ерша положил в шуршащий целлофановый пакетик. Всю мелочь он всегда приносил кошке. Та встречала его с рыбалки уже у деревни и тащилась за ним до самого дома, хрипло мяуча и выпрашивая рыбу.

Сенькин уже почти две недели охотился за какой-то хитрой рыбиной, которая на рассвете кормилась у впадающего в омут небольшого ручейка. Несколько раз она уже побывала на крючке, но неизменно срывалась, обрывая крючки и леску. Поэтому Сенькин специально съездил вчера в город, где он не появлялся с начала отпуска и прикупил самую прочную японскую лесу. Также взял набор каких-то специальных крючков. Мрачноватый продавец, когда узнал в чём дело, разговорился, начал давать советы и, выяснив по описанному Сенькиным способу поклёвки, что это, скорее всего, язь, посоветовал рецепт приготовления наживки, основным ингредиентом которой являлся жмых. Но жмыха Сенькин не нашёл и поэтому продолжал ловить по старинке — на червя. Деревенский сосед Сенькина — колченогий пенсионер дядька Саша — тоже живо заинтересовался проблемой и даже предложил разрешить её самым кардинальным способом («конгруэнтно!» — как он любил выражаться), то есть просто поставить сеть. Но Сенькин от предложенного гамбита категорически отказался: гораздо приятнее было вытащить эту рыбину самому, один на один. Почувствовать, как она бьётся на крючке, водит из стороны в сторону, уходит на глубину. Он даже начал брать с собой на реку подсак, чего раньше никогда не делал. Вся его жизнь сейчас была посвящена только этой страсти.

Он снова закурил и начал, как обычно, «шаманить» — то есть, мысленно пытался заманить рыбину на крючок. «Вот ты, брат рыба, плаваешь где-то там, в тёплой ласковой воде, — вдохновенно сочинял он, — собираешь какую-то мелкую ерунду с листьев, а не видишь такого вкусного розового червяка. Мимо такого деликатеса проходишь! Непорядок, брат рыба! Подплывай, значит, к коряге... Вот сюда, к ручью. Тут-то тебя как раз ждёт отличный завтрак. Это тебе не хухры-мухры — тут на неделю вперёд нажраться можно! А ты, брат червяк, тоже не сачкуй особо-то. Извивайся, слушай, на крючке, танцуй тарантеллу, привлекай, гад, внимание. Висишь, поди, как сопля — так кто же тебя схватит? Нет, ты уж, брат, поработай напоследок — так уж поработай, чтоб все рыбы в округе удивились и надолго тебя запомнили. А уж потом будут они своим внукам рассказывать долгими зимними вечерами, что видели, мол, настоящего, пляшущего тарантеллу, мини-змея. То-то молодёжь удивится!»

В это время невдалеке послышались вдруг тяжёлые шаги, разговор, негромкий смех. «О, Господи, — взмолился Сенькин, — только не сюда!» Но шаги приближались, и он заметно помрачнел. На широкую проплешину метрах в пяти от Сенькина уверенно вышли трое. Один тащил тяжёлую сумку, второго было не видно из-под небольшой резиновой лодки, третий нёс вёсла.

— Стоп, прибыли, — негромко скомандовал тот, что с вёслами.

Шедшие впереди скинули свои ноши на берег и распрямились. Они оказались здоровыми камуфляжными ребятами, довольно ещё молодыми и краснощёкими. Третий, в длинном защитного цвета плаще, уткнул вёсла в землю, положил сверху руки и внимательно оглядел омут. Сенькина поразил его облик. Природа, видимо, делала его наспех, самым последним — лишь бы поскорей развязаться. Большой квадратный лоб, выпирающий из-под шляпы с отброшенным назад накомарником; неандертальские дуги кустистых бровей, под которыми внимательно бегали мелкие жучки бесцветных глаз; огромный кривой нос; тонкая щель почти беззубого рта; сильно скошенный назад подбородок. Тёмное от загара лицо пропахали глубокие траншеи морщин. Он сильно смахивал на вырубаемых вологодскими умельцами деревянных уродов, которые затем покрывались лаком и продавались в качестве сувениров всем заезжим туристам. Очень даже сильно смахивал.

«Настоящая... деревянная морда! — ахнул про себя Сенькин. — Во, блин, каприз природы! Он одним своим идольским лицом всех рыб распугает!»

Между тем, «каприз природы» заметил сидящего на бревне Сенькина.

— О, рыбак... — неприятно удивился он. — Как улов?

— Да не очень, — пожал Сенькин плечами. — Мелочь всё хватает. А вы с сеткой?

— Не совсем, — коротко хохотнул старший. — Давай, пацаны, действуйте.

Камуфляжные пацаны ретиво принялись за дело: вжикнув молнией, распаковали сумку, достали оттуда мешок и что-то длинное и тяжёлое, завёрнутое в газету.

— Ты бы это, дядя, отошёл подальше, что ли, — обратился один из них к Сенькину.

— Где хочу, там и сижу, — огрызнулся тот. Он уже понял, что троица задумала что-то неладное, но решил не сдавать позиций.

— Дело хозяйское, — миролюбиво пробурчал камуфляжный и развернул газету.

Сенькин обомлел — в руке у парня оказалась огромная, отливающая сердитым блеском граната.

— Да что это вы... — хрипнул он пересохшим ртом, но его не услышали, а может, просто не обратили внимания, как не обращали внимания на комаров.

Рванув чеку, парень ловко забросил гранату на середину омута и кинулся плашмя в траву, где уже лежал второй. Деревянной морды на берегу давно не было. Граната тяжело плюхнулась в воду, подняв целую тучу брызг. Ничего не произошло.

«И слава Богу», — успел ещё подумать Сенькин, ошарашенно глядя на огромные круги на воде.

Но тут, в том месте, куда упала граната, яростно вздыбился огромный, быстро вспухающий, нереальный какой-то, цветок. Он казался странно белым на фоне чёрной воды омута. Через секунду ножка цветка окрасилась багровым цветом, и раздался оглушительной силы звук взрыва. Сенькина отбросило метра на два назад и крепко шарахнуло спиной о ствол старой черёмухи. На некоторое время он перестал сознавать происходящее. Дыхание перехватило, в глазах так и стояла огненная ножка цветка, а уши заложило так, что он вообще ничего не слышал. Когда ножка цветка в глазах чуть поблекла, он увидел высоко в небе летящие какие-то палки, листья и стебли кувшинок и огромные, переливающиеся под солнцем брызги воды. Он судорожными рывками пытался загнать в себя порцию воздуха, но ничего не получалось — настолько крепко его приложило к черёмухе. Схватившись руками за живот, он резко согнулся. В глазах потемнело, в голове бухнул огромный молот, но в лёгкие тоненькой струйкой начал просачиваться живительный воздух. Он опять упал на траву, опять согнулся, снова упал. Воздуха пошло больше. Он врывался в лёгкие с каким-то булькающим хрипом, но всё-таки врывался. Звон в ушах понемногу прекратился, но услышать ничего Сенькин так и не сумел: в этом солнечном мире царила непробудная тишина, только и были слышны рвущие гортань собственные вдохи.

Медленно, очень медленно опускались куда-то вниз, вне поля зрения Сенькина, обрывки водорослей и ошмётки листьев. Внезапно ему в грудь врезалось что-то тяжёлое и скользкое. Удар был настолько силён, что восстановившееся, было, дыхание вновь перехватило, и Сенькин начал извиваться и переворачиваться на земле, словно огромный, неуклюжий червяк. Когда он пришёл в себя настолько, что смог, наконец, кое-как сесть, привалившись спиной к черёмухе, то первым делом взглянул на омут. К берегу причаливала резиновая лодочка, в которой каким-то чудом уместились два камуфляжных молодца. Ловко выпрыгнули на берег, где их уже ждал идол с деревянной мордой, и достали из лодки же огромный тяжеленный мешок.

— Ну, вот, — скрипуче хохотнул Деревянная морда, — на ушицу и насобирали...

Он забрал вёсла и первым скрылся в зелёном кружеве листвы. Крякнув, один из камуфляжных забросил на спину мешок и нырнул следом. Третий легко поднял лодку на голову и, насвистывая, пошёл вслед за ними. На Сенькина никто из них даже и не взглянул. Он перевёл взгляд на омут. Всюду, куда ни посмотри, среди взвешенных клубов мути со дна, палок, обрывков растений и водорослей, плавала рыба: некоторая на боку, но большая часть кверху брюхом. Многие ещё судорожно шевелили хвостами, пытаясь перевернуться и уйти в спасительную глубину. Там были и довольно крупные экземпляры, которыми, видимо, побрезговали камуфляжные — для них это была мелочь, хотя поймай Сенькин такую «мелочь» на удочку, то он гордился бы таким уловом до конца жизни. К кромке берега прибило невероятное количество настоящей мелочи — берега ручья стали просто серебряными.

«Как же это? Что же это творится-то, Господи? — Сенькин обхватил голову ладонями и бездумно смотрел на омут. — Не может быть. Не должно быть этого... Господи...»

Рядом в траве что-то зашевелилось. Сенькин машинально посмотрел вниз. На мокрой траве дёргалась огромная жёлтая рыбина. Она, судя по всему, и врезалась ему в грудь, вышибив во второй раз дыхание. Он осторожно взял её в руки. Из уголка рта её что-то торчало. Стержень какой-то. Пока Сенькин соображал, что же это могло быть, рыбина разинула рот. Там Сенькин увидел свои разноцветные финские крючки с обрывками лески. Рыба слабо трепыхнулась в его ладонях. Он тогда встал на колени перед ручьём, выбрал свободное от мелочи место, и осторожно отпустил её в воду.

— Иди домой, брат рыба. Может, и выживешь.

Она слабо махнула хвостом и резко ушла на глубину. Но тут же всплыла наверх и легла на бок.

Каждая чешуйка так и заиграла под солнцем, запереливалась мягким нежным золотом. Снова вильнула хвостом и рывками пошла вглубь.

— Может, и выживешь, — повторил Сенькин.

Посмотрел в воду. Оттуда на него внимательно глядел мелкими жучками глаз Деревянная морда и нагло улыбался.

— Тьфу ты, — плюнул в его отражение Сенькин и впервые в жизни, наверное, перекрестился. Неумело, как уж получилось. — Сгинь, подонок...

Деревянная морда исчез. Сенькин медленно поднялся, отчего в ногах весело засуетились мурашки, начали там бегать, покалывать, и, не взяв даже удочку, медленно, не разбирая дороги, направился к дому.

Вологодские берега

Поздравляем замечательного поэта, прозаика, публициста Геннадия Сазонова, певца «родимого края» и «внутреннего света», и «отдалённых предместий», и «подорожной вечности», чьи «поступки ярче слов», с 65-летием!

Геннадий Сазонов

Родился в 1950 году на станции Пожитово Торжокского района Тверской области. Окончил Ленинградский государственный университет. Более 40 лет проработал в печати, издал 27 книг поэзии, прозы, публицистики.

Стихи печатал в журналах «Север», «ЛАД вологодский», «Пятницкий бульвар» (Вологда), «Воин России» (Москва), «Берега» (Калининград), «Аврора» (Санкт-Петербург), «День и ночь» (Красноярск), «Алтай» (Барнаул), «Дон новый» (Ростов-на-Дону), «Автограф» (Вологда) в еженедельниках «Литературная Россия», «Очарованный странник» (Ярославль), «Общеписательской литературной газете» (Москва) и других изданиях.

Лауреат ряда премий и конкурсов, в том числе литературной премии МВД СССР (1987),

«Бронзовая сова» (2002), дважды лауреат фонда Артёма Боровика (2008, 2011), Всероссийской литеартурно-художественной премии «Золотой венец Победы» (2011), международной премии «Слово к народу» (2012), финалист первой литературной премии имени Д. Балашова (2014, Великий Новгород), литературной премии имени С. Михалкова «Облака» (2015).

«Я — ПОЭТ ОТДАЛЁННЫХ ПРЕДМЕСТИЙ...»

БОЖИЙ МИР

Лягушки скачут у порога,
И ёжик ходит у крыльца.
И месяц из кривого рога
Льёт серебро, льёт без конца.
Свет серебристый всё объемлет,
Скользит над полем и рекой,
И наполняет сердце, землю
Мир от Христа — его покой!
В саду цикады, слух лаская,
Не умолкают ни на миг.
О, Божий мир! Вражда людская
Перед тобой — глухой тупик.
Как призраки, во тьме маячат
Злословье, ненависть и спесь.
Любая радость больше значит,
Когда лягушки скачут здесь!

ПОДОРОЖНАЯ ВЕЧНОСТЬ

От версты до версты —
Всё венки да кресты!
По стране,
Как по кладбищу, еду.

Ты погиб здесь!
Но кто это ты?
Безымянны кресты —
Вижу смерти победу.
Валуны
Неподъёмной величины,
Как цветы
Первобытной весны,
В честь погибших
Вдоль трассы мелькают.
Разве мёртвые славы хотят?
Эти камни большие молчат.
Только страх иногда нагоняют.

Неужели не знаешь,
страна —
Непомерная эта цена
За бездумную скорость,
Беспечность!
От версты до версты —
Всё венки да кресты!
Подорожная
странная
Вечность.

ДОМА

Сплю, когда соловьи поют,
Сплю — дожди за окном идут:
Нужен мне покой и уют —
Отдыхаю я нынче тут!

Молодая краса-Луна
Без меня касается дна
Полонённой осокой реки.
Без меня льна прохладного шёлк,
Тропы, где я влюблённым шёл,
Вновь счастливыми нарекли.

Просыпаюсь, а вдоль стены,
Как картины с холстов, — мои сны:
То — ясны, то — тумана полны...
Ах, какие здесь снятся сны!

Я б другой судьбы не просил,
Если б мог сновидений вязь
В меру дерзости, в меру сил —
Сделать явью хотя бы раз!

* * *

Над дорогой — закат ярко-алый.
О заветном меня расспроси:
Жизни целой не хватит, пожалуй,
Чтоб объехать пределы Руси!

Я — поэт отдалённых предместий
И забытых просёлков глухих,
Где в согласии с совестью, честью
Ещё живы влюблённые в стих!

Ещё верят в заветное слово
Для спасенья страны и души.
Здесь России извечной основа —
В позабытой безмерной глуши!

ЧЕРНОЗЁМЫ

Опять я вижу чернозёмы —
Поля без края в смоге синем.
И предков вздох: «К земле ползём мы,
Иначе безвозвратно сгинем!»

Укором мне и этой осени
Дошли слова из глубины вечной:
«Зачем вы чернозёмы бросили?
Ведь это так бесчеловечно!»

За Тулой, Белгородом, Курском,
Где колыбель Руси качали,

На всём пространстве старорусском
Лежат непаханные дали!

Как будто «мерзость запустенья»
Сюда вошла и всё затмила:
Не хлеб — а дикие растенья,
Не жизнь — а сытая могила!

Опять в закатном дальнем свете
Играют блики чернозёма.
Час наступил и нам ответить
За всё в стенах родного дома!

СВЕТ

Синий полдень января,
Рождество Христово.
Стук в окошко снегиря,
Будто детство снова.
Санки, горка до зари
и зима другая —
Вспомню всё...
И свет внутри
Жить мне помогает!

ПУТЬ

Каких бы ты ни достигал вершин, —
От Савла — к Павлу, путь у нас один!
И главный шаг среди всего иного —
Последний есть, из бытия земного!

МОСТ

На вечную воду смотрели с моста
Две пары влюблённых сияющих глаз.
И речка лесная — не шумная Мста,
От взглядов горячих быстрее неслась.

Качался тот мост на канатах тугих
И в царствие вёл боровое.
И не было в мире счастливей других,
Чем эти влюблённые двое!

Тянулся от леса сиреневый дым,
И вечер обкладывал дали.
И было их счастье наивно простым!
Ах, где мы его потеряли?

В истоме сердечной слились их уста.
Мост в Вечность водой уносило.
И всё — унесло! Только взгляды с моста
Всё живы, как мощная сила!

ВЕЛИКИЙ ГРЕХ

О чём вожди нам всё пророчат,
Мечтая осчастливить всех?
В Мясном Бору, на Новгородчине,
Лежит на них солдатский грех.

Из тьмы военной, из забвения
Солдаты павшие вопят.
Великий грех — непогребение!
Им день сегодняшней распят!

Тот грех нисходит Божьим гневом
И в мысли наши, и в дела.
Лежат под Вязьмой и под Ржевом
Солдат останки — ни тела,
Ни кости даже; бирки-блики...
Но души-то всюю вопят.
Непогребенье — грех великий!
И день грядущий им распят!

О чём вожди нам всё пророчат,
Забыв обычай старины?
Великий грех! И бой не кончен —
Коль не в земле солдат войны!

ПРОГУЛКА

Месяц серебряно-златый,
Снег от зари розоват.
Я несказанно богатый —
Ожил счастливо твой взгляд.
В соснах, улыбкой играя,
По серебристой лыжне,
Идешь ты, будто из рая,
Прямо в объятья ко мне.
Всё узорочье лесное,
Чудную в блёстках зарю,
Сердце моё неземное —
Я тебе просто дарю!

ПОЭТЫ РОССИИ

Поэтам России наград не вручали,
Им тайно готовили тяжкий свинец —
За то, что они во вселенской печали
Не продали дьяволу власти сердец!

ЗЛОБА НА СЛАВЯН

Гляди неотступно и в оба —
Как зреет всемирная злоба,
И вот — подняла якоря:
Европа шипит, как змея,

Вздыхает неправды кадило —
Россия ей не угодила,
Украденный некогда Крым
Вернула к пределам родным.
А там, за большим океаном,
Людей обирая обманом,
Устроив всемирный грабёж,
Америка корчится пьяно:
«Не быть уже этим славянам,
Россию — на кол и под нож!»

О, адская тёмная злоба!
С рожденья до самого гроба,
Беснуется, всё нам грозит.
Но в Божьей руке наша воля,
Победное помнится поле,
А меч — ещё остр и разит!

ДЕНЬ

Налита чаша утра всклень
Зарёй густой и синью свежей.
Плескал из чаши Божий день
От гор, лесов — до побережий.

С Востока свет на Запад шёл —
В нём необъятной Русь лежала.
От имени её глагол
Не будет твой, как Змия жало.

Умерь и гнев, и жажду лжи.
Возвысься до её величья!
Созрей, как зреет голос ржи,
Явись, как миру песня птичья.

Плескал повсюду светлый день.
Чем будет он тобой отмечен
В глазах тоскливых деревень,
В очах Того, кто благ и вечен?

С избытком горя и вражды
В стране родной — они повсюду.
Не умножай беды и ты.
И я твой подвиг не забуду!

ПЕСНЯ СЛАВЯНКИ

(из поэмы «Раненый бор»)

Любовь моя ежечасная —
Сильнее, чем в речке вода.
Милый, золотко ясное,
Будь со мною всегда!

Любовь моя — цвет зелёный,
Обнимет тебя везде:
В бору и на горном склоне,
И не отдаст беде.
Любовь моя — цвет лиловый,
жить не могу, не любя.
Только расстанусь, и снова
Видеть хочу тебя.
Любовь моя — цвет небесный,
До глубины чиста.
Милый, тоскую в песне,
Как сладки твои уста!
Летят из-под копыт искры
У твоего коня.
Милый мой, сокол быстрый,
Не позабуди меня!

СТАРЫЙ АРБАТ

Снегом завален Старый Арбат,
Солнце по снегу взобралось на крышу,
Светит оттуда! Я счастлив и рад,
Старый Арбат, что опять тебя слышу.

В сердце польётся — неведомо как —
Из вековой глубины незабытой,
Песня Арбата, звенит, как пятак,
Тот, что из меди царёвой отлитый.

Чудо родное слышится в ней —
Света, беды, и любви, и несчастья.
В музыке древних московских камней
Сердце вот-вот разорвётся на части.

Завтра вернусь я обратно назад
В северный край, он повсюду со мною.
Там и сомкну тебя, Старый Арбат,
С грустью дорожной, глушью лесною.

ЗАКАТНЫЙ ЧАС

Я полюбил закатный час,
Когда на Западе далёком
Пожар багряный манит нас,
И не объять все краски оком.

Стою в заснеженном бору,
Смотрю на это Божье диво:
И слов, и чувств не подберу -
Так всё неведомо красиво!

Но вещий мир готов твердить
Своё пророчество упрямо:
Закат багряный — может быть
Предвестником кровавой драмы.

Её в полуденный Восток
Грозит внести безумный Запад,
И опрокинуть мой восторг,
И в плен людей безвинных хапать.

И, богоборчеством звеня,
Тот Запад, рвущийся в могилу,
Желает всем войны огня,
И хочет силой править миром.

Не покорит сей варвар нас!
Наш дух его осилит снова.
Пусть будет всем закатный час
Предвестником добра живого!

ВНИМАЙ

Внимай душе твоей, внимай!
Храни те чудные минуты,
Когда она чиста, как Рай,
Нет зла или вражды к кому-то.

Лелей в душе твоей, лелей
Желанье Горнего привета!
Душа захочет быть светлей
Дневного солнечного света.

И этот свет неси вперёд
Тревог тяжёлых и печалей,
Потерь, несчастий и забот -
Душа всему стоит в начале.

* * *

Они по-своему нелепы —
Вожди, Оракулы, Мазепы
И Геростраты всех мастей
От стен Кремля до волостей,
Когда хотят крутить толпой,
Не в силах властвовать собой.

Но лезут вверх. И поневоле,
Подобно сорнякам на поле,
Ростки добра глушить хотят,
Топтать их, как слепых котят,
Чтоб до критической черты
Заузить ниву доброты.

Они в себе важны, нужны,
 Не помнят Божьей старины —
 Что перед смертью все равны.
 Но ведь добро — не что-нибудь —
 Последний скрашивает путь!

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Мир полнится тобою! Так весной
 Вода из берегов на волю хлещет.
 Ты возжигаешь в сердце жар и зной,
 И о любви слагаешь символ вещей.

Как через Слово, жизнь через тебя
 Начала быть, не быть — уже не может.
 Вельможи, пахари и голытьба:
 Всё — из тебя! И ты мне всех дороже.

Изрѣк на диком Западе француз:
 «Шерле ля фам!» Ему не верю ныне.
 Для нас ты основанье всяких Муз,
 Пока хранишь народные святыни.

ТОРЖОК

Ввысь струятся церковью купола
 Древней песней о русском просторе.
 Здесь сгорели когда-то дотла
 Мои дивные юные зори!

Там собор у реки на холме —
 Белоснежный корабль у причала.
 Нѣс в мечтах он меня по земле,
 Открывая Отчизны начала.

В те года у судьбы я прошусь,
 Будто в них — моей жизни разгадка.
 Оглянусь на родимую Русь —
 Пахнет хлеб её горестно-сладко.

От татар уцелел ратный вал,
 Шёл я вверх, сердце билось гулко,
 В душу музыку он проливал,
 Как волшебная чудо-шкатулка.

Там на камне — следы от подков,
 Иль иная приметная малость...
 Мне за ними, из тайны веков, —
 Всей России судьба открывалась!

Жѣг огонь, и душила беда,
 Чужеземный под окнами гам...
 Город бился, стоял. Никогда
 Не сдавался на милость врагам!

Слава града во тьму не ушла,
 И сегодня он — витязь в дозоре.
 Ввысь струятся церковью купола
 Древней песней о русском просторе.

Вологодские берега

Николай Толстиков

Николай Александрович Толстиков родился в 1958 году, живёт в Вологде. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького, работал в газетах. Принял духовный сан, и ныне — священнослужитель храма святителя Николая во Владычной слободе Вологды. Автор четырёх книг прозы, вышедших в Вологде и Москве. Победитель в номинации «Проза» международного литературного фестиваля «Дрезден-2007», лауреат «Литературной Вены-2008 и 2010», лауреат международного конкурса, посвящённого 200-летию Н.В. Гоголя, победитель конкурса имени Ю. Дружникова на лучший рассказ журнала «Чайка» (США). Член Союза писателей России.

Поздней осенью

Рассказ

Староверов Сан Саныч, отставной преподаватель педучилища и закоренелый холостяк, сохранил себя. За семьдесят, но не огруз фигурой, не скрючился спиной, был по-прежнему лёгок на ногу. Морщинки лишь мелкой сеточкой собирались возле его глаз. Всегда подтянутый, в строгом костюме, застёгнутом на все пуговицы, при чёрной узкой селёдке галстука и в белой шляпе он неторопливо вышагивал по улочке родного городка. Встретив старого знакомого, Староверов окидывал его бесстрастным взглядом холодных голубых глаз и вежливо раскланивался, приподнимая шляпу. Знакомцы, особенно из тех, которым доводилось в детстве играть с ним в лапту или в прятки, заискивающе улыбаясь, трясли ему руку, но прямую его спину провожали, глядя сурово, исподлобья:

— Ишь, от лёгкой-то жизни какой, не угорбатился! Всё для себя да для себя! Не мы, дураки...

Прежде, пока была жива мать, Староверов приезжал из райцентра в Городок часто. Но потом в осиротевший дом за всю долгую зиму он навещался раза два-три. Взяв напрокат у соседней лопату, расчищал торопливо, без роздыха, снежные сугробы от дороги к калитке. Летом в доме обновивалась его сестра со своими внуками; Староверова, без сожалений покинувшего холодный сырой карцер кооперативной квартиры с неоклеенными стенами и почерневшим потолком, встречали шум, ребячья беготня, смех. Сан Саныч день-деньской мог раскачиваться в гамаке в огороде, искоса наблюдая за вознёй ребятшек в куче песка, или бродить по лесу, предвкушая сытный ужин и разговоры с сестрой, вечно занятой рукодельем, — так, о пустяках. Растянувшись на диване, он блаженствовал в это время как никогда...

Всё нынешнее лето, до поздней осени, он провёл в тревожном ожидании. От сестры из Киева ни слуху, ни духу, хотя и отправил туда ей не одно письмо. Окончательно измучившись, когда в квартире, осточертевшей за долгие месяцы одиночества, стало впору взвыть волком, он помчался в Городок.

Родительский дом стоял пуст. Сминая засохшее будыльё заполонившего двор репея, Сан Саныч пробился к крыльцу и, переступив порог, не скоро решился пройти в горницу, недоверчиво, с опаскою, втягивая ноздрями затхлый холодный воздух. Потом ещё долго бродил по дому, заглядывая во все уголки и чутко прислушиваясь к каждому шороху и скрипу.

Нежданному гостю — Вальке Сатюкову — он обрадовался. Только не один был поддатенький журналист, гостивший у родителей, а с попутчицей. Сан Саныч поначалу подумал, что она старушка. Уж больно согбенная и жалкая фигурка, заматанная в платок, жалась у дверей. Но на свету пришедшая оказалась женщиной лет тридцати. Стянув платок, она высвободила свалывшиеся космы грязных волос неопределённого цвета; на лице её с дряблой сероватой кожей угрюмо синели «подглазники». Женщина села на подсунутый Валькой стул, осоловело уставилась куда-то в угол.

— Сан Саныч! Не будет у тебя по маленькой? — замасливая глазки, заканючил Валька.

Ещё в райцентре, едва начав работать в редакции местной газеты, Сатюков, молодой парень, зачастил к земляку, прихватывая неизменно с собою с виду вполне интеллигентных личностей. Раз-

гружали портфель с дешёвым винцом, и через час становились совершеннейшими скотами, принимались трясти друг друга за грудки, проклинать всё на свете. Кое-кто пытался прикорнуть на столе, но столкнутый на пол разгорячёнными собутыльниками, заползал под стол в безопасное место и ронял обильную слезу обиды. Староверову, просидевшему весь вечер за одной рюмочкой, было интересно и жутко наблюдать за перевоплощением людей в пьяных скотов, ведь перед началом попойки Валька всегда представлял незваных гостей: это — журналисты, это — инженеры, это — художники или непризнанные поэты. Скоро дошло до милиционеров и водолазов, целая коллекция бы составила.

Компании вламывались к Староверову сугубо мужские, и затесавшаяся на пару с Валькой бабёнка поставила Сан Саныча в тупик. Чем её угостить? Хорошо, что привёз с собою бутылку сухого марочного вина, думал при встрече с сестрой её откупорить.

Дама, закинув ногу на ногу, пыхала папиросой. Выглотав стакан сухого как воду, она поморщилась:

— Покрепче бы чего этого «свекольника»...

В неловкой тишине Валька попытался рассмотреть что-то в темноте за окном, дама с тупым выражением на лице продолжала пускать клубы дыма, удушая Сан Саныча.

Он, пригубив из своей рюмочки, чтобы развязать разговор, ляпнул первое пришедшее на ум:

— Вас, вероятно, с Валентином связывает дружба...

Язык у Сан Саныча одеревенел, осталось беспомощно и извиняюще развести руками, изобразив на лице глуповатую улыбку.

Валькина спутница громко и вульгарно расхохоталась.

— Это с ним-то?! Хотели счас в сараюхе прилечь, да холодно, говорит.

Валька покраснел и торопливо засобирился, будто вспомнив о неотложном деле. Сан Саныч, испуганный, побежал вслед за ним на улицу.

— Сан Саныч! Пусть она у вас посидит... пока. Ей некуда идти. А я подойду попозже, — Валька скрылся в темноте.

Обескураженный, Староверов растерянно побродил возле дома, а вернувшись в горницу, остолбенел. Незваная гостья преспокойно, свернувшись калачиком, спала на его кровати. Юбка на бабёнке, заляпанная засохшими ошмётками грязи, задралась, открыв рваные чулки на ногах.

Сан Саныч, смущённо отводя глаза, хотел выключить свет, но передумал. Он ушёл на кухню, со слабой надеждой стал дожидаться Вальку и заснул за столом...

Очнулся он от чьего-то лёгкого похлопывания по плечу и спросонок воззрился удивлённо на даму. Та, сутулая, невысокая ростиком, стояла рядом, одной рукою ерошила спутанную кочку волос на голове, а дрожащими пальцами другой норовила сунуть окурок в чёрные растрескавшиеся губы.

— Послушай, мужик! — прохрипела она судорожным, будто перехваченным удавкой, горлом. — Опохмелиться не найдёшь?

И сорвалась, зашла в жутком чахоточной кашле: казалось, всё её нутро вывернется наружу.

Сан Саныч разыскал в шкафу прошлогодний «остатчик» водки, поспешно наполнил стакан. Дама, высосав подношение, морщилась, ужималась, но постепенно на пепельно-серых щеках её появился робкий румянец, а глаза, понуро-тоскливые, оживясь, заблестели.

— Да ты фартовый, мужик! С меня причитается! Жди в гости, наведаюсь вечером!

Она убежала так шустро, что Сан Саныч не успел сообразить: то ли соглашаться, то ли отказываться наотрез...

Под вечер он решил убрести из дома в лес и на берегу речушки возле костерка скоротать ночь. Собираясь, Староверов в чулане принялся ворошить потёртые, излохмаченные телогрейки, но ничего путного взять с собою в ночное не подворачивалось. Вообще-то, несмело подумал он, можно и остаться. Запереться на все запоры, не включать свет, сидеть тихо, как мышь. Удавалось же такое в райцентре, в квартире. Под пинками пришельцев дверь ходила ходуном, от непрерывной трели звонка, казалось, что голова вот-вот расколется, но ведь терпел, выдерживал.

Стемнело. Едва послышалось слабое царапанье за дверью, Сан Саныч подскочил со стула и помчался открывать, на ходу оправдываясь — всё-таки женщина, неприлично не принять!

Вчерашняя гостья, обдав хозяина волной перегара, уверенно прошла в горницу, примостилась

за столом. Тяжко вздохнув, с пьяной укоризной взглянула на Сан Саныча. Тот засуетился, принёс остатки водки в бутылке, сохранившуюся банку огурцов: чем богат, тем и рад.

Дама выпила и, хрумкая прокисший огурец, сидела молча, раскачиваясь на стуле. Староверов надумал ещё предложить ей чайку и пошёл на кухню ставить чайник. Вернувшись, он опять застал гостью дрыхнувшей на его кровати. На этот раз спать, сидя за столом, не хотелось, Сан Саныч погасил свет и лёг на лавку на кухне. Подложив ладонь под щеку, он пролежал, силясь уснуть, неведомо сколько времени. Заслышав шорох, он вздрогнул, нашарив на стене выключатель, зажёл свет и обалдело уставился на гостью.

Она, совершенно нагая, стояла в дверном проёме, жмурясь от света. Сан Саныч, скользнув взглядом по отвисшим тряпично кулёчкам её дряблых грудей, долго не мог отвести глаз от красноватого шрама на животе, перечёркивающего почти пополам её худое тело с выпирающими костями, обтянутое иссиня-бледной кожей.

Дама, перехватив взгляд, провела обкуренным пальчиком по гладкой поверхности шрама, криво усмехнулась:

— Это мужёнок дорогой меня перышком пополосовал! Чтоб ни дна ему, ни покрывки! Четыре дыры, еле заштопали! Теперь вот Манькой Резаной и зовут... Ну, чего?! Сам разденешься или помочь?

Она, потянувшись, шагнула к Сан Санычу, но он с утробным испуганным мычанием одним невероятным скачком вылетел из кухни. В спину ему, словно калёный гвоздь, вонзился истерически дикий смех.

Староверов прямо с крыльца, будто в омут, нырнул в холодный предутренний воздух: «О, Господи! Что творится-то, а?!». Не разбирая дороги, он по тёмной пустой улочке помчался прочь от дома, куда глаза глядят.

«О, женщины!..»

Когда-то давно, в молодые годы, был он со своими студентками на уборочной в совхозе. С самой глазастой и красивой пришлось укрываться от дождя в шалаше. Она, подрагивая, робко прижалась к Староверову и прошептала: «Возьмите меня замуж!» Ожжённый несмелым поцелуем, Сан Саныч отпихнул девчонку, заговорил резко, нравоучительно. Пуще всего он боялся, как бы не выгнали его из училища за связь с подопечной. А может, и зря, что скрывать, потом всю жизнь сожалел...

И вот так всё время — чуть что, трясся, как заяц под кустом. Молчал, как партизан на допросе, на педсоветах в училище, где вёл «труд». Невелик кулик, ни разу в застолье не выпивал больше рюмочки вина, дабы не сболтнуть лишнего, а последние годы перед пенсией был готов сплясать «казачка» под окнами директорского кабинета, если бы приказали...

Чаял — уж теперь, в «отставке», поотпустит эта страшная напасть, загнавшая его в тесный, тщательно сберегаемый от потрясений мирок, ан нет... И когда же она заползла в душу, укоренилась намертво?

Может, в тот год, когда как «врага народа» арестовали отца? Отец, колхозный плотник, привернул в горсовет за какой-то справкой, а поскольку шёл с работы, за пояс у него был заткнут топор. Председатель — жук ещё тот! — бочком, бочком из кабинета и в крик: «Убивают!» Набежал народ, скрутили растерянного мужика. Потом вроде и никто не верил, что замыслил Староверов-старший смертоубийство представителя власти, но, поди докажи. Кто рискнёт? Закатали ему десять лет без права переписки...

Санко закончил школу и куда бы ни сунулся — везде получал от ворот поворот. И вдруг к отчаявшемуся парню прямо на дом прибежал нарочный от председателя...

Тот подждал Санка, отвернувшись к окну. Парень тихонько прикрыл за собой дверь и несмело поднял глаза на низкорослую, перехваченную в талии широким кожаным ремнём фигуру. Председатель обернулся:

— Проходи, садись! Понял, паря, что ноне все двери для тебя затворены? А ты, бают, умный, головастый! Не в батяню своего... Да ладно, я зла не держу. Знаю, как тебе подсобить...

Председатель разложил на столе перед робко присевшим на краешек стула Санком чистый лист бумаги, сам обмакнул перо в чернила и протянул ручку.

— А чего писать? — пролепетал, принимая её дрожащими пальцами, Санко.

— Не трусь ты, не забижу! — хохотнул, раздвигая губы в довольной усмешке, председатель и, поскрипывая хромовыми сапожками, запохаживал вокруг стола. — А пиши... Я, мол, такой-сякой, решительно и бесповоротно порываю со своим отцом. Так как он есть классовый враг и чуждый Советской власти элемент. Поступаю сознательно и отныне обязуюсь не иметь с вышеозначенным лицом ничего общего... Подпишись! Вот и ладненько.

Санко, озябнув от одного взгляда председателя, послушно вывел подпись, и опомниться не успел, как председатель ловко выхватил из-под его рук лист и помахал им в воздухе, подсушивая чернила.

— Отошлю в газету. Пусть пропечатают, чтоб все знали. А тебя... поздравляю. Свободен!

Санко не заметил, как очутился на улице. Горели щеки, уши. «Порываю, решительно и бесповоротно... Но я же как лучше! Я дальше учиться хочу, сам тятя велел», — оправдывался он...

Хороших друзей у Староверова никогда не было — ни в педучилище, куда вскоре его приняли, ни после, когда стал учительствовать сам. Он опасался откровенничать, а без этого настоящей дружбе не бывать.

В свободное от уроков время он ударялся по лесам с ружьишком или просто с корзиной по грибам. Стрелок неважнецкий, зато грибник удачливый, мотался он по чащобам, глуша в себе всякие мысли и желания, до совершенного изнеможения и оцепенения. Иной раз до дому не хватало сил добраться, приходилось коротать ночь возле костера.

На лесных ночёвках Староверов простыл, слёг с воспалением лёгких, а потом ещё хуже — заболел туберкулёзом. Как раз в канун войны. Под вой баб, провожавших на фронт мобилизованных мужиков и парней, нет-нет да и ловил на себе злые и завистливые взгляды: дескать, вон какой бугай за бабьими юбками в тылу отсиживается! Пособил же леший ему чахотку заполучить! Глядишь, так и жизнь свою спасёт.

Спас!

Правда, когда стоявшая в Городке воинская часть, которой командовал муж его сестры, двинулась на фронт, Староверов на прощальном ужине застенчиво намекнул зятю, что готов пойти ополченцем.

«Сидел бы дома, белобилетник! Надо будет, до тебя и так доберутся!» — усмехнулся зять, залуживая чарку.

Но потом сжалился над обидчиво надутым шурином, предложил к себе ординарцем. Староверов, недолюбливая военных, взглянув на подтянутого, мускулистого подполковника, промолчал...

Он корил себя после войны, особенно в тяжкие горькие часы своей жизни, что не ушёл тогда с зятем, вскоре погибшим, хотя и сам в лихолетье едва не умер от болезни и голодухи. Тоска одиночества с годами всё чаще сдавливала его сердце. Припоминался зять, сгинувшие на фронте ровесники. «Я тоже должен был быть там, среди них...» — в отчаянии шептал Сан Саныч, проклиная своенравно распорядившуюся судьбу. И предательство родного отца не давало покоя. Хотелось как-то искупить всё, ощутить в душе хоть капельку выстрадавшего и облегчающего прощения...

Староверов брёл и брёл наугад в скорых непроглядных сумерках. Ломая в лужах тонкий ледок, промочив ботинки, он не заметил, как миновал окраину Городка и очутился на полевой дороге, ведущей к лесу.

Где-то далеко впереди смутно угадывались очертания Лисьих гор.

На обрывистом краю крайнего холма вдруг вспыхнули яркие огни фонарей, осветивших ослепительно белые стены храма с чёрными провалами окон. «Вот бы мама порадовалась!» — пожалел Староверов. Он хорошо помнил, как тихо и безутешно плакала мать, когда с церковью в Городке сбрасывали колокола. На центральной площади взрывом развалили летний собор; зимний, посрывав кресты, обустроили в вертеп, нацепив вывеску «клуб», красующуюся и поныне. Церковь же на Лисьих горках белела нетронутой невестой в свадебной фате. До неё тоже было дотянулись поганые загребушие руки. Однако, дальше сброшенных колоколов и разворованной утвари, дорогих окладов с икон лихоимство не двинулось. В подвалы опутанного по ограде колючей проволокой храма в начале войны завезли какие-то ценные архивы, так и пролежавшие до пятидесятых годов под неусыпным караулом стрелков с винтовками. Потом церковь вернули верующим, но мать Староверова не дождала до светлого дня...

Сан Санычу припомнились последние деньки жизни матери. Она уже не вставала, жалостливыми ввалившимися глазами смотрела на сына: «Как ты, Санко, без меня-то жить будешь? Один, ровно перст... Коли тяжко когда — молись! Господь не оставит»...

Староверову всю жизнь приходилось притворяться отъявленным атеистом. Учительствуя, в сторону храма, пусть и порушенного, Сан Саныс не смел взглянуть даже и будучи один. Лекции насчёт «опиума для народа», когда приказывали, исправно читал учащимся. Дома мать истово молилась за безбожника-сына, искренне веря, что мерзость на Бога он возводит по принуждению, а не по сердцу. А сын боялся, он хотел быть, как все, хотел выжить...

Сан Саныч тяжело вздохнул и неумело, неловко перекрестился: «Надо в храм сходить...» Он прикрыл глаза и ощутил вдруг себя пареньком среди готовящихся к исповеди. Рядом стояла мама, сжимая ему запястье тёплой ласковой рукой. Отец был необычно серьёзен, строго и заботливо оглядывал сына. Батюшка, улыбаясь в бороду, поманил мальчонку к аналою с возложенными на нём Евангелием и большим блестящим крестом. Мать легонько подтолкнула смутившегося сынка. А на клиросе пели печально и красиво...

Староверов, сглотив горький ком, застрявший в горле, хотел прошептать молитву, но память подвела, и, как нарочно, ни словечка на ум не пришло. И всё-таки он почувствовал, глядя на белеющий впереди храм, тепло в себе — робкое и трепетное на студёном ветру, но живое.

Возвращаясь, к дому он подходил насторожённый, но зря — выставшая горница была пуста, Манька исчезла. Да и он сам мало-помалу оправился от недавнего смятения и по привычке бормотал вслух, будто невидимому собеседнику: «Вероятно, она женщина лёгкого поведения. За хлеб и ночлег благодарить таким дурным образом! А вдруг по-иному она просто не умеет, не может? И ей всё одно, кто перед нею? Бедная женщина!.. Может, чем-нибудь ей помочь?»

Но тут же мелькнула трусливо мыслишка: «А если она больше не придёт?».

Манька никуда не делась, поднялась глухой ночью, заломилась в калитку, да и ещё в сопровождении двух зверски пьяных мужиков.

Староверов не решился высунуть нос, вслушиваясь в грозные выкрики, но когда в окно брякнули камушком, пришлось показаться.

— Дядя, водки дай! — загалдели наперебой мужики.

— Сан Саныч! Водки, водки! — прыгала впереди мужиков растрёпанная Манька, рассыпая с зажатой в пальцах сигареты светлячки искр.

— У меня в доме спиртных напитков не имеется! — осветив компанию фонариком и лязгая зубами от холода и неприятного ощущения в низу живота, как можно твёрже выговорил Сан Саныч.

На удивление подействовало сразу, канючить перестали.

— Обманула, падла! — мужик постарше влепил в сердцах Маньке оплеуху и, пошатываясь, побрёл прочь.

— Маня, Манечка! Дорогуша, тебе больно? — другой мужичок, облапив Маньку, поволок её к кусту под забором.

Манька визжала, вырывалась, материлась и, поваленная наземь, завопила истошно:

— Помогите!

Сан Саныч, словно зверь в клетке, заметался взад-вперёд по сеннику. «Не выйду! Ей, бабе, что? Где легла, говорят, там и родина! Но, Господи, что она так кричит-то?!»

Староверов распахнул дверь и выскочил на крыльцо. Бежать ли к копошившимся под кустом телам или же во всё горло звать на помощь, он сообразить не успел.

Насильник заорал благим матом и скорченной тенью тотчас убрался восвояси.

— Маня, ты жива? — держась за засов калитки, осторожно осведомился Сан Саныч.

— Жива, жива! — Манька загнула таким матюгом, что у Староверова уши огнём обожгло, и, отряхиваясь, подошла к калитке. — Открывай! Соврал, поди, что нет у тебя выпивона?

Сан Саныч открывать не торопился.

— Кто эти мужчины, что были с тобой?

— А хрен их знает! Пристали: найди выпить! Отворяй, чего чешешься, замёрзла я вся! Из комнаты меня наемни выселили, ночевать негде!

— Прощай! У меня здесь не богадельня и не постоялый двор! Я прошу тебя, Маня, больше не приходи!

Он содрогнулся от потока мерзкой брани, ударившего в спину. Манька бесновалась не на шутку, швыряла комками земли по крыльцу, по окнам, билась плечом о калитку, пинала её, не щадя ног. Выдохнувшись, принялась стучать мерно и настойчиво.

— Вот что, Маня! — не удержался, выглянул Сан Саныч. — Прекращай! Я тебе русским языком сказал.

— Сан Саныч, сигареточки у тебя не будет? — теперь просительно-жалобно заныла она.

Сигаретки Маньке хватило ненадолго. Она попросила ещё чаю, и Староверов, опорожнив в банку заварочный чайник, вынес её и опять-таки через забор вручил Маньке.

— Пей, угощайся, Мария, и с последним глотком — всё!

Сан Саныч слушал смакующие причмокивания Маньки и понимал, что он уже просто издевается над человеком. Стало гадко, противно, и со стороны он себя как бы увидел: скрюченным у забора, прижавшим ухо к щели, для пущего слуха раскрывшим рот.

Манька учуяла слабину и, саданув банку о камень, взвыла:

— Сволочи все кругом! Подыхай посреди улицы и никому дела нет!.. Прижилась было у одного раздолбая, а он свихнулся с перепоею, морду мне набил и среди ночи из фатеры выставил. Забралась ночевать в какой-то курятник пустой, так хозяин утром чуть на вилы не насадил. А вчерась с мужиками день пили на чьей-то хате, а потом старбень-хозяйка пришла и всех — долой! Допивали в сквере, мужики меня бросили, на лавке, напротив памятника Ленину дрыхнуть оставили. Тут ночь и стала коротать, хмель-то быстро вышел. Ну, думаю, от холода сдохну. С лавки подняться не могу, примёрзла. Молиться уж начала — пусть менты придут и заберут меня в свою кутузку! Всё ж ночь в худом, да тепле! Не пришли!.. Сан Саныч, ежели есть Бог, пусти погреться, не дай замёрзнуть!

Манька повалилась на колени и, всхлипывая, прижалась лицом к покрывшейся колкими иголочками инеем и оттого звенящей жестью траве под забором.

Сан Саныч открыл калитку, помог подняться Маньке, морщась от перегара.

— Только на одну минуту! — назидательным деревянным голосом произнёс он, хотя знал, что Маньку уже никуда не выгонит.

Пусть осуждают его доброхоты, злословят, двусмысленно похихикивая, или с недоумением пожимают плечами, крутят пальцем у виска. А Манька отопьётся крепким пуншем, уснёт мертвецки, Днём она уйдёт куда-нибудь и жди опять — в каком состоянии и с кем припрётся, если добредёт вообще?..

«О, Господи, за что такая мука-то?!»

Манька, прямо с порога, как кошка с мороза, проворно юркнула на горячую печную лежанку, затаилась и вскоре захрапела.

Староверов остался наедине со своими мыслями.

«Это всё мне кара, от Бога кара! — твердил он, вздыхая. — За то, что от родного отца отрёкся, на войну трусил идти. Вот всю жизнь протрясся, как овечий хвост, пёкся лишь о куске хлеба да бился за копейку».

Сан Саныч прислушался к Манькиному храпу с печки.

«Несчастливые люди! И чем я лучше их? Но, может, согревая их, делясь с ними пищей и кровом, я искуплю прошлые грехи перед Богом, совестью?»

Староверов прошёл из кухни в горницу, нашёл глазами бумажную иконку Спасителя, оставленную сестрой и сиротливо притулившуюся в углу, в полумраке попытался взглянуть в лик.

«И нынешняя моя жизнь не продолжение Божией кары, а искупительный крест. Надо нести его и не роптать... Почему прошлое мне кажется таким безрадостным, ненастным, серым, бесконечно долгим осенним днём? Потому что жил без веры!..»

Охваченный радостным трепетом, Сан Саныч сотворил крестное знамение...

Вологодские берега

Юрий Максин

Юрий Михайлович Максин родился в Череповецком районе Вологодской области в 1954 году. Окончил Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина. Работал педагогом, журналистом. Живёт в городе Устюжна Вологодской области. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Автор семи поэтических книг. Наиболее известные из них: «Который час сегодня на Земле?» (Вологда, 2004), «Навеки твой...» (Москва, издательство журнала «Юность», 2006), «Плавучий берег» (Вологда, 2013). Публиковался в журналах: «Москва», «Наши современник», «Роман-газета XXI век», «Встреча» (Культурно-просветительная работа), «Юность», «Воин России», «Невский альманах», «Север», «Русская провинция», «Вологодский лад»; в альманахе «Академия поэзии», в газете «Литературная Россия». Лауреат областного поэтического конкурса имени Николая Рубцова, победитель российского литературного конкурса имени Вячеслава Кузнецова, лауреат премии имени Владимира Соколова журнала «Юность», победитель международного поэтического конкурса «Золотое перо-2007».

БЕГУНЯ

Девушка, как солнышко, бежала.
Круг, ещё один, другой...
Ей чего-то тоже не хватало
в этой жизни сложной и простой.

Спутника, который вечно рядом?
Тренера, который знает как?
Я бегунью провожаю взглядом –
по утрам гуляющий чудак.

Девушка бежит по стадиону,
обгоняя ранний солнца луч.
Он ещё скользит по сонным кронам,
но уже прорвался из-за туч.

Сердце у меня, как мячик, скачет,
что-то настигает по пятам...
Я желаю девушке — удачи,
в жёлтой майке бегать по утрам.

* * *

Я оплатил свободу до утра
в гостиничной убогой одиночке.
Иссякла кровь уставшего пера.
Так я дошёл до тихой синей точки.

Рассвет забрезжил. Спали фонари.
Они всю ночь отчаянно светили.
Их с вечера зачем-то напрягли
и только утром разом погасили.

А я смотрел на точку, что росла
и превращалась в синее пространство.
Исчезла грань листа, потом стола.
Так я сменил и время, и гражданство.

Я стал ничей, нигде и никогда.
Какой-то звук пытался достучаться.
Я оплатил свободу навсегда,
и не хотелось в рабство
возвращаться.

* * *

Человек, идущий по бульвару
сквозь листву, летящую с ветвей, –
он не молодой, но и не старый,
часть пейзажа осени своей.

Он идёт, а листья облетают,
новый путь позолотить спеша.
Где его душа сейчас витает,
золотую памятью шурша?

Улетела, может быть, к дороге,
насулившей счастье невпопад.
Или, призадумавшись о Боге,
он идёт
сквозь звонкий листопад...

Осень людям скрашивает время,
помогает мудрость обрести:
хорошо бывает только с теми,
с кем по жизни выпало идти.

БАБОЧКА

Влетела бабочка. Она
была, как прежде, невесома.
Порхала в закоулках дома
и возвращалась в створ окна.

Стекло — прозрачная преграда.
С той стороны свободы свет —
ветвями машущего сада
благоухающий привет.

Зовёт к себе. И бьются крылья,
с них осыпается пыльца.
Там — след любви, здесь — след всесилья
закрывшего окно глупца.

То вверх, то вниз она скользила.
И снова — вверх, набравшись сил.
Вот так и ты, когда любила.
Вот так и я, когда любил...

НАЕДИНЕ

Наедине
с притихшею водою,
наедине
с небесной синевою,
наедине
с опавшею листвою
и с мыслями, что стали глубоки,
становишься подобием реки,

где
по небу летящий самолёт
в зеркальном измерении живёт.
Душа всё отражает, как река,
и оттого бездонно глубока.

Не нарушай бездонность
тихих вод.
Подует ветер — всё само пройдёт...

* * *

Он вышел из дома,
повесив гитару на гвоздь.
Скучала гитара,
надеясь,
когда он придёт,
что будет с ним рядом
желанный, нечаянный гость,
который с хозяином вместе
любимую песню
споёт.

Не надо, гитара!
Сюда
не вернётся никто!
Ни гость, ни хозяин, ни даже
пригревшийся кот...
Маэстро навеки покинул
земное гнездо.
А тот, кто остался, —
он нем,
он во сне лишь
поёт.

Он только во сне —
царь и бог музыкальных дорог.
И только во сне
инструменты подвластны ему.
Он утром, проснувшись,
спешит отрабатывать срок,
ночную свободу,
сменив,
на дневную
тюрьму.

* * *

В стенах родительского дома,
в их тишине
душа к былым годам влекома,
к былой стране.

И к праздникам былым и датам
рождений,
к тем,
кто сделал первый шаг когда-то
на радость всем.

За первым шагом было много
путей-дорог...
Но привела опять дорога
сюда, где Бог.

Где он затеплил в поколеньях
любви огонь,
соединив, как цепи звенья,
ладонь в ладонь.

ТРОПА

Огнями светится тюрьма.
У ней своя история.
А на дворе стоит зима,
трещит мороз, тем более.

Я вдоль по улице пройду.
И поздно ли, и рано ли —
ни огонька здесь не найду,
все спят, как в землю канули.

Куда в снегах ведёт сама
тропа давно не узкая?..
Огнями светится тюрьма,
и там играет музыка...

КОЛОКОЛЬЧИК

Только прежний твой голос и слышу —
колокольчик отставшей судьбы.
А вокруг — одинокие крыши
в позолоте опавшей листвы.

А вокруг — одинокие люди
ходят, в небо глаза опустив.
Здесь тоска сердце бедное студит.
как приют для душевнобольных.

Не излечит уже и природа.
Все закаты — кроваво красны.
Растворились бесценные годы
в перекройках души и страны...

Нет, не стану я биться-ругаться,
всех за что-то вина и кляня.
Лучше в памяти чьей-то остаться —
колокольчиком чутким звеня...

* * *

Придёт декабрь.
И станем вспоминать
про ягоды — смородину,
малину.
Придёт декабрь.
И станем доставать
свои
настоянные
ягодные вина.

Откроем штоф,
которому лет сто,
а может двести —
предки сохранили.
И мы в него
домашнее вино

по их примеру
в августе
разлили.

Звенит бокал,
у нас в доме тепло.
На звон вина
друзей слетятся тени.
Им всё равно,
что тропы замело.
И ты с бокалом
сядешь
на колени...

* * *

Сердце знает:
можно сразить
взглядом...
Если стоишь на краю,
можно сорваться вниз —
от тех, кто рядом.
Можно
подняться вверх
по лестнице
чужой мечты,
не вызывая смех,
но это будешь
не ты.

Шею себе
не свернув,
ты можешь
остаться там,
но помни: своя судьба,
крепко бьёт
по мозгам.
И сколько бы ни вопил
ты
на вершине мира,
Ты не туда ступил,
сердцу то
ведомо было.

Может наскучить грех,
может подгнуть
карниз.
Помни: желанный верх
легко возвращает
вниз...

* * *

Мне снился внук, которого не видел.
О, этот свет родимого лица!
Внук никого на свете не обидел,
ни бабушку, ни маму, ни отца...

Мы шли во сне, а может быть, парили,
распутав притяжение земли.
И мы его словами говорили,
по-своему всё в мире нарекли.

Он радовался каждому цветочку,
глядел на мир открытою душой.
И нашептал неведомую строчку
на чудном языке страны иной.

Он видел мир влюблёнными глазами —
в них отражались небо и река,
шли корабли под всеми парусами,
и проплывали тихо облака.

Текло тепло душевного прозренья,
его ладошка грела мне ладонь,
мы шли во сне одной большою тенью,
на дальний, на мерцающий огонь.

Одна мечта костром к себе манила,
одна судьба издалека звала,
одна влекла неведомая сила,
соединяя вместе два крыла...

Я этот сон запомнил, как молитву.
Всего лишь сон — не по моей вине.
И, уходя из сна, прощаясь, крикнул:
«Потомок милый, помни обо мне!»

* * *

Не кочевник-скиталец,
а стал одиночкой.
Нет, я не был таким
на родимой земле.
Был когда-то зелёным
побегом-листочком
с ощущеньем корней,
в крепком теле — стволе.

Было древо родов,
словно дуб величавый,

и ветвилось оно
под приглядом Творца.
До небес бы тянулось
своими ветвями,
но величье земное
не чует конца.

Корни крону подняли —
за землю родную!
Но с чужими ветрами
шепталась она.
Искривляется ствол,
если дует и дует,
и далёко по ветру
летят семена.

И несёт, и срывает их,
времени лапа.
Вот опять оторвался
до срока листок.
Если ветер с востока, —
несёт их на запад.
Если с запада дует, —
летят на восток...

ПУТНИК

Всё иду,
потому что живу
по старинке.
Мне отрадней
с годами
красу замечать —
видеть утром,
как солнцем
сияют росинки,
и, умывшись росой,
сказать:
«Благодать!»

Благодать-то какая!
Помолимся Богу.
Всё предвидел Творец,
и не надо скулить.
Хочешь счастье найти —
собирайся в дорогу.
И не стоит об этом
ни с кем
говорить...

Молодые берега

Евгений Журавли

Евгений Журавли родился в 1979 году в городе Ярцево Смоленской области, закончил БФУ им. Канта, живёт и работает в Калининграде, увлекается историей, экспериментальной поэзией и частной публицистикой. Ведёт страницу на сайте «Стихи.ру» и блог в LJ. С целью изучения на месте актуальных исторических событий поехал по странам бывшего СССР, Балкан, Ближнего Востока и Центральной Азии, в том числе побывал в Афганистане, Иране, а также в Донбассе.

ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ ДОЖДЬ

Там, где кончается дождь
больше нет ни солнца, ни тьмы, просто свет
там, где кончается дождь
звучит не мажор, не минор, а неярный септ

Там где кончится всё
наш с тобой силуэт на последней странице
исчезает вдаль
и птицы и птицы и птицы и птицы

НЕ-ЛОС-АНЖЕЛЕС

его называют городом ангелов,
но он далёк от солнечной Калифорнии
в нём много уюта и кто-то выбрал его
чтоб жить поспокойнее
здесь по-голливудски тепло и, представьте,
однажды был так же част блеск телекамер
тогда это город замер
это Беслан, и мне хорошо быть здесь
такой вот город,
такой вот личный Лос-Анжелес
его называют городом ангелов,
ведь это единственное место на свете
где в тени аллей
над головой шелестит не листва,
а крыльями — погибшие дети

СНЕЖИНКА

Вы видели когда-нибудь снежинку? В детстве?!
Сейчас уж будет слишком поздно
присмотреться —
какое это чудо —
как кристаллы
чему-то повинуюсь, ровными лучами встали
в какой-то древний, безупречный танец.
Я вижу с какой тщательностью
выбран тангенс.

Вода — математична в своей сути.

Но, живая,
бьётся.
Чтоб быть красивой,
чтоб похожей быть на Солнце.

Вот так! Напрасно говорят, что гениально —
это просто.

Я понял это, быв ещё маленького роста.
Я понял! До предела, до последней строчки...
Как совершенен мир

в своей
исходной
точке.

БУНТ

Что такое бунт, беспощадный и полный?
Когда в глади разума мечутся волны?
Когда образ Че — сладок как сахар..
«Противников гуманизма? — расстрелять всех,
нахер!»

И что значит «бунт»?
Секунда до выстрела?
Или предательство тех, кто не смог здесь
выстоять?
Или — гениальное «тс²» моего разума?
И проблеск того, что ещё не сказано?

Итак, успокойтесь — это единственно верное
решение
условие существования которого,
как ни жаль, —
саморазрушение
в отчаянии нас, поднявших глаза
умеющих «против»,
но не умеющих «за».

ПОХМЕЛЬНОЕ

И яркий свет. И чувства выбраны до дна.
 Всё стало так бессмысленно...
 лишь птицы оглушают перекличкой
 остановилось время, пищит радиоволна
 Во тьме сознания
 кто-то упрямо чиркал спичкой...

И вроде бы конец, и шансов нет,
 я вижу, как кузнечик балансирует
 над пропастью
 на стебельке упругом
 но жизнь идёт вперёд и люди строят города
 и ускоряют бег
 а ночью
 громко соглашаются друг с другом

в торжественной тиши создавший наш мир
 гений
 молчит и ждёт,
 оставив для себя один патрон.

В холодном мраморе истоптанной людьми
 ступени
 в далёком атоме
 тихо вращался электрон...

U=IR ЗАКОН ОМА

Ломкие контакты, горячие катушки,
 незащищённое соединение
 напряжение = сила, умноженная
 на сопротивление
 непреодолимый и всеобщий закон Ома
 забудь всё
 жду тебя дома

* * *

пожелтел яшень мой,
 зарделся
 взгляд коснулся листвы,
 согрелся.
 птицы, птицы
 тепла поищите
 покричите мне
 покричите.

ЗИМНЕЕ

Жизнь скоротечна. Спи сладко. А я буду рядом.
 Как пёс. Как царь Леонид в Фермопилах
 со своим отрядом
 ведь то, что сейчас между нами, не уловит даже
 самый большой коллайдер. Однако это немало.
 Что знают люди о вечности? —
 если совсем не стало
 безумцев, которые разрушат привычные
 представления о пространстве и времени,
 ведь именно мы сейчас и несём
 для человечества всю тяжесть этого бремени
 легко превращая секунды в вечности.
 Слышишь? Где-то над нами
 в тёмной ледяной бесконечности
 чёрная дыра поглощает сияющую звезду
 Спи сладко, хорошая. Я подожду.
 Немое колесо времени, сердца стук,
 «Глюк» —
 — ведь верно называют счастье немцы.
 Слушаю твою грудь. А я ведь и не знал,
 что у тебя есть сердце.

А что же есть счастье? Слушай, ведь может и у
 нас будут детишки?
 Вот мы открываем первую книжку...
 «...Чего тебе? Братика? ...будет, главное кушай..»
 Послушай, милая, хоть ты и спишь, но послушай:
 Завтра
 давай побежим босиком по новому снегу
 потом будем прыгать в постель друг на друга
 с разбегу
 или чертить на снегу наши мечты
 острыми льдинками,
 пить чай в тёплых пледах, бросаясь друг в друга
 чайниками
 короче, делать всё самое главное в жизни,
 и делать это вдвоём.
 ммммммммм!
 прижмись ко мне крепче..
 Все мы скоро умрём.

* * *

Далеко-далеко под увядшей сливой
 там где осень, задумавшись, медлит бег
 тропинка к сердцу моей любимой
 которую
 заметёт снег.

Безбрежный Русский мир

Елена Лебедева

Лебедева Елена Алексеевна родилась в 1949 году. Представитель Межрегионального Шаляпинского Центра. Публикуется около 20 лет, написала около 70 статей, в том числе для парижской русскоязычной газеты «Русская мысль», автор более чем 20 статей о русской эмиграции. Данный материал публикуется впервые.

Русские нити в Ганьи под Парижем

Массовое закрытие Русских домов во Франции, созданных для облегчения жизни старых русских эмигрантов и их потомков, началось в 70-80-е годы прошлого века. К этому времени эмигрировавшее после революции поколение, пережившее все тяготы жизни во время Гражданской войны в России и обустройства в новой стране, умерло, а многие из потомков в поисках работы разъехались в другие страны.

Одним из последних Русских домов, прекративших своё существование в то время, был дом престарелых в городке Ганьи, находящемся в двадцати пяти километрах к востоку от Парижа. Он связан с именем известной поэтессы Русского Зарубежья Ирины Одоевцевой (1895-1990), прожившей там 19 лет (с 1958-го по 1977 год) и уехавшей из Парижа в СССР, в Ленинград, в 1987 году, когда ей было 92 года. В 1989 году была осуществлена его передача муниципалитету городка Ганьи, после которой старое здание было снесено. На его территории построено для престарелых французов новое здание дома престарелых, удовлетворяющее всем современным требованиям. В современном корпусе сейчас существует (как память о русских, живших в доме) Русский уголок с витриной, где выставлены предметы русской старины (иконы, шкатулки, декоративные тарелочки, денежные купюры царского времени), принадлежавшие некогда русским пансионерам. Также имеется выставка с фотографиями прожившей много лет в Русском доме в Ганьи Надежды Нилус-Модзелевской (1892-2000), окончившей свою жизнь в Русском доме в Кормей-ан-Паризи под Парижем в возрасте 108 лет.

Она была символом России в русских пансионах и незадолго до своего столетнего юбилея дала интервью журналистам в местной газете. Её детство и годы учебы прошли в Харькове. Она окончила институт, в котором учились девушки из высшего общества, а затем театральную школу. Стала большой поклонницей таланта А.П. Чехова. В 1904 году в Москве ей посчастливилось присутствовать в Художественном театре на премьере «Вишневого сада», под влиянием очарования которой она оставалась всю жизнь. Познакомившись в 1912 году с блестящим адвокатом международного права Модзелевским, она вышла за него замуж и стала вести активную светскую жизнь в Санкт-Петербурге. Супруги интересовались французской драматургией. Надежда хотела стать театральным критиком, но из-за революционных событий всё сложилось по-другому. Пережив много трудностей, она уехала из России в 1921 году и соединилась со своим мужем в Италии. Затем супруги жили в Монте-Карло, а с 1928 года обосновались во Франции, в Париже, где Нилус-Модзелевская занималась общественной деятельностью в русских обществах и играла в любительских спектаклях.

Название пансиона для престарелых русских в Ганьи было «Вишнёвый сад» — в честь упомянутой выше чеховской пьесы. Он открылся в июле 1954 года при русском обществе «Быстрая помощь» в Париже и принадлежал Толстовскому фонду. В здании дома раньше была школа. Его первые обитатели — переведённые пансионеры из Русского инвалидного дома в Париже и двух пригородных Русских приютов. Их было тогда всего 68 человек. Первым его директором стал К. Кровопусков, который в то время был Председателем Одесского Землячества в Париже.

Среди обитателей Дома был выдающийся инженер-конструктор, эмигрировавший из Петербурга так же, как и Одоевцева, в 1920-х годах, Иван Иванович Махонин (1895—1973), который работал в области авиастроения и военной техники во Франции. С ним Ирину Одоевцеву связывали тёплые

дружеские отношения. В пансионе оказалась и целая поэтическая группа: Ю. Терапиано (1892—1980), Н. Евсеев (1891-1974), А. Шиманская (1903-1995). Творческие личности, свободные от бытовых проблем, получили возможность заниматься литературной деятельностью. Осуществилось множество публикаций в парижской газете «Русская мысль», были изданы воспоминания в журналах. Поэтесса часто была инициатором проведения интересных литературных вечеров, на которые приезжали гости из Парижа. Среди них был будущий французский профессор славист и известный коллекционер Рене Герра.

За годы жизни Одоевцевой в пансионе сменилось несколько директоров. Е. Новиков, который был директором Дома в 1958-1960 гг., встречал прибывшую поэтессу после смерти мужа поэта Г. Иванова. Помимо него, директорами были С. Фальц (в 1960—1969 гг.), М. Абациев (в 1969 году), В. Брадке (в 1969—1971 гг.), Н. Притвиц (в 1971—1975 гг.) и А. Липский, руководивший домом около 13 лет — с 1975-го по 1988 год.

В Париже мне удалось увидеться с последним из них — Андреем Владимировичем Липским. Он — полковник французской армии, который, находясь в отставке, получил предложение стать директором Русского дома от своего русского друга со школы в Париже — известного общественного деятеля Николая Вырубова. Выбор оказался успешным, и в результате А. Липский занимал должность директора самый большой срок.

Меня встретил в своей квартире неподалёку от улицы Вожирар пожилой человек высокого роста с военной выправкой, которому никак нельзя было дать его 94-х лет. Он прекрасно говорил по-русски и был рад гостье, которая приехала из Москвы. При знакомстве он сказал, что у него два имени — Андрей и Арсений. В детстве он был Арсением или, как его называли в семье, Арсиком, а позже, с годами, он просил, чтобы употребляли имя Андрей, так как оно ему больше нравится. Его родители были русскими эмигрантами первой волны, уехавшими во Францию после эвакуации из Крыма. Его жена, француженка Жаклин, не знает русского языка, и она не хотела, чтобы их двое детей — сын Ксавье и дочь Изабель — интересовались русской культурой. В результате дети получили хорошее образование, стали адвокатами, но по-русски они совсем не разговаривают. Сейчас им обоим уже под шестьдесят. Несколько лет назад у жены был инсульт. Она поправилась, но у неё полностью отсутствует речь при объяснении с людьми. Андрей Владимирович ведёт в семье хозяйство, а обеды каждый день им приносят на дом из мэрии. Он категорически против того, чтобы устроить больную жену для ухода за ней в дом престарелых. «Я не друг на час», — сказал он.

Андрей Владимирович оказался автором двух книг на французском языке. Первая — «Воспоминания добровольца» — рассказывает о нескольких годах его службы во французской армии до II Мировой войны. Вторая — «Страсть служения» — повествует о годах службы во французской армии во время II Мировой войны в Тунисе и Алжире, высадке войск из Африки на берега Прованса, где при освобождении Франции в 1944 году (при взятии Тулона) он был тяжело ранен. После ранения он провел два года в военных госпиталях на лечении — в Алжирском госпитале в Блиде, а затем в Париже и Лионе. Одержимый настоящей страстью к военной профессии Андрей Липский хотел восстановить свой организм полностью. В итоге его признали годным к строевой службе благодаря неустанной работе по достижению прежнего физического совершенства. Послевоенная служба началась в Оранже — вблизи Авиньона, на юге Франции. Потом его перевели в Министерство обороны Франции в Париже, где он работал переводчиком с русского языка. Затем пришлось служить в Индокитае. За заслуги в годы службы в 1975 году он был награжден орденом Почётного легиона.

Вторая книга ценна и интересными воспоминаниями, связанными с жизнью автора в детстве в Симбирске, в послереволюционной России. Она рассказывает о русских и польских корнях автора и о его необычайном перемещении из Советской России в Париж. Отрывок из этой книги «Из Симбирска в Париж» публикуется вместе со статьёй на страницах журнала.

Андрей Липский происходит из рода Потёмкиных. Прабабушка Андрея Владимировича по материнской линии — Ольга Горсткина (1845—1917) была урождённая Потёмкина и приходилась внучатой племянницей Григорию Потёмкину (1739—1791) — знаменитому фавориту Екатерины II. Григорий Потёмкин и дед Ольги Горстковой были родными братьями.

До десяти лет Андрея воспитывала бабушка Надежда Королькова в Симбирске (Ульяновске), где жила её семья. До революции 1917 года это была семья богатых землевладельцев. Дочь Надежды Корольковой познакомилась с офицером расквартированного в Симбирске полка Влади-

миром Липским (1890—1943) и вышла за него замуж. Владимир Липский был из семьи генерала Липского, которая жила в Варшаве. Окончив военную школу, он стал офицером и получил назначение в Симбирск. Полк, в котором он находился, был отправлен на фронт в 1914 году, когда началась I Мировая война. Владимир Липский был дважды ранен и в чине капитана стал штабным офицером.

После революции 1917 года вначале он был на стороне большевиков, участвовал в переговорах на стороне Советской России в марте 1918 года в Брест-Литовске при подписании мира с Германией. Вместе с семьёй Владимир Липский собрался уезжать из Симбирска в Берлин, где он должен был работать помощником военного атташе Советской России. К этому времени в семье Липских было двое сыновей — Владимир и Андрей. Бабушка мальчиков Надежда Королькова побоялась отдать родителям младшего внука Андрея, которому не было ещё и двух лет, в дальнюю дорогу во время Гражданской войны. Поэтому Андрей остался с ней, а родители уехали в Берлин только с Владимиром. Однако из Берлина Владимир Липский решил не уезжать обратно в Россию, несмотря на указания народного комиссара В. Бонч-Бруевича, который вызывал его в Москву. Он присоединился к семье через французскую миссию к войскам генерала Врангеля на юге России. Вначале семья Липских, уехав из Крыма, оказалась на турецком полуострове Галлиполи, затем в Риме. Оттуда ей удалось переехать в Париж и устроиться там с помощью родственника, банкира, ещё до революции покинувшего Симбирск со своей семьёй и жившего в Париже. Уехав из России задолго до революции, банкир смог перевезти во Францию большую часть своих капиталов и считал своим долгом помочь родственникам в трудное время.

С 1924 года, после семи лет молчания, началась переписка через Международный Красный Крест в Швейцарии между бабушкой в Симбирске и матерью Андрея Надеждой Липской, жившей уже к тому времени в Париже. Андрей находился в Симбирске в большой семье, и все помогали его воспитывать. У бабушки жили две её дочери: старшая Ольга, которая не была замужем, и младшая Ксения с мужем Борисом Ахматовым и двумя дочерьми. В семье жил и бабушкин сын Павел, а также её сводный брат по матери, отставной офицер Евгений Рот, которого все дети называли дядя Жужа. Тётя Ольга водила мальчика в церковь, в которой она пела в церковном хоре и знакомила с божественными книгами. Бабушка привила любовь внуку к поэзии. При помощи дяди Жужи Андрей сделал большие успехи в чтении и получил большой запас культуры. Андрей хорошо учился в школе и увлекался рисованием.

Все в семье были рады письму из Парижа. В судьбе мальчика начал подготавливаться крутой поворот. Родители хотели, чтобы Андрей переехал к ним в Париж, и стали искать способ его переезда.

Три года спустя через Международный Красный Крест, после уплаты родителями большой денежной суммы Андрея переправили в Париж. Это стало возможным благодаря денежной помощи того же самого родственника банкира — Александра Шамбэ, жена которого Софи Ахматова была старшей сестрой Бориса Ахматова, жившего в бабушкиной семье в Симбирске.

Из Симбирска до Москвы мальчик ехал на поезде вместе с бабушкой, а в Москве его передали представительнице Красного Креста, которая должна была переправить из СССР шесть детей к своим родителям за границу. Когда приехали в Берлин, сопровождающая повезла всех детей, кроме Андрея, в Югославию и Болгарию. Получив инструкции по поведению в поезде, десятилетний ребёнок ехал дальше в Париж без сопровождающего один, с табличкой на груди, где были указаны его имя, фамилия и парижский адрес родителей. На вокзале в Париже они его встретили.

Очень трогательно описывается расставание бабушки с внуком в Москве и встреча сына с родителями на вокзале в Париже. При этом проявился и характер отца Андрея. Несмотря на радость встречи с сыном, переправленным из России с большими сложностями, он был очень недоволен его одеждой, купленной в России. Он начал сразу на вокзале проявлять педантизм в отношении внешнего вида мальчика, так как он не соответствовал парижским нормам. Представлена и картина эмигрантского быта семьи в Париже, а также рассказывается об обучении Андрея в парижском колледже. Отец часто был слишком суров к своему младшему сыну Андрею, и, несмотря на все старания сына, он был недоволен им. При этом отец был очень требователен, хотел быстрой интеграции сына во французскую среду, что было довольно сложно для него из-за языкового барьера.

Некоторые родственники, оставшиеся в Симбирске, в 1930-е годы были репрессированы. Борис Ахматов и бабушкин сын Павел смогли избежать репрессий благодаря предупреждению о доносах и срочному отъезду из Симбирска под Москву.

В книге показана и судьба друга отца Андрея Липского — капитана Пятницкого, который служил вместе с ним в одном полку в Симбирске, был его помощником в Берлине и с армией Врангеля оказался на Галлиполи. В отличие от своего друга Владимира Липского, который хотел с семьёй остаться в Европе, используя родственные связи, он решил со своей семьёй как можно дальше уехать из Европы, опасаясь распространения в ней коммунистических взглядов, и эмигрировал в Бразилию. Он получил бразильское гражданство и поменял свою фамилию. Пятницкий взял фамилию Гомес, тем самым стараясь уйти от своего русского прошлого и внедриться в окружающую латиноамериканскую среду. Он любил в жизни рисковать и часто совершал отчаянные поступки. Любил приключения. Его друг Владимир Липский иногда смягчал его пыл. В Бразилии Гомес стал коневодом и сделал состояние.

Автор рассказал и о своём брате Владимире Липском (1914—1988), которого родители вывезли из России сами. Он был на два года старше и всегда очень успешно учился. Мальчики учились в одной школе. Владимир получил филологическое образование и свободно разговаривал на нескольких языках. Во время II Мировой войны Владимир попал в концлагерь, и только лишь благодаря начавшейся высадке союзников и задержке исполнения приказа Гитлера о затоплении баржи с узниками чудом остался жив. После войны он работал в ЮНЕСКО, а затем стал заместителем директора Международного валютного фонда в Вашингтоне. В 1977 году он ушёл на пенсию и возвратился из США в Париж.

Много лет спустя, в 1990-е годы, Андрей Владимирович приезжал в Россию. Он виделся со своими родственниками, которые все переехали к тому времени в Москву, и посетил город своего детства Симбирск, переименованный в Ульяновск. Своими впечатлениями от осмотра современного города, в котором были снесены практически все церкви, он также поделился с читателями.

Расставаясь со мной, он подарил мне две свои книги и посоветовал съездить в Ганьи. А я обещала ему написать статью о Русском доме, где он осуществлял успешное руководство.

На следующий день вместе со старостой русской церкви Серафима Саровского, стоящей на границе между Ганьи и городком Шелль, Александром Сергеевичем Никольским, живущим в Шелле, мне удалось побывать в доме престарелых в Ганьи и посетить два кладбища (Центральное и Восточное), где есть русские могилы.

Территория современного пансионата для престарелых хорошо озеленена. Много цветов. В вестибюле современного дома несколько клеток с птицами, которые поют и щебечут. Сейчас в саду на месте, где стояло здание Русского дома, стоит беседка, украшенная цветами.

На Центральном кладбище в Ганьи установлен монумент в память о пансионерах Русского дома, где перечислены их фамилии по годам ухода из жизни. Они были захоронены на этом или Восточном кладбище, а их останки перенесены в коллективную могилу после истечения срока захоронения. Монумент поставили после передачи здания и территории Русского дома городу Ганьи последним директором Русского дома Никоновым в 1989 году. Здесь же, вблизи монумента, находится и участок с русскими могилами, многие из которых уже просрочены, и на них установлены таблички с просьбой аннулировать или продлить концессию. Имеются и отдельные русские могилы в более старой части кладбища.

На Восточном кладбище в Ганьи есть участок с русскими захоронениями. Но могилы на нём более поздние, чем на Центральном кладбище. Это захоронения, начиная с 1970-х годов. Сейчас большинство из них ещё ухожены, но, к сожалению, со временем многие из них, вероятно, аннулируются, и русский уголок изменит свой вид. Но для потомков, благодаря установленному монументу и собранным воспоминаниям, останется память о русском очаге, где оказавшихся во Франции русских объединяла русская культура, язык и интересы к событиям в покинутой когда-то родной стране.

Переводы

Андрей Липский

Вступительные комментарии Е.А. Лебедевой

Книга Андрея Липского «Страсть служения» никогда не издавалась на русском языке. К сожалению, сейчас автор воспоминаний Андрей Липский, с которым я виделась в Париже, уже умер. Встреча с ним мне была послана Богом. Это было случайное знакомство по телефону в Париже во время моей туристической поездки. Я откликнулась на его приглашение прийти к нему в гости. Пробыла у него два часа и получила подарок: две его книги на французском языке.

Страсть служения

(Отрывок)

Перевод с французского С.М. Дружбинской и Е.А. Лебедевой

Письмо матери из Парижа

В 1924 году бабушка в Симбирске получила письмо из Парижа от матери через Международный Красный Крест, находящийся в Швейцарии. Установилась связь между бабушкой и мамой, жившей к тому времени в Париже. Таким образом, через семь лет после отъезда моих родителей со старшим братом из Симбирска в Берлин началась переписка. Письмо из Парижа от матери было встречено с большой радостью. Моя бабушка приняла это известие как знак Божественного вмешательства.

Через посредство Красного Креста моим родителям удалось добиться согласия советского правительства на мой отъезд из СССР, и представилась возможность соединения всей семьи во Франции при выплате крупной суммы за осуществление моего переезда и при условии моего выкупа.

Мой отец работал тогда служащим в Париже, в крупном магазине «Самаритен», основанном в 1870 году и руководимым знаменитым филантропом Эрнестом Коньяком. Отец попросил кредит — сумму, требуемую Советскими властями на оплату моей дороги во Францию. Этот кредит ему был предоставлен. Хозяин был внимателен к нуждам своих служащих и поддерживал их в случае необходимости.

Было получено письмо от моей матери о возможности моего отправления во Францию в ближайшее время.

Бабушка решила тотчас же меня приодеть, чтобы я имел приличный вид при прибытии в Париж. Она мне купила костюм, высокие туфли со шнурками, фуражку. Мне также брили голову, и затем меня сфотографировали. Фотография была послана моей матери, чтобы она смогла меня узнать при моём прибытии в Париж.

Когда моя мать получила письмо моей бабушки с моей фотографией, она показала её моему брату Владимиру, который удивился и воскликнул: «Похож на меня, но имеет несчастный вид, так как у него нет волос на голове!»

Во Франции не брили голову мальчикам, но в России в то время удаляли волосы для защиты от вшей.

Как у всех детей в СССР той эпохи, у меня были вши. Поэтому не нашли ничего более эффективного кроме того, как попросту обрить мне голову.

Переезд в Париж

Наконец, день моего отправления наступил. Это было в конце сентября, и мне тогда ещё не было одиннадцати лет. Все члены семьи были на вокзале. Все были счастливы, что действия моих родителей, чтобы меня отправить во Францию, окончились благоприятным исходом. Мне сделали цен-

ные подарочки в память о моём детстве, проведённом в России. Обещали поддерживать семейные отношения, несмотря на дальнюю разлуку, и затем обнялись в последний раз.

На вокзале в Симбирске я в последний раз перед отъездом из России увиделся с моей кузиной Натали и её матерью, тётей Ксенией. При моём отъезде из России Натали не было ещё и одного года. А когда я увиделся с ней много лет спустя в Москве, она была уже бабушкой. Меня тогда пригласили в Москву на семейный обед, и тётя Ксения должна была на нём присутствовать. Но когда я пришёл в гости, она лежала в постели в бессознательном состоянии. Обед проходил без неё. Затем я пожелал её обнять, прежде чем уехать. Когда к ней подошли, то выяснилось, что она умерла, пока мы сидели за столом. Ей было около ста лет.

Мы совершили поездку с моей бабушкой поездом «Симбирск-Москва». Это был очень длинный путь. Поезд делал продолжительные остановки на всех вокзалах и прибыл в Москву с более чем двухчасовым опозданием.

К счастью, это было во второй половине дня. Мы смогли сразу же отправиться в гости к нашим кузенам, которые нас ожидали.

Несколько дней спустя, мы с бабушкой приехали на вокзал, чтобы передать меня даме из Красного Креста, которая была обязана меня сопровождать далее. Я не был одним ребёнком, уезжающим из СССР. Нас было пять или шесть детей, которые должны были покинуть СССР, чтобы присоединиться к своим родителям в различных странах Европы. Но я был единственным ребёнком, который ехал во Францию.

Во время всего пути моя бабушка была спокойна и счастлива, что выполнила свою миссию полностью. Затем, во время нашего расставания, она разволновалась, понимая что теряет меня навсегда. Внезапно, смотря на меня, она начала плакать. Она осыпала меня поцелуями, предчувствуя предстоящую разлуку с внуком навсегда. Я был и сам в этот момент очень взволнован. Среди рыданий бабушка шептала: «Ты скоро соединишься со своими родителями и забудешь меня». И ещё она говорила: «Храни тебя Бог. Прощай, мой Арсик, мы больше не увидимся...» Я говорил ей о моей любви, моей абсолютной верности, но она оставалась безутешной. Дама из Красного Креста пришла нас разлучать, так как поезд должен был скоро отправиться. Я поднялся в вагон. Моя бабушка закричала мне: «Прощай, Арсик». Поезд тронулся. Бабушка вытащила носовой платок из своей сумки и начала махать им в знак прощания. Я долго смотрел в окно, пока её совсем не стало видно.

Я был глубоко расстроен. Во время всего переезда в Москву из-за спокойствия моей бабушки я не думал о разлуке с ней и разрыве, который меня ожидал, со всеми родственными и дружескими связями, с моей жизнью в России. Внезапно я ощутил реальность изменившегося положения, и я испугался. Все мои мысли сосредоточились на прошлом в бабушкиной семье и разлуке с ней. Дама из Красного Креста, видя моё волнение, усадила меня рядом с собой и начала меня успокаивать с большой деликатностью. Мы прибыли в Ригу. Следующим днём мы уехали в Берлин, где провели ночь. На следующее утро я был отделён от группы и приведён на вокзал, чтобы сесть в поезд, который ехал в Париж. Другие дети должны были присоединиться к своим родителям в Югославии и в Болгарии. Из Берлина я должен был ехать в Париж — только один, без сопровождающего.

Мне повесили на шею небольшую табличку на бечёвке. На ней было написано моё имя и адрес моих родителей в Париже. Мне было велено не выходить из вагона, не покидать поезда ни на одном вокзале, где будут остановки во время поездки. Прибыв в Париж, я должен был благоразумно ожидать в своём купе прихода моих родителей, предупреждённых Красным Крестом, ответственным за мой переезд, о дне и часе прибытия поезда на Северный вокзал.

Встреча с родителями на Северном вокзале в Париже.

Собрание в отеле с русскими эмигрантами

Мои родители были предупреждены Красным Крестом о дне и часе прибытия поезда на Северный вокзал в Париже, но им не сообщили ни номер вагона, ни номер купе, в котором я ехал.

Ребёнок в возрасте десяти лет прибыл один из Берлина в Париж. Родители не получили полезных уточнений, чтобы легко найти меня в поезде. Отсутствие понимания со стороны Красного Креста

сложности моего обнаружения в поезде родителями создавало опасность. Родители могли не найти меня на вокзале и я мог потеряться. Это было проявлением небрежности Красного Креста.

Мой отец, сознающий сложность создавшегося положения, решил предупредить любой неприятный инцидент при моём прибытии на Северный вокзал. Он встал с моим братом Владимиром при выходе пассажиров с перрона, совсем рядом с контролёром, проверяющим билеты. При этом он попросил мою мать попытаться меня найти в одном из вагонов поезда.

К счастью, во время поездки сочувствующий мне пассажир уступил своё место около окна, чтобы я мог видеть пейзажи по пути поезда и мне было менее тягостно в пути.

Мы прибыли в Париж утром. Мои попутчики покидали купе. Уходя, они ко мне обращались на иностранном языке. Я мог ответить каждому только улыбкой. Поезд остановился, пассажиры постепенно покинули вагон. Сидя около окна, я наблюдал толпу, которая спешила, и людей с вещами, толкающихся на перроне, чтобы быстрее подойти к выходу. Никто не приходил меня встречать. Обеспокоенный, я тогда оставил своё место около окна и направился к выходной двери вагона, думая о том, что могу быть лучше замеченным, стоя в открытой двери, чем сидя в купе.

Когда перрон стал почти пустым, я увидел как прошла к последним вагонам поезда молодая женщина. Потом она вернулась назад, затем остановилась немного в стороне от моего вагона. Я смог её рассмотреть. В ней я признал свою мать, чья фотография у меня была. Я ждал и смотрел на неё. Молодая женщина не двигалась и внимательно смотрела на вагоны поезда.

Я спустился тогда на перрон и направился к ней. Она не смотрела в моём направлении. Подойдя к ней, я неожиданно сказал ей на русском языке: «Это ты — моя мама?» Она вздрогнула, посмотрев на меня удивлённо, и затем воскликнула « Это ты — Арсик?»

Она меня тогда сильно обняла. У неё были слёзы на глазах. Я тоже плакал от радости и от волнения. Мы были одни на перроне. Получив подтверждение, что я Арсик, она взяла меня за руку, и мы направились к выходу, где, как она мне об этом говорила, нас ожидали мой отец и мой старший брат Владимир.

Приближаясь к контролёру на выходе, моя мать указала на элегантного человека, который смотрел на нас со спокойной улыбкой «Это — твой папа, и твой брат Владимир», — сказала она мне.

Около моего отца стоял мальчик лет двенадцати. Мы смотрели друг на друга, и я не увидел никакого превосходства в его взгляде, которого я опасался. Это был мягкий взгляд ровестника, предлагавшего дружбу.

Мой отец мне показался великолепным. Приближаясь, я восхищался им. Отец внимательно смотрел на меня. Когда я столкнулся лицом к лицу с ним, он меня обнял, ничего мне не говоря. Но мне показалось, что он был удивлён и даже разочарован. Он прочитал этикетку, всё ещё висевшую на моей шее, и снял её. Я был действительно его сыном, прибывшим с этикеткой из Берлина в Париж. Он меня поздравил с тем, что я благоразумно придерживался рекомендаций, данных мне при отправлении из Берлина.

Я чувствовал себя внезапно спасённым и счастливым, что встретил своих родителей и имею отныне маму и папу, как большинство детей в мире.

Мой отец имел основания для разочарования во мне, так как я совсем не был похож на парижского мальчика. Моя одежда была слишком большой и плохо сидела. Моя голова была обрита из-за вшей. Чтобы это скрыть, на ней была бесформенная фуражка. Мои ноги были обуты в высокие туфли со шнурками. Форма обуви была странной и не понравилась моему отцу.

«Мы ему сейчас купим пару приемлемых ботинок. Его ботинки имеют вид ортопедической обуви», — сказал он. Речь шла, однако, о новой обуви, специально купленной моей бабушкой за несколько дней до моего отправления из России.

Я имел хилый вид и маленький рост для моего возраста. Я не походил на ребёнка семьи, которая меня встречала. Мне показалось, что мой отец, встретив меня, начал сомневаться во мне. У него, вероятно, появилась мысль: «Этот мальчик — мой ли сын?» Ему даже пришла на ум идея подмены ребёнка. Он затратил некоторое время на то, чтобы убедиться, что я действительно был его сыном. Он меня долго расспрашивал о жизни в Симбирске, о моей бабушке, моих близких родственниках.

Он на меня произвёл большое впечатление. Я понял, что время свободы, которое у меня было в России при моей бабушке, закончилось. Отныне я должен был жить под руководством моего отца, который меня считал маленьким хулиганом, чьё воспитание надо было полностью изменить. Все

дефекты, по его мнению, надо было быстро исправить. Прежде всего, он собирался освободить меня от нелепого наряда, в котором я приехал во Францию.

С Северного вокзала мой отец повёз нас к продавцу обуви, у которого мне была куплена пара невысоких ботинок. Я чувствовал себя не в своей тарелке. Мой отец находил, что у меня не было ещё приемлемой походки, чтобы ездить с ним в метро. Он пренебрежительно сказал, глядя на меня в одежде, купленной бабушкой перед отъездом: «Мы должны взять такси, так как я не хочу его показывать в этом нелепом наряде».

Действительно, мои новые, только что купленные ботинки, казалось, усиливали ещё больше нелепость моей одежды.

Вскоре мы взяли такси, которое нас быстро привезло в 7-й округ, где жили мои родители в старом отеле, позже разрушенном. Он располагался на улица генерала Бертрана, названной так в честь верного друга Наполеона. Генерал последовал за Наполеоном на остров Эльба, затем на остров Святой Елены и оставался около него до его смерти.

В этом отеле жили русские семьи, которые обслуживались персоналом русского происхождения, но управляла им француженка, мадам Жоржетта. Она руководила этим большим домом давно. При этом была милостива к его постояльцам и относилась к ним с большим пониманием. Моего прибытия ожидали. Меня приветствовала вся объединённая русская колония. Это было для меня большой неожиданностью. Теплота приёма, радостные возгласы и аплодисменты удивили меня. Меня встретили как маленького героя. Мадам Жоржетта рассматривала меня с любопытством. Она вручила мне конфеты, восклицая: «Добрый день, молодой человек, добро пожаловать во Францию!» Затем, смотря на моих родителей, она тихо добавила: «Ах, эти русские, мы их не поймём никогда. Красивые чувства, любовь недостаточны, чтобы содержать семью». Она подвела, таким образом, итог моего прибытия к родителям и выразила мнение всех о большой любви моих родителей к сыну. Действительно, их любовь ко мне победила все препятствия. Как не верить после этого в силу любви! Одновременно с приветствием мадам Жоржетты по радио, которое было включено в вестибюле первого этажа, певец пел тогда модный замечательный куплет популярной песенки, который при переводе с французского звучал так: «Ура любви, красивой любви...» и т.д.

Не задерживаясь, чтобы представить меня различным людям, которые все интересовались мной, моя мать повела меня к лестнице, к которой был свободный проход, и мы поднялись по ней до четвёртого этажа, где была комната моих родителей. Это была просторная комната с двумя окнами. Одно из них выходило на проезжую улицу, а другое — во внутренний двор. Комната была меблирована так, чтобы предоставить живущим в ней необходимый, хоть и небольшой комфорт: стол, старое кресло, три стула, большая двуспальная постель и маленькая кровать. В углу комнаты был умывальник с кранами горячей и холодной воды. В центре комнаты находился большой камин, над которым висело большое зеркало. Камин не использовался больше, так как теперь в отеле было центральное отопление. Ничего не было предусмотрено для приготовления еды или нагревания воды для чая. Мои родители купили маленький нагревательный прибор на спирту, который им позволял разогревать блюда и подогревать воду или молоко. Для жарки или приготовления сложных блюд обращались в булочную, где их готовили качественно и с большими усилиями. Наконец, могла помочь мадам Жоржетта, так как она имела кухню и приносила нам иногда полные обеды.

Следуя советам моего отца, который поднялся вместе с нами в комнату, моя мама меня раздела, вымыла в тазу, протёрла голову одеколоном и заставила сменить одежду. Мой дорожный костюм был снят и выброшен позже в помойку без всякого сожаления, руководствуясь мерами гигиены, предписанными моим отцом.

Меня одели в одежду моего брата, ставшую слишком узкой для него. Моя мать сохранила её специально для меня. Она не соответствовала ещё моему размеру, но в ней у меня был лучший вид, чем в прежней одежде. Чтобы не привлекать внимание на улице моей бритой головой, так как это было тогда немодно в Париже, мне предложили одеть фуражку Владимира, которую он носил раньше в колледже. Судьба моей русской фуражки была такой же, как участь моей одежды и обуви.

Моё прибытие в отель взволновало всю русскую колонию. Хотели от меня узнать о поездке, которую я совершил, и приготовились слушать мой рассказ. Желали иметь также информацию о жизни в России и другие различные сведения.

Мои родители дали своё согласие на встречу со мной, и мой брат привёл меня на собрание, где в

зале отеля меня ожидало около пятнадцати человек. Мне предложили чай и лакомства. Затем меня попросили рассказать о моём подвиге, так как некоторые плохо информированные люди думали, что я совершил поездку из Симбирска совсем один в Париж, как взрослый. Я спокойно рассказал о моих приключениях, без преувеличения и хвастовства, говоря правду. А затем я ответил подробно на все вопросы.

После окончания рассказа меня похвалили за него. Русские дамы были очарованы. Говорили о моём мужестве, о моём хладнокровии. Их нашли исключительными для моего возраста, так как я был ещё ребенком десяти лет.

Между тем, один пожилой человек захотел смягчить эти многочисленные похвалы и обратился ко мне: «Признайся, что ты ничего не сделал особенного. Ты фактически ехал просто как посылка до Парижа и не мог быть затерянным, так как твоё имя и адрес твоих родителей были записаны на табличке, повешенной на шее. Твоя заслуга состояла лишь в том, чтобы узнать в толпе свою мать, которая тебя искала по вагонам. Это и прекратило твое приключение».

Я мог только согласиться с речью этого человека, будучи немного раздражённым грубостью его выступления. Я был эмоциональным, чувствительным мальчиком и считал, что у меня не было ничего общего с почтовой посылкой. Я был подавлен и посмотрел на моего брата. Он был шокирован больше, чем я, этим необычным вмешательством. Он встал и сказал мне: «Уходим, мы не должны оставаться здесь дольше». Я посмотрел по сторонам, ожидая поддержку. Все молчали, и я со слабой улыбкой последовал за братом.

Тогда нас начали задерживать. Пожилой человек начал извиняться: «Я просто решил пошутить, ты — настоящий герой!» Женщины единодушно делали ему упрёки из-за его вмешательства. Собрание было прервано нашим уходом. У меня были слёзы на глазах. Мои родители нашли вмешательство этого человека бестактным. Отец решил не посещать больше русскую колонию отеля. Однако вскоре этот инцидент был забыт, так как в нашей жизни оказалось много других забот.

Берега культуры и искусства

Неонилла Пасичник

ГРАФ ДРАКУЛА — РЫЦАРЬ ОРДЕНА СВЯТОГО ИОАННА ИЕРУСАЛИМСКОГО

(к 120-летию со дня рождения художника Поля Мака)

В коллекции Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского хранится автопортрет художника Поля Мака. Мак — это псевдоним Петра Петровича Иванова, иногда Павла П. Иванова. До наших дней о художнике Маке имелись лишь скудные сведения, благодаря собирателю его работ Рубену Маркаряню из Тегерана. В частности, мы знаем, что он «родился в 1885 году в Петербурге; умер около 1960 года в Бельгии. Около 1910 года посещал студию Юона в Москве; около 1912 года работал в петербургском сатирическом журнале «Сатирикон»; в 1910-е годы работал в Петербурге и Москве как портретист, газетный и журнальный карикатурист и модельер; руководил танцевальной студией в Москве, специализируясь по танго; в 1914—1918 годах служил в армии, в гусарском полку «Мёртвая голова»; в 1918 году, как утверждает молва, за отказ снять царскую военную форму был заключён в тюрьму на шесть месяцев; в 1920—19191 годах работал в Театре революционной сатиры в Москве; в 1922-м через Турцию и Афганистан уехал в Иран; в 1920-30-е годы жил в Иране, проявлял интерес к персидской миниатюре; был назначен придворным художником у Реза-шаха; был уполномочен написать коронационный портрет шаха на Павлиньем троне; после недолгого пребывания в Афинах и Каире переехал в Бельгию».

В 2005 году в Москве вышла в свет книга воспоминаний «Право на прошлое» князя Алексея Щербатова и Ларисы Криворучкиной-Щербатовой. Благодаря этому уникальному историческому источнику загадочная личность художника Мака, блестящего рисовальщика и меткого карикатуриста раскрывается для современников в новом свете.

Вельможа с серьгой

Прежде чем дополнить факты биографии художника существенными данными, обратимся к его автопортрету, выполненному в 1953 году, в зрелые годы. Смотря на автопортрет, мы видим грозного вельможу-воина исторического периода XVI—XVIII веков — эпохи великих потрясений в Европе. Исторический писатель Зарубежья, киевлянин Марк Алданов, пришёл к выводу, что психологию людей конца XVII—XVIII столетий трудно понять. Это наблюдение имеет важное научное и художественное значение, следом за весомыми аргументами в пользу версии о том, что на Западе в последней трети XVIII века произошёл перелом, проявившийся не только в промышленном перевороте в Англии, Американской и Французской революциях, не только в формировании создания Британской колониальной империи (покорение Индии) и иных событиях, но и в кардинальных изменениях человеческой психики.

В автопортрете Мак словно отобразил мысли писателя Алданова. Для территории современной Украины подобные исторические портреты типичны и довольно обширно представлены во многих частных собраниях — родовых галереях. К примеру, в Романовском дворце в Житомире — это портреты кисти неизвестных художников-шляхтичей, верных православию — портрет неизвестного из рода Опалинских (вторая половина XVIII века), портрет Щенского Чацкого, командующего подразделением кавалерии рыцарей войска коронного Речи Посполитой. Также во дворце князей Вишневецких (так называемая «овальная галерея Корибутов») в Збаражском районе Тернопольской области. Интересен портрет Кшиштофа Збаражского Корибута, известного посольством к туркам. Он, кстати, до смерти не был женат. Мы видим на этом портрете, так же, как и на автопортрете Мака, серьгу в левом ухе вельможи. Шитая золотом парчовая мантия — на плечах обоих воинов.

В родовом замке православных шляхтичей Мокосеев-Денисок в селе Мукосеев Берег (Дубненского района Ровненской области) хранится портрет Семёна Петровича Мокосея-Дениски кисти художника Йозефа Льеба (возможно). Этот шляхтич до 1574 года принимал участие в походах польского короля на Москву и имел при этом значительные потери, так что вскоре оставил эту затею, позднее был старостой в Житомире. В левом ухе этого вельможи неумелой рукой художника изображена серьга. Вызывает интерес также головной убор шляхтича. Позднее такие шапки с кистью носили запорожцы, реорганизованные после присяги императрице Екатерине II в гусарские полки. На автопортрете — сам Мак в «запорожской» гусарской шапке, напоминающей головной убор, в котором изображён российский царь Алексей Михайлович (1629-1676) на гравюре 1645 года.

Что касается серьги, её часто носил собирательный персонаж народных портретов этого периода — казак Мамай. Как известно, казак Мамай — это воин-бобыль, променявший супругу на «табак и трубку», в лучшем случае на верную лошадь, подобно диким воинам — горцам Кавказа, предпочитавшим вместо одной законной супруги иметь несколько жён. Зато их привязанность к лошади, переходящая в преданность, бывала поразительной! Удивительно метко описал это явление Михаил Лермонтов в романе «Герой нашего времени», в главе «Бэла» — речь о взаимоотношениях Казбича и его коня Карагёза. Ношение серьги в ухе являлось признаком приверженности подобному скитальческому образу жизни, перешедшему в исторические украинские земли с Древнего Востока. В документальных источниках зафиксировано описание портрета древнерусского киевского князя Святослава, контактировавшего с Древним Востоком в победоносных войнах, отца крестителя Киевской Руси Владимира Святого: «Вот какова была его внешность: умеренного роста, не очень высокого и не очень низкого, с густыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, слишком длинными волосами над верхней губой. Голова его была совсем голой, но с одной стороны висел клочок волос — признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерны. В одно его ухо была вдетая золотая серьга» (из описания византийского историка Льва Диакона, 971 год).

Так же победоносно воевал с мусульманами славный казак Иван Пидкова, он же Сэрпяга (ум. в 1578 году) — запорожский гетман и молдавский воевода, освободивший Яссы от турок. Он был предательски схвачен в Немирове брацлавским воеводой Я. Збаражским, так как польские подданные опасались дразнить Османскую империю, одну из самых могущественных в то время. После чего Пидкову казнили во Львове по решению польского правительства во главе с королём Стефаном Баторием. Самое интересное, что сохранился древний портрет Пидковы с серьгой в левом ухе. Пидкова-Сэрпяга не был официально женат, то есть не венчался до конца дней своих. Во дворце внучки графа Болеслава Потоцкого Марии Григорьевны Щербатовой в Немирове (Винницкой области), где, начиная с 1921 года, находится Винницкий художественный музей, хранилось полотно художника Иоганна-Баптиста Лампи-старшего портрет Станислава Потоцкого с сыновьями (1790 года), магната, генерала коронной артиллерии, воеводы русского, маршала Торговицкой конфедерации 1792 года, владельца дворца в Тульчине (Винницкой области), основателя садово-паркового ансамбля «Софиевка» в Умани (Черкасской области). Авторские недатированные варианты портрета находятся в Лувре (где их и мог видеть художник Мак) и Национальном музее Варшавы (Польша). В собрании А.Н. Нарышкиной в Петербурге хранился портрет графа Н.Д. Гурьева кисти Энгра (1821 года). Вельможа на портрете носит серьгу в левом ухе. Граф изображён художником на фоне средиземноморского пейзажа, скорее всего на острове Мальта. Любопытно, что брат Н.Д. Гурьева О.Д. Гурьев был киевским, подольским и волынским генерал-губернатором.

Воспитание рыцаря

Вероятнее всего, Мак видел эти портреты ещё юношей, в 1910-е годы, будучи слушателем Московской рисовальной школы графини Т.Л. Сухотиной-Толстой по классу К.Т. Юона, посещая выше-названные родовые галереи в качестве начинающего художника и сына князя Александра Владимировича Бяратинского, правда незаконного сына, то есть рождённого без скрепления союза родителей брачными узами. Стоит напомнить, что подобные союзы не были редкостью в России. Возьмём, к примеру, длительный безбрачный союз императора Александра II и княжны Екатерины Долгорукой,

впоследствии его второй супруги. До бракосочетания с княжной Долгорукой из рода Рюриковичей Государь имел от неё троих детей. К моменту венчания родителей дети стали подростками.

Судьба уготовила будущему художнику Маку иную участь. Источники указывают год рождения Мака — 1885-й. Но едва ли это возможно, ибо сам князь Александр Владимирович Барятинский, его отец, родился в 1870 году. Скорее, Мак мог быть рождён в 1895-м, так как в 1914-м, на 19-м году жизни, после объявления всеобщей мобилизации в России в связи с началом военных действий призван на военную службу в гусарский полк. Следовательно юноше вскоре был присвоен офицерский чин, как следствие обучения в Школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров с 1911 года по 1913 год, как это обычно случалось с избравшими военную карьеру юношами князьями Барятинскими. В этой же школе учился вместе с поэтом Лермонтовым другой военный — князь Александр Иванович Барятинский, будущий боевой генерал, пленивший предводителя чеченских экстремистов Шамиля, наместник Кавказа и... дуэлянт. Интересный эпизод из жизни офицеров школы приводит А. Зиссерман — сослуживец и биограф князя А.И. Барятинского. «В 1834 или 1835 году раз вечером у князя Т. (Трубецкого — прим авт.) было довольно большое собрание офицеров-кавалергардов и из других полков. В числе их были Александр Иванович Барятинский и Лермонтов, бывшие товарищи по юнкерской школе». М.Ю. Лермонтов говорил, что «человек, имеющий силу для борьбы с душевными недугами, не в состоянии побороть физическую боль. Тогда, не говоря ни слова, Барятинский снял колпак с горящей лампы, взял в руку стекло и, не прибавляя скорости, тихими шагами, бледный прошёл через комнату и поставил ламповое стекло на стол целым, но рука его была сожжена почти до кости».

Интересно отметить, что через три года после рождения Мака, в 1898 году (по иным данным в 1901 году) его отец, князь Александр, обвенчался с княжной Екатериной Юрьевской — изгнанной из России дочерью государя Александра II от второго брака. В России этот брак считался непризнанным, несмотря на то, что супруги — Государь и княжна Екатерина Долгорукая обвенчались. К сожалению, в числе противников этого брака оказался и отец князя Александра — Владимир Анатольевич Барятинский. Он не прибыл на свадьбу сына в Биарриц, сказав лишь: «Это невозможно». Старший князь Барятинский был генерал-адъютантом не только государя Александра II, но и его сына Александра III, и внука Николая II. Входил в консервативный состав кабинета графа Витте, противника реформ Столыпина. Молодой князь Барятинский, напротив, принимал посильное участие в столыпинских реформах, в частности земельной, содействуя переселению своих бывших крепостных крестьян из Путивльского уезда Курской губернии (ныне Сумской области) в Украину в Сибирь. Известно, что князь Владимир Анатольевич Барятинский владел землями в Курской и Воронежской губерниях. А именно: в Путивльском уезде землевладение унаследовал Александр Владимирович, его старший сын, занимавшийся предпринимательством. Существует документ 1909 года, подтверждающий избрание князя Александра Владимировича Барятинского почётным мировым судьёй Путивльского уезда. Это произошло за год до кончины князя в 1910 году во Флоренции. Князь отличался особой дворянской гордостью, самообладанием, но был неуправляем и непредсказуем, что свойственно всем Барятинским.

Следуя завещанию предков, князь позаботился о том, чтобы сын-первенец получил достойное воспитание, поэтому неудивительно, что к 18-ти годам юноша в совершенстве овладел искусством рисунка, о чём свидетельствуют его работы, опубликованные в 1913 году в журнале «Театр в карикатурах». Любопытен исторический документ из архива предка Мака, князя Ивана Ивановича Барятинского от 27 ноября 1815 года, написанный в селе Ивановском: «Мысли мои касательно воспитания своего сына.

Воспитание мальчика до семилетнего возраста есть более физическое, нежели нравственное, исключая понятия о добре и зле, кои должны ему быть внушаемы заранее. Я желаю, чтобы сын мой обучаем был на восьмом году латинскому, греческому, славянскому, а наипаче своему природному языку. Надо обучать его механике без педантизма, изучать рисовальное искусство и арифметику. Надо возбудить в нём охоту к физике, химии и земледелию. Пусть занимается агрономическими опытами.

Воспитание совершенно практическое образует из него человека возмужалого в тех летах, когда прочие мальчики играют комедии, танцуют балеты, упражняются в французской словесности и, словом, одними только глупостями занимаются.

Мне хочется, чтобы он умел работать скобелю, топором и плугом, искусно точил, мог измерять всякого рода землю, умел плавать, бороться, носить тяжести, ездить верхом, прыгать, стрелять, наконец, чтобы все минуты его были употреблены или на упражнение тела, или на образование его души.

Я требую, чтобы путешествие его по Европейской России продолжалось четыре, а по Азиатской два года.

Я испрашиваю как милости от моей жены не делать с него ни Воина, ни Придворного, ни Дипломата. У нас столько Героев, столько Придворных слуг, столько Политиков!

Россия есть больной великан! (подчёркнуто князем)

Особам, по своему происхождению, богатству и воспитанию отличным, довлеет преимущественно служить и поддерживать Государство».

К 1910-м годам князя Барятинские уже 10 лет состояли в родстве с князьями Щербатовыми (сестра отца Мака — Анна вышла замуж за князя Павла Щербатова, сына предводителя харьковского дворянства), потому юный художник Мак имел предлог для посещения галереи Щербатовых в Тернах (Сумская область), где были представлены портреты всех гетманов, а также в Немирове (Винницкая область).

Для посещения Киева Мак мог воспользоваться родственными связями с семейством фон Гюббенет, бывшего полицмейстера Киева. Дочь его, Лидия Борисовна Гюббенет, актриса, была первой супругой дяди Мака, брата его отца Владимира Владимировича Барятинского, драматурга, основателя домашнего театра в Петербурге, где и ставились его собственные пьесы. Мак мог участвовать в постановках и получить толчок к творчеству карикатуриста. Вторая супруга дяди Владимира — тоже киевлянка, Ольга Берестовская, на которой он женился в 1916 году.

Как видим, при воспитании Мака в точности выполнены указания его прапрадедушки. Выбор фамилии Иванов тоже неслучаен, как дань памяти о князе Иване Ивановиче Барятинском, создателе дворцово-паркового комплекса «Марьино» в своём имении в селе Ивановском. Революция 1917 года в России помешала Маку служить и поддерживать Отечество, но сделала из него первоклассного художника. Именно на этом поприще Мак продолжал служить Отечеству и служит до сих пор, подтверждением чего является его автопортрет в образе могущественного державного мужа Прошлого.

К концу дней своих художник Мак воссоединился с родственниками Щербатовыми в Брюсселе — кузинами Еленой (в замужестве Виттук), Ольгой (в замужестве Джорджадзе), тоже художницей, и Анной (в замужестве Набоковой). Кузен Мака, князь Алексей Щербатов, автор книги, приоткрывшей для нас не только тайну автопортрета Мака, его биографии, но и древнего рода Барятинских и Щербатовых.

Иоаннит Иванов — запорожец

«Связь обоих родов с Орденом святого Иоанна Иерусалимского — давняя. Один из Щербатовых, Павел Петрович (1762-1831), действительный тайный советник, сенатор, кавалер орденов Анны первой степени и Александра Невского, живший в Петербурге, в Мошковом переулке, с женой Анастасией Валентиновной Мусиной-Пушкиной, являлся командором Ордена. Другой важный родственник — Иван Иванович Барятинский (1772-1825), основатель имения «Марьино», в 1799 году был пожалован родовым командором Ордена св. Иоанна Иерусалимского. Иван Иванович — поручик Лейб-Гвардии Семёновского полка, кавалер ордена Георгия четвёртой степени, служил в Государственной коллегии иностранных дел с причислением к Лондонской миссии, тайный советник, чрезвычайный посланник и полномочный министр в Мюнхене, он при невероятной загруженности находил время для занятий благотворительностью. Основная и практически единственная цель современного Державного Ордена православных рыцарей-госпитальеров святого Иоанна Иерусалимского с центром в Нью-Йорке — помощь нуждающимся во всём мире.

Покровительствовать Ордену в России начал Павел I. Правда, условия приёма в Орден в тот период были весьма строги: в него мог вступить каждый, доказавший что дворянство (непременное условие) получено его предками за боевые подвиги, причём не менее чем сто пятьдесят лет назад. Вступление в Орден сопровождалось крупным денежным взносом — тысяча двести рублей для

взрослых и две тысячи четыреста для несовершеннолетних, не достигших пятнадцатилетнего возраста».

Возникновение монашеского братства госпитальеров, на основе которого был создан Орден Святого Иоанна, некоторые исследователи относят к IV веку. Однако историческая традиция связывает его появление с Крестовыми походами, вступлением крестоносцев под предводительством Готфрида Бульонского 15 июля 1099 года в Иерусалим.

Эмблемой Ордена является восьмиконечный белый крест, который после перемещения Ордена на остров Мальта часто стали называть мальтийским крестом. По мнению некоторых авторов, такой крест носили жители республики Амальфи в южной Италии, основавшие в первой половине XI века в Иерусалиме госпиталь для паломников. В форме креста скрыта следующая символика: четыре конца креста — христианские добродетели, восемь углов — добрые качества христианина. Белый цвет традиционно символизирует безупречность рыцарей чести.

После продолжительной защиты от многочисленной турецкой армии города Акка в 1291 году иоанниты были вынуждены последними из крестоносцев покинуть Малую Азию. Сначала они закрепились на Кипре, где у них была значительная собственность. Но в 1310 году Орден после нескольких лет борьбы с Византией завоёвывает остров Родос и обосновывается на нём.

В течение следующих 214-ти лет (до 1523 года) базирования на острове Родос иоанниты вели тяжёлую непрекращающуюся борьбу с турками. После падения Константинополя в 1453 году Орден св. Иоанна становится для турок единственным врагом в восточном Средиземноморье. Начинаются постоянные набеги турецкого флота на остров. В 1480 году иоанниты под руководством Великого магистра Пьера д'Обюссона отбили атаку 70-тысячного турецкого войска. Понимая, что никакая храбрость не сможет удержать армию султана Сулеймана Великолепного, сменивший прежнего Великий магистр Филипп Вилье де Лиль Адам для спасения остатков Ордена начал переговоры с турками, в результате чего 1 января 1523 года оставшиеся в живых рыцари на 50-ти судах покинули Родос. После долгих скитаний иоанниты в 1530 году обосновались на Мальте, где уже от них в 1551 году турки потерпели первую неудачу, а в 1565 году — крупное поражение. С конца XVII века турецкая экспансия на Мальту ослабевает, но усиливается на землях Речи Посполитой. Именно тогда проявили себя доблестные защитники православия, запорожские воины-казаки, подобно мальтийцам поселившиеся на днепровском острове Хортица, малыми своими силами сдерживая экспансию Османской империи на Запад и Север.

В 1697—1698 годах Европа принимала Великое посольство русского царя. Оно позволило молодому Петру Алексеичу (Романову) близко познакомиться с европейскими странами. Одновременно с этим пышным и многолюдным посольством менее заметные путешественники отправились через земли Священной Римской империи в Италию. В июле 1697 года стольник П.А. Толстой посетил остров Мальту, что и описал в своих записках. А в мае 1698 года на берег Мальты высадился боярин Б.П. Шереметев со свитой. Хотя в царской грамоте и значилось, что боярин Б.П. Шереметев следует в Италию и на Мальту по «охоте его», а сам он объяснял свою поездку на остров желанием «большую себе к воинской способности воспринять охоту», очевидно, что он имел и дипломатические поручения, связанные с вхождением России в антитурецкий союз. Во время этого визита 9 мая 1698 года на Б.П. Шереметева были возложены знаки Мальтийского ордена. Сын его в 1777 году опубликовал в Москве «Записки путешествия генерал-фельдмаршала российских войск тайного советника и кавалера мальтийского, Святого Апостола Андрея, Белого Орла и прусского ордена графа Б.П. Шереметева».

Заключение антишведской коалиции и Северная война полностью захватили внимание царя Петра Алексеича, и контакты России с Мальтой прервались на столетия. Связь с Орденом, очевидно, поддерживалась лишь благодаря запорожским рыцарям-казакам.

Позднее, во время Русско-турецкой войны, Российская Империя не проявляла особого интереса к Мальте. Можно говорить об установлении дипломатических связей с Мальтой в январе 1770 года. Тогда там появляется первый поверенный в делах маркиз Кавалькабо. При представлении Великому магистру Пинто маркиз Кавалькабо передал сразу два письма от императрицы Екатерины II, в которых она просила оказать помощь эскадре Г.А. Спиридова и благодарила за приём офицеров на обучение. Но мальтийцы отказались помогать русским против турок. При новом Великом магистре, которым с ноября 1775 года стал Эммануил де Роган, отношения с Россией вновь обострились. Был

Генрих Анжуйский Валуа (1551—1589), король Франции, король Польши, Великий князь Литовский

Фотоснимок «Танец Смерти» — Эльза Крюгер и Поль Мак (возможно), опубликовано в журнале «Эксперимент», Лос-Анжелес

Автопортрет, Поль Мак

Шарж из журнала «Зритель», Киев, 1913

арестован, а затем и уехал с Мальты русский поверенный барон Кавалькабо, поселившийся во Львове, позднее принявший на службу сына композитора Моцарта.

В 1787 году Великий магистр воспользовался случаем поездки императрицы Екатерины II в Крым и послал её величеству подарок — пальмовую ветвь, украшенную искусственными цветами. Подарок был передан князю Потёмкину за заслуги не только перед отечеством, но и перед всем Христианством. В ответ на пальмовую ветвь, Екатерина II послала на Мальту свой парадный портрет 1787 года работы Д. Левицкого. Этот портрет поместили в Посольском зале во дворце Великого магистра, где он находится до сих пор.

Трудная международная ситуация, в которой находился Мальтийский орден после Французской революции, осложняла и деятельность орденского посланника в Петербурге. Переговоры об укреплении положения Ордена на подвластной России территории Польши шли медленно, а после того, как орденский корабль напал на турецкий, шедший под русским флагом (это мог быть турецкий корабль, захваченный запорожцами), были и вовсе прерваны.

Мальтийская кольчуга война

Новый период в отношениях приходится на краткое царствование императора Павла I. 4 января 1797 года была подписана «Конвенция, заключённая с Державным Орденом Мальтийским и его Преимуществом Гросс-Мейстером, — об установлении сего Ордена в России с целью обеспечить, утвердить и распространить в Областях Своих заведение сего Ордена, существовавшее уже в Польше, а особливо в присоединённых ныне к Российской Державе Областях Польских». С российской стороны под Конвенцией стояли подписи графа Александра Безбородко, «Действительного Тайного Советника первого класса, Члена Совета, Главного Директора Почт и орденов Святого Апостола Андрея Первозванного, Святого Александра Невского и Святого Владимира Большого креста первой степени кавалера» и князя Александра Куракина. На церемонии аудиенции императора Павла I и чрезвычайного посла Мальты в Петербурге графа Литты императору была вручена часть десницы Иоанна Крестителя и изготовленная на Мальте специально для этого случая *кольчуга*.

В июне 1798 года французский флот под командованием генерала Бонапарта захватил Мальту, на что последовала быстрая реакция России. Кавалеры великого приорства российского осудили Великого магистра барона Гомпеша за сдачу острова без боя и объявили о его низложении, тут же постановили обратиться к императору Павлу I с просьбой принять Орден Святого Иоанна под свой патронаж. Таким образом Павел I принял «всех благонамеренных членов Ордена под своё высочайшее руководство». Петербург был объявлен штаб-квартирой Мальтийского ордена, рыцари всех «языков» и приорств приглашались в Россию, президенту Академии наук барону Николаи поручалось в издаваемом календаре обозначить остров Мальту как «губернию Российской империи». Уже в октябре 1798 года император Российской империи Павел I был провозглашён Великим магистром Иерусалимского ордена св. Иоанна. Начиная с 1798 года стали праздновать день святого Иоанна Крестителя — 23 июня (7 июля н. ст.) — в летней резиденции императрицы Марии Феодоровны в Павловске. Интересно описание празднества, особенно одежд гусаров в так называвшихся «барсах»: «на плечах у гусаров вместо ментиков были накинута барсовые шкуры головою вниз, подбитые красным сукном с серебряным галуном и такою же застёжкой, состоявшею из круглого серебряного медальона с вензелем императора и сдерживавшею на груди гусара одну из лап барса с его хвостом. Гусарская сбруя была чёрная, отделанная серебряными бляхами». Любопытно отметить, что мальтийские кавалеры-россияне всю ночь в канун дня Иоанна Крестителя, согласно церемонии, жгли 9 костров, которые обходили по три раза каждый. Обряд с разжиганием костров в этот день сохранился до наших дней в Украине.

К сожалению поддержки Павла I со стороны папы Пия VI не последовало. Осторожность папы объяснялась тем, что часть великих приорств — Каталонии, Наварры, Арагона, Кастилии и Римское — отказались признать Павла I Великим магистром. В результате чего был положен конец дипломатическим отношениям России с Римом — нунций был выслан из Петербурга.

Начались сложные переговоры с англичанами по поводу судьбы Мальты после освобождения её от французов. Однако после 5 сентября 1800 года, когда французский гарнизон капитулировал, Англия не пошла на встречу пожеланиям русского императора. Последовало объявление о выходе

России из Второй антифранцузской коалиции. Но стратегическим планам Павла I не суждено было осуществиться. В ночь с 11 на 12 марта 1801 года он был убит в Михайловском замке. Молодой император Александр I принял только лишь звание протектора Ордена.

И, наконец, в 1817 году было объявлено, что российская ветвь Державного Ордена Святого Иоанна Иерусалимского больше не существует, а российским подданным запрещается носить мальтийские кресты.

В автопортрете Мак запечатлел кольчугу, хранившуюся как семейная реликвия князей Барятинских и Щербатовых. Идентичная кольчуга на портрете графа Б.П. Шереметева, кавалера Мальтийского, кисти художника И. Аргунова. А также на портрете правобережных мальтийцев Теодора Потоцкого художника Кароля Швейкарта (1772-1855) и графа Юзефа Августа Ильинского, командора и великого судьи Мальтийского ордена, начинавшего военную карьеру в австрийской армии, затем Войске Польском, а после второго раздела Польши в 1793 году присягнувшего императрице Екатерине II, позднее, во времена Павла I подтвердившего австрийский графский титул Ильинских, полученный в 1779 году.

В этом контексте уместно обратиться к военной судьбе художника Поля Мака. Показательным является тот факт, что во время Первой мировой войны офицер Павел Петрович Иванов (будущий художник Поль Мак) за храбрость был награждён Георгиевским крестом четвёртой степени. Оставшись инвалидом (после ранения нога стала короче на 13 сантиметров), с приходом новой власти в 1918 году он продолжал носить форму офицера царской армии со всеми боевыми наградами. За что был арестован, брошен в Бутырскую тюрьму и осуждён на смертную казнь. На протяжении нескольких месяцев, ожидая вынесения приговора в тюремной камере, он много рисовал, в том числе тюремную охрану. Восхищенные талантом художника, они в дальнейшем содействовали его освобождению. Любопытно, что дядюшка Поля Мака, князь Павел Борисович Щербатов, будучи полковником Лейб-Гвардии Гусарского полка, после отречения Николая II 14 марта 1917 года должен был выйти в отставку в чине генерал-майора Временного правительства, но отказался, поэтому носил свою форму царского полковника в знак протеста против приказа, подписанного военным министром Александром Гучковым об освобождении из армии сторонников монархии, нелояльных по отношению к новому руководству страны.

К концу 1920 года Поль Мак вместе с супругой Елизаветой Сергеевной Курбской через юг пробрались в северо-восточную часть Персии. В отношении Ирана и Афганистана следует напомнить, что таких стран в 1922 году не было, так как существовала Персия. В 1935 году появилось государство Иран. В Персии как раз в 1919-20 годах благодаря поддержке царской армии состоялась смена династии Каджаров династией Пехлеви. Мак попал в Персию, получив приглашение на должность придворного художника. Вероятно, путь Мака пролегал через Грузию, поскольку его дядюшка князь Павел Борисович Щербатов вместе с отстранённым от руководства российской армией великим князем Николаем Николаевичем, дядюшкой царя Николая II, был переведён на Кавказ, в Тифлис, где располагалась штаб-квартира представителя царского правительства. На Кавказе в подчинении полковника Старорыбицкого находился перс Реза Пехлеви из старинной дворянской семьи. Вначале русские назначили Резу генералом персидской армии, после чего, имея военную мощь, Реза объявил себя шахом. Большевики, ослабленные войной, сами осуществить этого были не в состоянии, несмотря на интерес к этому региону: до 1919 года были открыты основные залежи иранской нефти. Из-за выявленных запасов нефти англичане поддержали Пехлеви, а устранить семью предыдущего шаха, проживающую вдали от родины в Париже, не составляло труда. Английскую компанию «Першинг ойл», кроме того, поддержал финансово известный армянский миллионер Гербек Гульбенкян, держатель пяти процентов акций. Его дочь Рита в своё время была близкой подругой Поля Мака, позднее вышла замуж за армянина под известной фамилией Эссиян, который длительное время возглавлял фонд «Гульбенкян фаундейшн».

Благодаря хорошо структурированной Дмитрием Павловичем Дурдиным-Маком, сыном Поля Мака, биографии художника мы знаем, что Поль Мак скончался 22 июня 1967 года в Брюсселе. От Дмитрия Павловича, сына художника, я узнала, что авторское название так называемого «автопортрета» Поля Мака — «Граф Дракула». Именно это сообщение послужило для меня поводом изложить собственную концепцию «автопортрета» Мака. Дело в том, что на известном прижиз-

ненном портрете реальной исторической фигуры «графа Дракулы» — князя Влада Цепеша Третьего, великого господина Валахии и Трансильвании (1430—1476) отсутствуют важные аксессуары, которые мы видим на «автопортрете» Мака. Но, безусловно, Влад Цепеш-Дракула был чуть ли не единственным православным защитником Европы от экспансии Османской империи. В своих воспоминаниях сын художника сообщает о том, что его отец не оставил письменных свидетельств о своём творчестве, но некоторые беседы с ним сохранились в памяти сына. К тому времени жизнь Поля Мака клонилась к закату, а Дмитрий Павлович был слишком молод для серьёзных разговоров. Надеемся, что сын художника выполнит своё обещание и поведаст историю Поля Мака о портрете «графа Дракулы», о чём сообщает в своём очерке об отце: «Как представляется, в жизни Мака было три полюса притяжения: его искусство, женщины и гонки. Темперамент игрока и любовь к лошадям не раз приводили его к краху. Женщины, которых он любил, хранили неугасимую о нём память. Талант художника при жизни принёс ему эфемерную славу. Но творчество Мака ожидает своих исследователей, а яркая и необычная судьба достойна захватывающего романа».

Я же хочу поблагодарить за знакомство с сыном Поля Мака Эрика Михайловича Витука, проживающего в Брюсселе правнука княгини Надежды Александровны Барятинской, урождённой графини Стенбок-Фермор, зверски замученной чекистами в Багреевке близ Ялты в 1920 году.

Библиография:

Собрание Никиты и Нины Лобановых-Ростовских «ХУДОЖНИКИ РУССКОГО ТЕАТРА» 1880—1930, каталог-резонне, М., «Искусство», 1994 г.

Князь Алексей Щербатов, Лариса Криворучкина-Щербатова. «ПРАВО НА ПРОШЛОЕ», М., изд. Сретенского монастыря, 2005 г.

«УКРАЇНСЬКИЙ ПОРТРЕТ XVI—XVIII ст.», Киев

«ВІЙСЬКОВА СЛАВА УКРАЇНИ XVIII — поч. XX ст. (за матеріалами приватної колекції родини Шереметьєвих)». Киев, 2005

«Історія України М. Грушевського», цит. по Андріан Кашенко «ОПОВІДАННЯ ПРО «СЛАВНЕ ВІЙСЬКО ЗАПОРОЗЬКЕ НИЗОВЕ». Киев, изд. «Весёлка», 1992

«СОФРОНЬЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ». Киев, 2001

С.И. Фёдоров. «Марьино князей Барятинских», Курск, 1994 г.

«УКРАЇНСЬКИЙ ВИМІР», збірник матеріалів з України та діаспори, вип. 5, изд. Нежинского государственного университета (Украина), 2006, статья Н. Пасичник на рус. яз.

«МАЛЬТИЙСКИЙ ОРДЕН В РОССИИ», Санкт-Петербург, Palace Editions,

«Полное собрание законов Российской империи с 1649 года». СПбю, 1830. — Т. XXIV—XXVI, № 17708, цит. по «Мальтийский орден в России», Palace Editions, 1998 г.

Перминов П. «Под сенью восьмиконечного креста (Мальтийский орден и его связи с Россией)». — М., 1991.

Е. Карнович. «Мальтийские рыцари в России». СПб., 1880

«Полное собрание законов Российской империи», № 19850

«РЕЛІКВІЇ РОМАНІВСЬКОГО ПАЛАЦУ В ЖИТОМИРСЬКОМУ МУЗЕЇ», путівник по колекції Ілінських-Стецьких, Житомир (Украина), 2006

Дмитро Малаков. «АРХІТЕКТОР ГОРОДЕЦЬКИЙ», Киев, 1999

«ЭРМИТАЖ. Избранные сокровища великого музея». 1996 г., изд. «Бут-Клибборн Эдишонс»

«ЧЕРНІГІВСЬКІ АФІНИ», составитель А. Макаров, Киев, «Мистецтво», 2002

«УКРАЇНСЬКИЙ ВИМІР», збірник матеріалів конференції, вип. 6, Ніжинський державний університет ім. М. Гоголя, 2007

«ПАМЯТНАЯ КНИЖКА КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ НА 1909 г.» цит. по «ПУТИВЛЬСЬКИЙ КРАЄЗНАВЧИЙ ЗБІРНИК», вип. 2, Сумы, 2005

«СПИСКИ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ, ИМЕЮЩИХ В СОБСТВЕННОСТИ БОЛЕЕ 25 ДЕСЯТИН ЗЕМЛИ ЗА 1884 ПО ПУТИВЛЬСКОМУ УЕЗДУ». КУРСКИЙ ГУБСТАТКОМИТЕТ. ГАКО: ф. 4, оп. 1, д. 79;

«СБОРНИКИ СТАТИСТИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ ПО КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ» 1884 г.; 1895 г.

Анна Старицкая. «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РУССКИЙ МУЗЕЙ, МУЗЕЙ ЛЮДВИГА В РУССКОМ МУЗЕЕ». Palace Edition, 2000, Санкт-Петербург

Берега культуры и искусства

Анастасия Лиховцева

Лиховцева Анастасия Владимировна — искусствовед Ассоциации Искусствоведов (АИС), Директор компании «AVRORA», коллекционер и профессиональный галерист, куратор выставок и научных проектов, автор научных работ об искусстве и статей об арт-рынке, участник культурно-образовательных программ и телепередач, опыт работы с коллекциями произведений искусства с 2000 года.

Практика коллекционирования

Поскольку я одновременно коллекционирую и оказываю консультации при продаже и приобретении предметов изобразительного искусства, мои суждения отражают точку зрения не только покупателя, но и продавца. Мои мнения основаны на личной практике и деятельности на рынке искусства в Москве, начиная с 2000 года, и по своей сути субъективны. Это мнения профессионала.

Что и как собирать

Коллекционирование предметов искусства имеет свою специфику. Желательно, чтобы коллекционер обладал синтезом специальных знаний, сочетающих владение историей искусства, практику работы и обращения с предметом искусства, умение читать, смотреть, видеть произведение искусства, определять качество его исполнения и сохранность, способность идентифицировать исторический и культурный контекст конкретной вещи.

Кроме профильных знаний в конкретной категории вещей, коллекционеру необходимо знание техники исполнения и технологических признаков; изучение как исторических признаков, так и технических параметров. Важно иметь представление и об экономической стороне приобретения (цене предмета на настоящий момент, ситуации спроса и предложения в этой категории предметов, перспективе дорожания) и наличие коммерческой склонности и навыков, чтобы искать, торговаться, покупать предмет, грамотно выстраивая экономическую систему коллекции.

Изначально коллекция подразумевает систематизированное собрание. Она должна представлять некую концепцию. Этот фактор обеспечивает потенциал коллекции как одного из альтернативных активов инвестиционного портфеля и во многом способствует развитию коллекции как части культурной системы. При соблюдении этого условия коллекция начнёт представлять интерес не только отдельными предметами, но и как цельный самостоятельный проект.

Что покупать

Предмет, приобретаемый для коллекции, должен удовлетворять нескольким требованиям: отвечать качественным критериям с точки зрения исполнения, быть интересным с точки зрения оценки его исторического и культурного контекста, иметь инвестиционный потенциал и, самое главное, быть редкостью, в идеале — раритетом, но в любом случае обладать качествами и характеристиками, подчёркивающими его незаурядность.

Покупка предметов искусства относится к категории долговременных инвестиций. Грамотно выбранные предметы искусства обычно сохраняют ценность и инвестиционную привлекательность. Цена на предметы искусства мало зависит от политических и экономических изменений. Кроме того, для арт-рынка свойственно такое качество, как «непрозрачность». Эта «непрозрачность» арт-рынка является как его недостатком, так и во многом его достоинством. Вложение денег

в произведения искусства, коллекционные эксклюзивные ювелирные украшения и драгоценные камни всегда было достаточно надёжным вложением средств благодаря стабильности и неизменности. Возникает закономерный вопрос: стабильности и неизменности чего? Хотелось бы подчеркнуть, что речь идёт именно о стабильности и неизменности качества, уникальности, неповторимости и редкости самого предмета коллекции.

Произведения искусства различаются по категориям (живопись, графика, гравюра, принты, декоративно-прикладное искусство, фарфор, бронза, скульптура), по времени (от старых мастеров до современного искусства), по степени уникальности, по ценам, по рискам, и, конечно, по доходности. На доходности коллекции сказываются такие факторы, как предпочтение, категория и число категорий, затраченная сумма, количество предметов коллекции, ликвидность и срок вложений в предмет искусства. Если рассматривать коллекционирование чисто в экономическом ключе, то важным фактором является ограниченное количество предметов каждой категории на рынке и неповторимость каждого уникального предмета. Необходимо учесть, что покупатель сам принимает участие в формировании рынка цены, поскольку, совершая покупку, он сам создаёт дефицит товара данной категории на рынке (ввиду ограниченного количества предметов). На растиражированные художником вещи, картины, имеющие многочисленные копии и повторы, цена более низкая. Картины, выполненные с использованием технологии современной машинной печати, разные виды принтов и плакатов, широко распространённые среди современных художников, не представляют ценности и художественного интереса — их необходимо рассматривать и оценивать в рамках рисованного дизайна и в контексте полиграфической продукции.

Выбор предмета

Главный принцип коллекционера — собирать редкие, уникальные и непременно качественные предметы. Главный критерий выбора предмета — это качество вещей и художественное достоинство. Поэтому, чтобы выгодно купить предмет коллекции, необходим высокий уровень профильных знаний покупателя об этом предмете. Не стоит гнаться за дешёвой вещью; иногда есть стратегический смысл купить дорого, ведь если предмет редкий и уникальный, то такой возможности его приобретения может просто больше не представится на отрезке времени, в котором вы живёте. Возможность покупать хорошие предметы искусства есть всегда. Вопрос только в том, за какую цену вы готовы приобрести предмет, какие у вас инвестиционные ожидания от покупки и о какой категории предметов идёт речь. Покупателю требуется информационное погружение в рынок — чтобы отслеживать предметы, нужно иметь свободные средства для покупки и быть готовым делать покупку достаточно быстро, при том, что охота за раритетом может длиться годами. Многие начинающие коллекционеры склонны считать, что поскольку коллекционирование — это область их личных интересов и пристрастий, то предметом покупки может стать «то, что нравится», несмотря на качество и редкость предмета. Эта точка зрения спорна. Предмет искусства уникален, неповторим и редок, он сочетает в себе историческую и культурную принадлежность. Предмет, который вы приобретаете и в который вкладываете достаточно большие деньги, должен отвечать целому кругу задач: он не должен подешеветь со временем и потерять в цене по отношению к цене покупки, он должен иметь смысл как составляющая коллекции и представлять интерес и для других коллекционеров. В идеале предмет коллекции должен только дорожать (или, во всяком случае, не терять со временем в цене) и аккумулировать вокруг себя типологическую группу предметов. К слову сказать, художественная ценность и стоимость предметов часто не совпадают. И это обусловлено целым рядом причин, среди которых может быть неверная оценка, потеря владельца, возникшая у владельца потребность в деньгах или быстрая продажа наследником, не разделяющим страсть родственника.

Только в случае соединения всех этих аспектов, коллекционирование имеет смысл, подобные коллекции имеют шанс стать основой небольшого музея или войти в состав крупного собрания. Они сохраняют память о своём владельце — коллекционере, который распознал, идентифицировал раритет, сумел обратить на него внимание, то есть вычленил его из ряда аналогичных предметов, установил его культурный контекст, обосновал ценность этого предмета, а часто и изменил

знание и представление о предмете благодаря своим узкоспециализированным знаниям, и, что немаловажно, сохранил ценное произведение искусства для последующих поколений.

Коллекционер должен находиться в контакте с музеями и профильными специалистами. Это обеспечивает среду и контекст предмету среди предметов его типологической группы, а сам предмет принимает участие в формировании и развитии вполне конкретного тематического культурного поля. Общение с сотрудниками музеев обеспечивает обмен информацией и даёт возможность научного взаимодействия. Таким образом, предмет коллекции должен публиковаться, выставляться и принимать участие в научно-исследовательской жизни.

Сохранение произведений искусства

Сохранение культурного наследия в частных собраниях — это отдельная обширная тема. Многие частные коллекции хранят уникальные экспонаты, которым, в отдельных случаях, могут позавидовать музейные собрания. В вопросе сохранения культурного наследия в частных собраниях стоит отметить и тот момент, что раритеты бывают достаточно дорогими, и их сложно приобрести государственным музеям, тем более, сделать это быстро и оперативно, тогда как момент скорости оформления покупки редкого, интересного предмета имеет значение, поскольку он может быть объектом желания сразу нескольких организаций и коллекционеров. Надо сказать, что в вопросе сохранения культурного наследия в глобальном масштабе мотив собирательства того или иного конкретного лица не имеет ровно никакого значения.

Как правило, у каждой отдельно взятой картины интересная судьба: история её создания, затем смена владельцев и коллекций. Но неизменно раритеты и уникальные произведения искусства оказываются в руках истинного ценителя. Каждая работа каждого художника, статья и выставка, посвящённая творчеству этих художников, это безусловный вклад в обогащение и изучение культурного наследия. Именно благодаря частным русским коллекционерам, их личному стремлению, участию, их частным капиталам сохранены многие произведения русского искусства, многие из предметов возвращены сегодня в Россию. Частные коллекции — это значительный вклад в сохранение культурного наследия нашей страны. Благодаря частным собраниям мы обязаны сохранению значительной части культурного наследия, восстановлению многих страниц истории искусства, стимулированием более подробного изучения и реконструкции биографий многих художников. Тем не менее случаи утраты редких произведений искусства, уникальных памятников культуры встречаются в истории и носят необратимый характер.

Март 2015, Москва

История и краеведение

*Поздравляем писателя, журналиста, художника, чемпиона по боксу
с 70-летием с пожеланием новых побед и творческих успехов!*

Ефим Гаммер

Ефим Гаммер родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге (Россия), закончил отделение журналистики Латвийского государственного университета в Риге. Автор 15 книг, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству. Среди них — Бунинская, «Добрая лира», «Золотое перо Руси», «Золотая медаль на постаменте», «Петербург. Возрождение мечты», Малая золотая медаль III Международного конкурса имени Сергея Михалкова. Он — дипломант IV международного конкурса имени Алексея Толстого. Роман о подростках «Приёмные дети войны» был отмечен Фондом «Русский мир». Живёт в Иерусалиме. Работает на радио «Голос Израиля». Шеф-редактор и ведущий авторского радиожурнала «Вечерний калейдоскоп»,

член израильских и международных союзов писателей, журналистов, художников. Член редколлегий журналов «Литературный Иерусалим», «Литературный Иерусалим улыбается» (Израиль) и «Приокские зори» (Россия). В возрасте 53 лет вернулся на израильский ринг и по сей день — бесменный чемпион Иерусалима, в 2012 году стал чемпионом Иерусалима в 27-й раз подряд.

Под звёздами калининградскими

Эссе

В марте 2005 года российское телевидение оповестило: Калининграду — 750! В 2010-м провозгласило — 755! Заглянем в 2015 год? Нет, лучше вернёмся в 1965-й, когда и мне, и Калининграду было всего по двадцать советских лет.

Столица Янтарного края прежде, до второй мировой, называлась Кёнигсбергом. И немцы, перефразируя Михаила Светлова на свой лад, могли бы петь: «Прусская область в Германии есть». Я же в ноябре 1964 года, ставший по велению военкомата из рижанина калининградцем, пел совсем иные песни: «А для тебя, родная, есть почта полевая».

Был я чемпионом Латвии и Прибалтики по боксу. Служил в легендарной калининградской спортроте. В ней числились тогда и некоторые из знаменитых баскетболистов рижского СКА — бесменных обладателей кубка европейских чемпионов. Был приписан к нашей роте и великолепный защитник рижской футбольной команды мастеров «Даугава» Залитис, человек двухметрового роста. Вначале я принял его за баскетболиста. Но, выяснилось, ошибся. Баскетболистом оказался низкорослый Валдманис, младший брат знаменитого игрока из СКА—Рига. Залитис пробыл с нами всего лишь месяц, прошёл курс молодого бойца — и был таков. Исчез с наших армейских горизонтов. И как бы чудом материализовался в своей безрукавке и бутсах опять на футбольном поле, чтобы продолжить играть за «Даугаву» — как будто уже и не советский солдат вовсе.

В Кутузовском военном городке познакомился я и с чемпионом мира по шашкам Андрисом Андрейко, позже убитым при невыясненных обстоятельствах в Риге. Откомандированный по случаю

каких-то соревнований из Риги в Калининград, Андрис Андрейко выглядел в гимнастёрке и галифе форменным салажонком. Он сидел в так называемой Ленинской комнате, где мы за газетами и письмами домой проводили свободное время, и играл сам с собой в шашки. Надо подчеркнуть, в обычные. Я не подозревал, что этот салажонок на самом деле гений stokлеточных шашек, разгромивший непобедимых прежде голландцев, и поэтому предложил ему сразиться на «масло».

Объясняю — на завтрак советскому солдату полагалось девять граммов масла, которое он аккуратно намазывал на кусок чёрного хлеба. Свой бутерброд солдат запивал чаем с двумя кусочками сахара. Получалось, как сегодня помню, вкусно. Но не питательно. С голоду не умрёшь, но... всегда помнишь, что ни в обед, ни на ужин масло тебе уже не положено. Весь суточный рацион защитника Отечества — 97 копеек. Знаю это потому, что когда мы, боксёры, выходили на сборы, нам выплачивали денежное возмещение армейской пайки по 97 копеек за день. Попробуй повоюй, да ещё побоксируй! Калорий было недостаточно. Вот мы и играли в шашки «на масло».

Пусть я играл в шашки неплохо для прочих боксёров, борцов, штангистов и стрелков из пистолета, но против Андриса Андрейко, само собой, не устоял. Поэтому на следующее утро, когда мы расаживались за длинный стол на десять человек, он имел законное право провозгласить в столовке: «Я ем масло за Гаммера». Не успеешь провозгласить, масло с общей тарелки улетучится — у солдат лишнего куса не бывает.

Командовал спортивной ротой капитан Таранда, по всей видимости, отец ставшего впоследствии знаменитым Гедиминаса Таранды, артиста московского балета. Рота под его началом считалась «отличной», в переводе на русский — лучшей в 1-й Гвардейской танковой дивизии 11-й Ударной танковой армии. В конце 1965 года он получил повышение и стал начальником штаба батальона.

По вечерам, после «ать-два!», тактических занятий и стрельб, я чуть ли не ежедневно с друзьями тащился из Кутузовского военного городка в спортзал общества «Труд», к тренеру Рубову, на тренировки. Помню своё первое впечатление. Мы ехали более тридцати минут на трамвае вдоль бесконечной вереницы разрушенных домов. Ехали с ощущением, что только вчера здесь была бомбёжка, и руины ещё дымятся.

— Почему не отстраиваются? — недоумевали ребята.

Мы все были из Риги, Каунаса, Таллина — прибалтийских городов, мало пострадавших от войны.

Младший сержант Валя Куйк, в то время командир боксёрского отделения из эстонского городка Кохтла-Ярве, пожимал плечами.

— Наверное, потому, — говорил он нам, — что ещё не знают: будут ли отдавать Калининград назад немцам или не будут.

«Отдавать — не отдавать» — эти значимые в устах прибалта слова, по-моему, до сих пор витают в городе, взятом штурмом, так сказать, «моей» 1-й Гвардейской танковой дивизией в составе 11-й Ударной танковой армии.

Историческая справка. Наступление на Пруссию началось в середине января 1945 года. К Кёнигсбергу советские войска выдвинулись к началу апреля. Город-крепость защищали 43 немецкие дивизии и отряды фольксштурма. 6 апреля пошли на приступ. 9 апреля гитлеровское командование подписало акт о капитуляции. 10 апреля на гробнице философа Иммануила Канта появилась корявая надпись: «Теперь ты понял, что мир материален?» Вероятно, её сделал недоучившийся студент в солдатской форме.

Сегодня может показаться странным, но в 1965-м, когда мы ездили сквозь разрушенный город на тренировки в спортобщество «Труд», каждый из нас, солдат гвардейской дивизии, доподлинно знал, какой секретный приказ хранится в сейфе командующего армией. Срок давности этого приказа, я полагаю, истёк. Пора его и «обнародовать». Звучит он приблизительно так: в случае войны 11-й Ударной танковой армии надлежит немедленно наступать на Берлин.

То, что я знал об этом приказе, скрашивало мне, слышавшему о фашизме, геноциде и холокосте не от советских лекторов-просветителей, тяготы службы. Правда, я не задумывался, на какой Берлин наступать — западный или восточный. Но то, что наступать предстоит, сомнений не вызывало. Не зря ведь в 1965 году на армейских учениях мы совершили тысячекилометровый марш-бросок по лесам и весям Калининградской области и Литвы, о чём я уже в Израиле написал небольшой роман «ТРЭМБО». Учения прошли очень успешно. В особенности для меня. Я обнаружил на просёлочной

дороге потерянную каким-то тягачом пушку и доложил об этом капитану Резниченко, заместителю начальника техчасти полка. Водитель Близнюк прицепил это орудие к нашей «командке» — этакому автофургону. И мы мотались с трофеем по дорогам скрытого передвижения войск, ища растяпу, потерявшего орудие, из-за чего мог угодить под трибунал. Когда его нашли, он получил нагоняй от капитана Резниченко, а я благодарность в виде «тайного» стакана водки. Оповещать о моём «подвиге» официально было нельзя, тем более по командованию, «наверх», ибо потеря пушки — это ЧП вселенского масштаба, которое должно было стоить кому-то звёздочек.

Спасенные мною звёздочки, обмытые в «тайном» стакане водки, засияли для меня на небосклоне некоторым послаблением воинских порядков. Из штаба армии командиру спортроты капитану Таранде было направлено распоряжение: отпускать меня из казармы в город. Не только в спортобщество «Труд» на тренировки, но и в Дом офицеров, на занятия литературного объединения. Так как «гвардии рядовой Ефим Гаммер является признанным поэтом, о чём свидетельствуют публикации стихов вышеназванного гвардии рядового в газетах «За Родину», «Калининградском комсомольце», «Калининградской правде», «Советской молодёжи», а также в сборнике «Голоса молодых» и в некоторых других газетах и журналах, имеющих республиканское и всесоюзное значение».

Получив послабление по службе, я тут же стал ходить в литобъединение при Доме офицеров.

У меня до сих пор сохранились «корочки», позволявшие ходить по улицам Калининграда, не опасаясь патрулей. Это продолговатое, мышинного цвета удостоверение с моей фотокарточкой на развороте. В нём написано:

БИЛЕТ УЧАСТНИКА
художественной самодеятельности
Дома офицеров
выдан рядовому Гаммер Е.А.
в том, что он действительно
занимается в литературном объединении
гарнизонного Дома офицеров.
Дни занятий — среда,
с 17 час. до 22 час.
Инструктор художественной самодеятельности
Симонова.
Печать. Подпись.

Благодаря БИЛЕТУ УЧАСТНИКА я мог по средам безбоязненно болтаться по улицам Калининграда, заходить в парк Калинина и по малоприметной тропке, открытой мне Валей Куйком, подниматься к памятнику Иммануилу Канту. А потом, пофилософствовав, скажем так, наедине с ним, я наведывался в малоприметное кафе на узкой улочке, поперечной парку со стадионом «Балтика» и Зоопарку, что на противоположной стороне бульвара. Солдатам не разрешалось заходить в кафе. А мне, рижанину, хотелось. И не вина, а чистого кофе, как и положено прибалту. Вот я и ходил, нарушая армейские установки. Однажды я перепил кофе. И всю ночь не сомкнул глаз. А наутро — тревога. И пошло-поехало... Так что лишняя чашечка калининградского кофе сыграла со мной скверную шутку. Но я бы и сегодня от него не отказался — вкус у него был какой-то удивительный, памятный, теперь можно бы добавить — ностальгический.

Столь же ностальгически вспоминается мне и региональное совещание молодых поэтов и прозаиков Северо-Запада России, проведённое в Калининграде. Вёл его председатель областного союза писателей Валентин Ерашов, автор популярной книги «Янтарная комната». Из Москвы прибыли писатели и киносценаристы Эмиль Брагинский и Владлен Бахнов. Было это ещё до выхода в свет их культовых фильмов «Берегись автомобиля» (сценарий Эмиля Брагинского) и «12 стульев» (сценарий Владлена Бахнова). Но и тогда они были достаточно известны по картинам «Василий Суриков» (сценарий Эмиля Брагинского) и «Штрафной удар» (сценарий Владлена Бахнова).

Незадолго до приезда столичных литераторов газета «Калининградский комсомолец» дала мою подборку из трёх стихотворений «Глобус», «Выходят замуж девочки» и «Старые боксёрские перчатки». Многострадальные «перчатки», почти четыре года ждущие публикации в «Советском спорте», впервые увидели свет и незамедлительно, прямо на семинаре, получили лестные отзывы и Бахнова, и Брагинского. Уже и прежде я замечал, что мое боксёрское «я» сразу же привлекает к

себе внимание старших литераторов, в особенности тех, кто имел удовольствие родиться евреем. Наверное, это связано с неистребимым желанием дать по морде в ответ на бытовые оскорбления и невозможностью сделать это из-за близорукости или излишней интеллигентности. Я же, судя по стихам, был лишён мешающих мордобитию факторов. И с лёгкостью мог совершить то, о чём — предположим — руководители нашего семинара только мечтали. Мог совершить и совершал по необходимости, как они догадывались, ставя плюсовые оценки моему стихотворению.

СТАРЫЕ БОКСЁРСКИЕ ПЕРЧАТКИ

Перчатки в проседи соли, что с потом впиталась в них, как память о прошлом, боксёры хранят меж реликвий своих. Перчатки лежат устало. Своей недовольны судьбой - их тянет на ринги спортзалов, их тянет в тяжёлый бой.	Чтоб снова с завидным уменьем, не попадая впросак, распутывать хитросплетеньё встречных быстрых атак. Чтоб снова отвагой лихою болельщиков покорить... Перчатки, родившись для боя, не могут без боя жить.
---	---

Во имя порядка в танковых войсках литературы следует заметить, что наибольший успех у всех нас, начинающих, продолжающих и заканчивающих свой творческий путь, несомненно, имели старший лейтенант-ракетчик Юрий Беличенко из Гвардейска и шестнадцатилетняя поэтесса из города Гусева Валя Соловьёва. Она писала милые лирические стихи, которые всем очень нравились. И Валентин Ерашов сказал на итоговом собрании литераторов, что её книгу стихов «Шаги» будут рекомендовать Калининградскому книжному издательству. Книга и вышла в свет, когда Вале Соловьёвой было всего 17 лет. Это была настоящая удача! По тем застойным временам редко кому удавалось вытащить столь счастливый лотерейный билет.

Почему-то такой же лотерейный билет не достался Юрию Беличенко? Казалось бы, его поэтические произведения по своей творческой мощи должны были преодолеть все цензурные решётки и прорваться к читателю. Но неведомые писательские начальники поставили на его пути непроходимые заслоны, и стихи, которые мы готовы были рекомендовать в печать, так и не попали к редакторам Калининградского издательства. Но запали в нас. И прижились. Вот одно его стихотворение, запомнившееся тогда мне.

Юрий Беличенко, *из книги «Звенья»,
впервые прочитано на семинаре молодых поэтов в Калининграде в 1965 году.*

У первой памяти моей остались взорванные танки, землянки, первые времянки полуразрушенных семей. И та зима, где до весны ничуть не ближе, чем до неба. И целый год всё те же сны, в которых было много хлеба. А хлеба не было пока, и люди часто умирали.	Там шли тугие облака и терпеливые бока о наши крыши обдирали. До школы было далеко, а у единственной коровы шатались зубы от половы и не вязалось молоко. Там раз в неделю шло кино одно для нескольких селений... И это было так давно, что даже сказка современной.
---	---

Вдумайтесь, как для нас, родившихся в годы войны, звучали это строки:

И целый год всё те же сны,
в которых было много хлеба.

Лишь спустя четыре года, в 1969-м, первая книга Юрия Беличенко «Звенья» увидела свет. И произошло это отнюдь не в Калининграде, а в Риге, после семинара молодых писателей, в котором и я, уже демобилизовавшийся и вернувшийся домой, участвовал опять-таки вместе с ним.

На рижском совещании молодых авторов его стихи произвели такое же сильное впечатление, как в 1965-м на калининградском. И когда возник вопрос, чью книгу рекомендовать в издательство «Лиезма», мы — молодые поэты Латвии — проголосовали за Юрия Беличенко.

По тем зыбучим временам нам всем было чрезвычайно важно, чтобы наконец-то молодые поэты и прозаики мало-помалу прорывались к читателю, а то ведь на нас издательство выделяло всего по два-три печатных листа в год, и до сорока лет не очень-то подпускало к редакторским кабинетам.

Это я испытал и на своей судьбе. После первой публикации в сборнике «Голоса молодых» в 1963 году, когда мне было восемнадцать лет, наступил перерыв. Журналы и газеты обещали, но ничего не печатали. И лишь после призыва в армию (по прибытии в Калининград) наступил прорыв. В «Калининградском комсомольце» появилась моя подборка из трёх стихотворений («Старые боксёрские перчатки», «Глобус», «Выходят замуж девочки»). Никогда прежде я, так сказать, не задеиствовал на полосе столь сногшибательного количества печатных знаков. Ранее пробавлялся надеждами, которые юношей питают. И вот они осуществились. Произошло это невероятное событие накануне 1965 года, а подписал стихи в печать заведующий отделом литературы и искусства Алексей Солоницын, человек уникальной судьбы, в чём-то предвосхитивший диссидентов.

До появления в Калининграде он жил в Риге и работал заместителем главного редактора республиканской газеты «Советская молодёжь», основанной, к слову, 28 марта 1945 года, то есть она была ровесницей Калининграда.

В двадцать пять лет занимать такой пост, согласитесь, не каждому дано. А уж какая карьера наклеивалась, об этом остаётся только догадываться. Но догадываться поздно, ибо Алексей Солоницын совершил опрометчивый поступок: он собственноручно сорвал с шаткого и грязного забора, окружающего какую-то дохлую новостройку у озера Югла, кумачовый транспарант с надписью «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»

Сам я при этом не присутствовал, но помню, с каким восхищением об этом говорили в Риге.

Потом Алексей объяснял свой, «пьяный», предположим, поступок тем, что забор был уродливый и старый, весь покосившийся, как забулдыга в похмельном бреду. Вешать на него транспарант — это не что иное, как унижение достоинства того самого советского человека, который собирается жить при коммунизме.

Но никакая словесная эквилибристика не могла спасти Алексея Солоницына. То ли впаяли ему 15 суток за хулиганство в нетрезвом виде, то ли ещё что... Правда, из журналистики увольнять не стали. И он оказался в «Калининградском комсомольце», где, возможно, и не были в курсе этой исключительной по тем временам истории, которую я пересказал со слов бывших коллег из латвийской «молодёжки». Может, не всё в ней правда. Но звучит она красиво. А Лёша Солоницын мне таким и запомнился — молодым и красивым. И была ещё в нём одна приятная для меня черта — он охотно печатал Ефима Гаммера на страницах «Калининградского комсомольца», одну подборку за другой, а потом и в «Калининградской правде».

Было это недавно. Было это давно. В ту пору, когда я начал печататься, делал марш-броски, стрелял из АКМа по мишеням на полигоне, был чемпионом Прибалтики по боксу, а лучший боксёр Калининграда, с кем я ещё с 1963-го состоял в одной сборной Рижского СКА, Стасис Струмскис победил, как поговаривали, самого Лагутина.

Было это в 1965 году, когда и я, считаясь калининградцем, на пару с городом отмечал наше общее двадцатилетие.

А теперь мне 70. И я продолжаю жить не только в литературе, издавая книги и публикуясь по всему миру — в Израиле, России, США, Франции, Германии, Канаде, но и в боксе, так как вернулся на ринг после 18-летнего перерыва, в 53 года, и ныне являюсь старейшим на Земле действующим боксёром, установившим своеобразный мировой рекорд.

Наши друзья

Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17, кв. 65

Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru

Журнал «Великоросс»: http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_29/article_1253/

Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistikogo-masterstva-slava-rossii>

Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>

Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>

Русский народный дом: <http://rusnardom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>

Журнал «Воин России: voin-rossii.ru

Журнал «Новая Немига литературная»

Портал Переправа <http://pereprava.org/>

Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне www.raga.org

Русская народная линия ruskline.ru

Журнал «Подъем» — <http://www.podiem.vsi.ru>